

МОЛОДОЙ

УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

X COAL H CARBONISED AT 100°C (2 B.S.S.)
COAL H CARBONISED AT 805°C (72 B.S.S.)
COAL H CARBONISED AT 1000°C (ISSN 2072-0297)
COAL H CARBONISED AT 1000°C (240 B.S.S.)

Minor groove

Major groove

Material	Temp.	700° C	750° C	800° C	850° C	1,000° C
Helium	Density, g./cm. ³	1.01	1.031	1.861	1.96*	—
Water	Drift, %	—	—	0.0	—	—
	Density after 2 hr., g./cm. ³	—	—	1.52	—	—
Methanol	Drift, % (2 hr. to 24 hr.)	—	—	0.1	—	—
	Density after 24 hr., g./cm. ³	—	—	1.22	—	1.560
Carbon disulphide	Drift, % (2 hr. to 24 hr.)	—	—	—	—	—
	Density after 24 hr., g./cm. ³	—	—	1.27	—	—
Acetone	Drift, % (2 hr. to 24 hr.)	0.7	—	—	—	—
	Density after 24 hr., g./cm. ³	—	—	—	—	—
Chloroform	Drift, % (2 hr. to 24 hr.)	—	—	—	—	—
	Density after 24 hr., g./cm. ³	—	—	—	—	—
Carbon tetrachloride	Drift, % (2 hr. to 24 hr.)	—	—	—	—	—
	Density after 24 hr., g./cm. ³	—	—	—	—	—
Ether	Drift, % (2 hr. to 24 hr.)	—	—	—	—	—
	Density after 24 hr., g./cm. ³	—	—	—	—	—
n-Hexane	Drift, % (2 hr. to 24 hr.)	—	—	—	—	—
	Density after 24 hr., g./cm. ³	—	—	—	—	—

УЧЕНЫМ

An X-ray investigation of some « amorphous » carbons and graphites has revealed certain structures which it is the purpose of this note to describe. As a preliminary to the wider problems of carbon structure and the dependence of structure on the origin and treatment of the material, a detailed quantitative study of a single carbon was made, in order to ascertain just how much information the diffuse X-ray method could be made to yield. The material prepared by pyrolysis of polyvinylchloride at 1,000°, and is more than 99 % carbon. The following results were obtained.

65 % of the carbon is in the form of highly perfect graphite-like layers. The mean diameter of these

between pairs of small parallel graphite-like layers, the spacing in true graphite being 3.35 Å.

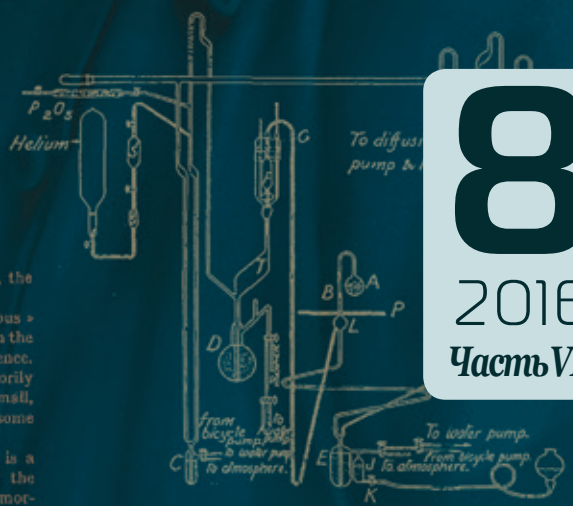
The investigation of a number of other « amorphous » carbons showed that the sharp separation between the ordered and disordered parts is of general occurrence. All the X-ray diagrams obtained can be satisfactorily interpreted by supposing the existence only of small, perfect, graphite-like layers together with some highly disordered material.

For carbons of widely different origin there is a general relationship between the diameter of the graphite-like layers and the proportion of amorphous material. This is shown in figure 1. For car-

- x— HELIUM
- o— METHANOL
- WATER
- △— n-HEXANE
- +— BENZENE

ON THE STRUCTURE OF CARBON.

BY DAVID E. FRANKLIN

8
2016
Часть VII

16+

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Международный научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 8 (112) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 15.05.2016. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович

На обложке изображена Розалинд Франклин (1920–1958) — английский биофизик и учёный-рентгенограф, занималась изучением структуры ДНК.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Атрашкевич В. Н.**
Какова справедливая компенсация вреда здоровью? 707
- Ахъядов Э. С.**
Анализ и тенденции текущего состояния преступности в Российской Федерации 708
- Ахъядов Э. С.**
Коррупция: практика борьбы в России и в Чеченской Республике в частности 709
- Ахъядов Э. С.**
К вопросу о причинах и условиях возникновения организованной преступности 711
- Ахъядов Э. С.**
Исследование проблем: современное состояние и перспективы развития криминологии в России 712
- Ахъядов Э. С.**
История развития суда с участием присяжных заседателей 713
- Баранов А. С., Гаврилов В. Н.**
Практика применения законодательства о самовольных постройках 714
- Береговский М. С., Демьянович И. А.**
Особенности применения процентов по денежным обязательствам 716
- Богун И. А.**
Основания призвания к наследованию при способе принятия наследства в форме фактического принятия 718
- Борода К. А.**
Административная ответственность в законодательстве субъектов Российской Федерации: актуальные проблемы 724
- Будник Г. И.**
Кибертерроризм как угроза основам конституционного строя Российской Федерации: понятие, сущность и проблемы противодействия 725
- Гончарова Н. П.**
Вещные права в российском земельном законодательстве 728
- Джумагазиева Г. С., Садретдинова Л. И.**
Права детей-сирот на жилье: пути и способы защиты 731
- Дряблова А. А.**
Проблема формирования правосознания в России 734
- Еликбаев А. К.**
Проблема возбуждения уголовного дела: анализ теоретико-правовых оснований 736
- Жадан В. Н.**
Россия и европейские международные организации: проблемы и перспективы в международных отношениях 739
- Жарова О. Н.**
Социально-правовая защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей 745
- Кириин А. А.**
Попытка правовой идентификации Суда Евразийского экономического союза 747
- Кунейко А. Н.**
Концепция соотношения гражданского и коммерческого процесса А. А. Книрима 750
- Лоншаков А. В.**
Районный суд 752
- Лоншаков А. В.**
Аппарат суда 754

Маркова А. Ю. Контроль органов судебной власти в Российской Федерации.....	756	Судаков П. А. Совершенствование Правил землепользования и застройки в Санкт-Петербурге.....	777
Масленникова Л. В., Лесных Л. С. К вопросу о восполнении пробелов законодательства о валютном регулировании и валютном контроле.....	759	Тимченко Я. И., Шанина Ю. В. Институт диффамации	779
Мишкуро М. А. Соотношение понятий «война» и «вооруженный конфликт» в международном гуманитарном праве	763	Чечеткина А. Е. Модели регулирования лоббистской деятельности.....	782
Никитина Е. А. К вопросу об основных понятиях инвестиционной деятельности	765	Чумакова Ю. А. Проблемы проведения процедуры финансово- экономической экспертизы нормативно- правовых актов Контрольно-счетной палатой	785
Поваро М. А. Особенности разграничения юрисдикции в судебной системе США. Доктрина политического вопроса.....	767	Швачко К. С. Правотворческая деятельность Центрального банка Российской Федерации	788
Рамазанов Р. Ю. Проблемы самообороны в Российской Федерации.....	770	Швачко К. С. О соотношении банковского контроля и надзора в деятельности Банка России.....	790
Сарсембаев А. С. Феномен статусного дуализма государственного служащего на региональном уровне (на примере Республики Татарстан).....	772		
Сосновских А. В. Проблемы цензуры в начале XX столетия в Российской империи	775		
		ПОЛИТОЛОГИЯ	
		Новиков А. В. Политическая история отношений государственной власти и Русской православной церкви	793

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Какова справедливая компенсация вреда здоровью?

Атрашкевич Виктория Николаевна, студент

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия

Внастоящей статье попробуем разобраться, что же входит в понятие «вред здоровью» и от чего зависит сумма компенсации этого вреда.

Причинение вреда здоровью гражданина может выражаться в увечье (травме), профессиональном заболевании или ином повреждении здоровья. Увечье (травма) характеризуется физическим повреждением, наступившим под воздействием каких-либо внешних факторов. Профессиональное заболевание является результатом систематического и длительного воздействия на организм человека неустраняемых вредных последствий производства, либо специфических для данной профессии факторов. Это — хроническое или острое заболевание, являющееся результатом воздействия вредного производственного фактора и повлекшее временную или стойкую утрату профессиональной трудоспособности. Под иным повреждением здоровья понимаются вредные последствия общего заболевания, которые возникли у потерпевшего из-за нарушения причинителем вреда установленных правил и норм (чрезмерная нагрузка персонала, отключение отопления, слабая освещенность и т. п.).

Согласно п. 2 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522, вред, причиненный здоровью человека — это нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды.

Бесспорно, что жизнь и здоровье являются нематериальными благами. Но не смотря на то, что вред причиняется нематериальному благу, он может быть двух видов: имущественный с его точной оценкой и моральный вред, под которым понимаются физические или нравственные страдания.

При определении размеров компенсации морального вреда, суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные, заслуживающие внимание обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями

лицом, которому причинен вред. Таким образом, для определения размера компенсации морального вреда, значение имеет степень физических и нравственных страданий, которую объективно оценить невозможно. При ее оценке решающее значение имеет субъективная оценка страданий при предъявлении иска самим истцом, так и субъективная оценка судьей при вынесении решения о компенсации морального вреда при причинении вреда здоровью.

На чем же построить свою субъективную оценку должен судья, чем руководствоваться?

Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24.04.2008 № 194 установлены определенные медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, где тяжесть вреда подразделяется на:

тяжкий, который характеризуется следующими признаками:

- вред, опасный для жизни человека
- потеря зрения, речи, слуха, какого-либо органа или утрата органом его функций;
- прерывание беременности;
- психическое расстройство;
- заболевание наркоманией либо токсикоманией;
- неизгладимое обезображивание лица;
- значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть;
- полная утрата профессиональной трудоспособности;
- средней тяжести, при котором:
 - длительное расстройство здоровья;
 - значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть;
- легкий вред здоровью характеризуется:
 - кратковременным расстройством здоровья;
 - незначительной стойкой утратой общей трудоспособности.

Нематериальный вред по своей природе не поддается точному математическому исчислению, поэтому суд, при определении его размера, руководствуется принципами справедливости и соразмерности. Размер и основания

выплаты данного вида компенсации в каждом конкретном случае зависят от обстоятельств дела и прецедентной практики конкретного суда, либо практики судов региона.

На основании анализа практики вынесения решений по делам о компенсации морального вреда при причинении вреда здоровью, суды учитывают лишь степень тяжести вреда здоровью, и суммы зачастую не превышают при причинении легкого вреда здоровью 10000 рублей, за средней тяжести вред здоровью 50000 рублей, за тяжкий вред здоровью 350000-400000 рублей. По делам о возмещении морального вреда при профессиональном заболевании учитывается степень утраты профессиональной трудоспособности. За утрату профессиональной трудоспособности в 30-40% суды взыскивают от 50000 до 170000 рублей, за 40-60% — от 200000 до 400000 рублей, при возмещении вреда в связи с несчастным случаем на производстве, учету подлежит вина самого потерпевшего в качестве понижающего коэффициента, а также степень близости родства при несчастном случае со смертельным исходом, и суммы варьируются от 150000 до 700000 рублей. Не смотря на то, что компенсация должна быть реальной, а не символической, суды в большинстве случаев привязаны к практике вынесения решений, а не к своему субъективному мнению. Хотя в настоящее время прослеживается тенденция к повышению взыскиваемых сумм при апелляционном рассмотрении дел. При вынесении решения судья учитывает:

- степень вины нарушителя;
- степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому

причинен вред, и характер физических и нравственных страданий, который должен оцениваться с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего, при характеристике которых необходимо дать мотивированную оценку таким показателям, как физическая боль и страдания, психический вред, эмоциональный стресс, чувства унижения и несправедливости, чувства тревоги и разочарования, чувство неопределенности, а также эмоциональные переживания и беспокойство, которые в настоящее время не подлежат учет в силу того, что дать стоимостную оценку данных благ невозможно, либо данные блага формально, без какой либо мотивировки перечислены в решении суда;

- требования разумности и справедливости;
- иные заслуживающие внимания обстоятельства.

Встает вопрос, нужно ли на законодательном уровне устанавливать минимальный либо максимальный размер взыскиваемых сумм, как предлагает ряд авторов, например В. Куликов. Считаю, что нет, несмотря на то, что это нематериальные блага, связанные с внутренним психическим и психологическим миром личности и неподдающиеся оценке, как таковые, так как они бесценны, тем не менее судья при всей сложности, возложенной на него задачи, при вынесении решения, полагаясь на свое мнение и, руководствуясь принципами разумности и справедливости, при учете всех обстоятельств конкретного дела, в денежном выражении оценивает причиненный вред.

Литература:

1. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24.04.2008 № 194
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522

Анализ и тенденции текущего состояния преступности в Российской Федерации

Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет

Государство, в лице его уполномоченных органов и должностных лиц, а также некоторые общественные организации вырабатывали методику борьбы с преступностью.

Борьба с преступностью отличалась конкретными задачами, которые ставились перед нею: общие или частные. Да и реализация данных задач в полном объеме ни в одном обществе или государстве никогда не была полностью гарантированным процессом. На современном этапе развития российской государственности и общества в целом существенный акцент делается на создание провозглашенного Основным законом страны правового государства.

Данное обстоятельство выражается в стремительном осуществлении социальных и экономических реформ, демократизации многих сфер жизни общества. Естественно, все это неосуществимо без соответствующего обеспечения законности и правопорядка в стране, беспрекословного соблюдения конституционных прав граждан. Однако, указанные положительные моменты не исключают тот факт, что криминальная обстановка в нашей стране и по сей день остается далеко еще до конца не урегулированной негативной стороной жизни современного российского общества.

К сожалению, у большинства жителей нашей страны сохраняется довольно стереотипное мышление относи-

тельно формы, методов и средств, которые используются правоохранительными органами страны, в том числе и теми органами, которые преимущественно занимаются профилактикой преступности.

Вследствие этого, в частности, население в своем большинстве скептически относится к тем предостережениям, рекомендациям и прогнозам ученых-криминологов. У отдельных слоев населения данная методика вызывает скорее раздражение, чем восхищение. Также существует некая невидимая стенка между учеными-криминологами и теми, кто призван непосредственно применять нормы законодательства на практике и следовать рекомендациями первых.

Служащим правоохранительных органов часто представляется, что ученые-теоретики недостаточно осведомлены о том, чем им приходится иметь дело, когда в кратчайшие сроки приходится выполнить огромный объем работы, при этом контактируя с самыми сложными людьми с тяжелым характером (преступниками). Легко описывать красивые теории о том, как должно обеспечиваться правопорядок и охрану общественной безопасности, только на деле приходится сталкиваться множеством непредвиденных обстоятельств, чтобы справиться с которыми порой приходится даже импровизировать.

Следует признать, что преступность как негативное социальное явление присуща любой системе, будь то социально-экономическая сфера или политическая.

В каждой из этих сфер есть свои специфические особенности, способствующие как возникновению, так и дальнейшему развитию преступности, обусловленные конкретными научно объяснимыми причинами социаль-

но-экономического, политического или сугубо человеческого характера. В целях эффективной борьбы с преступностью, необходимо учитывать всю многогранность данного отрицательного явления, не пытаясь объяснить весь причинный комплекс односторонне в угоду сложившему в данный момент порядку вещей, изменение которого некоторые блюстители законности порой рассматривают как угрозу своему социальному и должностному положению.

Преступность также следует различать по разным направлениям ее составляющих: по тяжести совершенного преступления, по территории, характеристике личности преступника, по видам, а также по многим другим критериям. Подобная внутренняя классификация, расчленение такого громадного и многостороннего явления, как преступность, имеет важное криминологическое значение, поскольку это позволяет создать более детальное и колоритное представление о самой преступности в целом, о методике борьбы с ней и обо всех других составляющих преступности, что позволяет изучить данное явление наилучшим образом, что в свою очередь обеспечивает создание наиболее действенных профилактических мер.

Преступность, как историческое явление, находит свои корни в эксплуататорском обществе, когда свобода подавляющего большинства населения грубо подавлялась, а плодами его труда пользовалась «избранная» элита. Таким образом, в качестве основной исторической причины возникновения преступности можно указать социальное расслоение общества, неравенство, что неизбежно приводит к агрессивному поведению отдельных эксплуатируемых слоев населения.

Литература:

1. Криминология: учебник/под общ. ред. А.И. Долговой. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: Инфра-М, 2010. — 1008 с.
2. Пирожков, В. Ф.: «Криминальная психология», Издательство: Ось-89. М. 1998 год. с. 55.
3. В.Г. Брычев, А.И. Гук. Россия и Северо-Кавказский регион (Чечня): история и современность. М., 2000, с. 25-27.
4. Стюфляев, В. Ф. Некоторые оценки, характеризующие состояние преступности в субъектах России по ЮФО // Организационно-правовые проблемы борьбы с преступностью в субъектах РФ. ВНИИ МВД России, М., 2005 год. с. 34.
5. Волженкин, Б. В. Служебное преступление. — М., 2000 г.

Коррупция: практика борьбы в России и в Чеченской Республике в частности

Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет

Статистические оценки этого явления обычно настолько условны, что почти ничего не могут сказать неспециалисту о действительном состоянии коррупции в стране. Отчасти этот недостаток уголовной статистики

может быть компенсирован результатами научных исследований.

В 1999 г. в России было зарегистрировано немногим более 20000 коррупционных преступлений в государ-

ственной и негосударственной сферах, в том числе: 6871 факт взяточничества и 1236 фактов коммерческого подкупа. По данным В. Н. Лопатина, общее количество зарегистрированных коррупционных преступлений (по 19 составам) в том же году составило 25211 (или менее 1% от общего объема зарегистрированных преступлений), а по данным В. К. Максимова и Ю. Г. Наумова (по 11 составам), 72804 преступления (или 2,4% от общего объема зарегистрированных преступлений). Соответственно в 2005 г. объем коррупционной преступности, рассчитанный по методике В. Н. Лопатина, едва превысил 31000 преступлений, а тот же показатель, рассчитанный по методике В. К. Максимова и Ю. Г. Наумова, — 106700 преступлений.

Ущерб от коррупционных преступлений в России за 2012 год оценивается почти в 21 миллиард рублей. Как сообщает агентство «Интерфакс», об этом на «парламентском часе» в Госдуме заявил генпрокурор РФ Юрий Чайка.

«Установлено свыше 49 тысяч посягательств, что почти на четверть превышает уровень 2011 года, на 13 процентов больше установлено лиц, совершивших такие деяния», — сказал генпрокурор. По словам Чайки, число преступлений, причинивших крупный и особо крупный ущерб, выросло еще сильнее — на 80 процентов.

В сфере госзакупок, по словам генпрокурора, за год было выявлено 83000 нарушений и возбуждено 343 уголовных дела.

После Чайки в Госдуме выступил глава Следственного комитета Александр Бастрыкин, заявивший: «В истекшем году, несмотря на снижение на четыре процента преступности в целом, количество выявленных преступлений коррупционной направленности по линии Следственного комитета существенно возросло и составило почти 50000».

При этом и Чайка, и Бастрыкин признали, что эти цифры (относящиеся к зарегистрированным преступлениям) не отражают реальный объем коррупции.

Пугающие различия в статистической оценке регистрируемой коррупционной преступности в России убеждают в том, что нормативное закрепление перечня коррупционных преступлений является первым и совершенно необходимым условием для организации борьбы с коррупционной преступностью. Отсутствие такого перечня позволяет заинтересованным административным и по-

литическим структурам произвольно манипулировать не только общественным мнением, но и бюджетными ресурсами для целей борьбы с коррупцией.

Следует также учитывать, что незарегистрированная часть коррупционных преступлений, по оценкам экспертов, уже в конце 1980-х гг. в среднем в 10 раз была больше зарегистрированной. Коэффициент латентности наиболее выявляемого вида коррупционных преступлений (взяточничества), по данным проведенного учеными в 1992 г. опроса экспертов из числа сотрудников подразделений органов внутренних дел по экономическим преступлениям (126 чел.), составил 18. Однако уже в 1995 г. уровень латентности взяточничества оценивался аналогичной группой экспертов коэффициентом, превышающим 2000.

Что касается практики борьбы с коррупцией в Чеченской Республике. Депутаты Парламента ЧР приняли во втором и окончательном чтении закон «О противодействии коррупции в Чеченской Республике». Как отметил председатель Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности Саид Юсупов, данный закон направлен на защиту прав и свобод человека и гражданина, а также общественных интересов. — Наряду с этим нормы законопроекта предусматривают обеспечение надлежащей деятельности государственных органов республики; лиц, замещающих государственные должности; выборные муниципальные должности, должности государственной гражданской и муниципальной службы ЧР путем предупреждения коррупционных правонарушений, — уточнил председатель комитета. В целом, по словам С. Юсупова, принятие закона «О противодействии коррупции в ЧР» будет способствовать созданию эффективной системы противодействия коррупции в республике. Как было отмечено, настоящий закон, состоящий из 18 статей, устанавливает задачи, принципы, меры предупреждения и противодействия коррупции в Чеченской Республике. В нем указаны полномочия всех ветвей власти по реализации антикоррупционной политики, меры по профилактике коррупции, правовое регулирование в данной области и программа противодействия данному социальному злу. Принятие закона позволит законодательно решить возникающие в этой сфере проблемы, — отметил в заключение председатель Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности. Пресс-служба Парламента Чеченской Республики.

Литература:

1. Макаров, А. М. Организованная преступность. СПб «Питер» 2012 г. с. 268.
2. Максимов, В. К. Коррупция (социально-экономические и криминологические аспекты). М.: Академия управления МВД России, 2011 г. с. 87.
3. Галахова, А. В. Уголовный закон в практике районного суда. М. «Норма» 2010 г. с. 205.
4. Лунеев, В. В. Преступность XXI века: мировые, региональные и российские тенденции. 3-е изд. М. «Волтере Клувер» 2011 г. с. 335.

К вопросу о причинах и условиях возникновения организованной преступности

Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет

На возникновение организованной преступности в России среди ученых и практиков имеются в основном две точки зрения. Первая — организованная преступность появилась в 80 — начале 90-х годов. Вторая — организованная преступность существовала и в царской России, и при советской власти и выражалась, прежде всего, в наличии шайек и банд. Направленность их преступной деятельности зависела от конкретной социально-экономической ситуации и обеспеченности населения. В основном она состояла из общеуголовных преступлений корыстной направленности, таких, как кражи, разбойные и бандитские нападения.

Исследование причин преступности раскрывает природу этого социально-негативного явления, объясняет его происхождение, показывает, от чего зависит существование преступности, что способствует ее сохранению, сегодня его оживлению, а что этому противодействует. Только на основе подобных знаний можно обеспечить эффективную борьбу с преступностью: предвидеть происходящие в ней изменения, определить и осуществить необходимые мероприятия по предупреждению преступных проявлений, их сокращению. Для сотрудников Федеральной службы знание причин и условий преступности, в части их касающейся, является одним из условий их успешной профессиональной деятельности, связанной с предупреждением государственных преступлений, правонарушений, когда исключительно важное значение приобретает не только борьба с конкретными носителями зла — преступниками, контрабандистами, лицами, незаконно выезжающими из страны и въезжающие в страну, связанными с организованной преступностью совершающими уголовные преступления, но и профилактика правонарушений, устранение их причин и условий.

В данное время в стране сложилась катастрофическая ситуация.

Государство и общество утратили контроль над преступностью, идет массовое разграбление богатств России. По мнению С.В. Ванюшкина сегодня факторами, определяющими разрастание организованной преступности, являются:

- провалы в экономике;
- постоянное ухудшение в этой сфере и, как следствие, падение жизненного уровня значительной части населения;

- резкая дифференциация в обществе;
- сохраняющаяся на протяжении длительного времени социально-политическая напряженность, вызванная непрекращающимися конфликтами, забастовками, вооруженными столкновениями и войнами;
- укрепляющееся неверие людей в способность органов местной власти решить возникающие проблемы и обусловленное этим стремление значительной части населения использовать для получения денежных средств незаконные пути;
- потеря государством возможности отстаивать свои экономические интересы;
- некомпетентный подход к решению вопросов, связанных с укреплением правопорядка и обусловленное этим длительное невнимание к проблемам формирования правоохранительной системы в целом, органов внутренних дел, в частности, их материальному, техническому, кадровому обеспечению, разработке правовой базы, направленной на эффективную борьбу с организованной преступностью.

По мнению В.С. Овчинского, на развитие организованной преступности сегодня повлияли:

- всё углубляющийся кризис в экономике и общественно-политической жизни общества;
- стремительное падение уровня общественного производства при одновременном росте инфляции и безработицы;
- резкое увеличение разрыва между уровнями жизни различных групп населения в связи с введением рыночной экономики как в социальной структуре общества, так и по различным регионам.

Очень важной причиной разрастания организованной преступности является процесс ее самовоспроизводства и правового противодействия со стороны государства. Организованные преступные формирования быстро расширяют свою преступную деятельность вширь и вглубь, проникая все дальше в экономические и политические структуры общества.

Формированию организованной преступности активно способствовала советская исправительная система. Таким образом, организованная преступность имеет и свои тюремные корни, которые не исчезли и в настоящее время.

Литература:

1. Третьяков, В.И. Организованная преступность в России: понятие, признаки // В.И. Третьяков // Российский следователь. — 2013 г. — № 7. — с. 31-32.
2. Арестов, А.И. Сущностные признаки и определение организованной преступности // Российский следователь. — 2014 г. — № 2. — с. 31-36.

3. Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарии и проблемы применения/С. В. Белоцерковский // Уголовное право. — 2012 г. — № 2. — с. 9-14.
4. Тепляшин, П. В. Устойчивость и сплоченность как признаки организованной группы и преступного сообщества/П. В. Тепляшин // Следователь. — 2013 г. — № 2. — с. 10-16
5. Корнилов, А. В. Понятие и сущность организованной преступности: криминологический и уголовно-правовой аспекты/А. В. Корнилов // Вестник МГУ. — 2013 г. — Т. 3. — с. 144-151.

Исследование проблем: современное состояние и перспективы развития криминологии в России

Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет

Невзирая на выход в свет в последнее время в России ряда основательных криминологических дел (Г. А. Аванесов, Ю. М. Антонян, А. И. Алексеев, М. М. Бабаев, Я. И. Гишинский, К. К. Горяинов, С. П. Горшенков, А. И. Долгова, А. Э. Жалинский, С. М. Иншаков, В. Е. Квашис, Л. В. Кондратюк, С. Я. Лебедев, Н. А. Лопашенко, В. В. Лунеев, И. М. Мацкевич, В. С. Овчинский, В. А. Номоконов, Э. Ф. Побегайло, В. Е. Эминов и др.), в общем состоянии прогрессивной криминологической науки можно охарактеризовать как кризисное.

Ключевые показатели данного упадка сводятся к следующему: не востребованность, особо в последнее время, как со стороны страны («власть имущих»), но и общества. Предписанное выражается в уменьшении численности и масштабов прикладных изысканий, также в упорных поползновениях в последнее время ликвидировать учебную выдержку «Криминология» из ассортимента непреходящих вещей, сообразно казенному образовательному стереотипу.

Не всеобъемлемость денежных, материальных и кадровых ресурсов для реализации прикладных концепций борьбы с преступностью и ее предостережения.

Недоступность точных теоретико-методологических основ, а основное — подходящего подготовленности современной разработки криминологов.

Отмеченное выражается конкретно в неудовлетворительной общетеоретической, основательной и методологической, включая философскую, подготовке криминологов.

Сначала идет речь о владении основами диалектики и ее веками проверенных законов, категорий и способов.

К примеру, исследование и трактовка этих основополагающих понятий криминологии и социально-правовых явлений как преступность, ее ключевые виды, детерминанты, персона злоумышленника, предостережение преступности и профилактика правонарушений (единая и персональная) беспристрастно невероятны в отсутствии ровневого расклада.

Выявляется феноменальная обстановка: нежелезные менее исполняются точных изысканий и предполагается фактических исследований, тем более обнаруживаются лиц, которые просто «оформляют» учебные пособия, курсы лекций и т. д., полагая их «авторскими» работами. В итоге, к большому сожалению, результаты глубоких размышлений и научных построений ведущих ученых криминологов не востребованы, мало или почти никак не влияют на криминальную реальность страны и уровень безопасности граждан.

Таким образом, криминология существует как бы сама по себе (кстати, за это в свое время, т. е. 30-40 лет назад, советские криминологии активно критиковали зарубежных коллег, называя некоторых из них учеными, сидящими в «башне из слоновой кости»), а реальная жизнь и практика борьбы с преступностью и ее предупреждения, как и серьезная криминальная обстановка в стране в целом, — сами по себе.

Нынешнее положение современной отечественной криминологии обусловлено и общей ситуацией, сложившейся в стране, обществе, науке и определенными политико-экономическими трудностями, всплывками национализма и экстремизма, ростом реальной преступности и ее качественными изменениями. Кроме того, резко изменилось соотношение сил на мировой арене и, соответственно, место, которое занимает в нем Россия.

Поэтому по-прежнему обоснованы, на мой взгляд, следующие основные вопросы — задачи, которые каждый из ответственных профессионалов — криминологов должен ставить перед собой, своими коллегами и учениками, а главное — последовательно разрешать их как в теоретическом, так и в прикладных аспектах:

- основные проблемы современной отечественной криминологии;
- перспективы ее развития;
- место и роль криминологии и тесно связанных с ней наук и концепций: криминальной виктимологии, криминальной девиантологии, агрессологии, конфликтологии —

в условиях перманентных реформ во всех сферах государства и общества.

Ныне изучаемая криминология не в том состоянии что и в начале ее становления. Массовые исследования, в социальных, экономических, политических, виктимологических и в других сферах дали свои плоды по развитию данной науки.

Литература:

1. Алексеев, А. И. Криминология. Курс лекций. — М., 2014 г.
2. Алексеев, А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. — М., 2012 г.
3. Криминология/Под ред. В. Д. Малкова. — М., 2011 г.
4. Кабанов, П. А. Систематизация и классификация криминологических знаний в современной России // Следователь. 2007 г. № 1. с. 51-57.

История развития суда с участием присяжных заседателей

Ахьядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет

Как самостоятельный правовой институт суды присяжных в России впервые были введены судебной реформой 1864 году. После такого события, были созданы всеобщие суды с участием представителей общества и народа.

С этого момента в целом, начинается создание и развитие деятельности суда присяжных, которая охватывает несколько этапов.

Первым периодом становления суда присяжных стали 1864 по 1889 года. В это время разбирательство в суде происходило с участием так называемой коронной и народной коллегии. Коронная коллегия состояла из членов окружного суда, а народную коллегия составляли представители народа в количестве 12 человек. В этот период членами суда присяжных могли быть только мужчины достигшие возраста с 25 и до 70 лет. Участие в данном суде женщин в этот период было запрещено и более того даже не обсуждалось. Этот вопрос получил внимание только в 1917 году, но и тогда не получил положительного разрешения. Для участия в суде были введены еще ряд требований, таким образом в списки присяжных не включались слепые, глухие, бедняки, священники, чиновники и многие другие. Знание русского языка было важным критерием, таким образом понятно, что отбор присяжных был довольно жестким.

Суд присяжных был возможен только в условиях устности и гласности. Для того чтобы убедить присяжных в своей правильности, адвокат и прокурор должны были приводить доводы, представлять доказательства, которые затронут сердце, разум и чувства.

В большинстве случаев решения и приговоры присяжных были справедливы и просты. В их приговорах

Наука которая изучая проблему в одной сфере, может дать подсказку что истоки данной проблемы нужно искать и в других направлениях. Но за нами стоит и другая задача, нужно совершенствовать эту науку с плотным сотрудничеством теории с практикой, появляются способы совершения преступления, и в науке, чтобы облегчить работы на практике, нужны новые приемы, методы, действия.

выражалось отношение народа к реальности и явлениям российской действительности, они заставили изменить ряд жестких и давних законов, не соответствовавших мнениям и понятиям народа и представлением общества о соотношении преступления и наказания.

История суда присяжных в старой дореволюционной России говорит о том, что наше общество по уровню своего развития и по качествам своей нравственности заслужил и был достоин иметь этот институт, который выработался самим человечеством в сфере своего вечного стремления к справедливости.

Было видно, что именно этот институт, как нельзя лучше оказывает влияние на формирование правосознания, повышает правовую культуру всех участников процесса, а также и всего народа в целом, также дает возможность гражданам принимать участие в правосудии.

В концепции судебной реформы, принятой 24 октября 1991 года, одним из основных положений является возобновление суда присяжных, который в России действовал с 1864 по 1917 г., после чего был упразднен в 1917 году.

Возвращение в Россию суда присяжных заседателей стала разработка Концепции судебной реформы, в которой суду присяжных было отведено центральное место в демократизации уголовной юстиции.

С 1 января 2003 года началось поэтапное введение судов с участием присяжных заседателей и в других регионах России, на всей территории Российской Федерации. Последним регионом, где был введен суд присяжных, стала Чеченская Республика — с 1 января 2010 года.

Присяжные заседатели, вошедшие в состав коллегии, из присутствующих избирают в совещательной комнате

старшину, который в дальнейшем руководит ходом их совещания и служит посредником между присяжными заседателями и председательствующим.

В судебном следствии существуют некие особенности. Судебное следствие в суде с участием присяжных заседателей начинается со вступительных заявлений государственного обвинителя и защитника.

Специфика судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей проявляется также в порядке и последствиях признания доказательств недопустимыми в отличие от рассмотрения дела профессиональными судьями, когда все доказательства, включая и признанные недопустимыми, попадают в поле зрения судьи, присяжным заседателям не сообщается о наличии таких доказательств, и последние им не предъявляются.

Особенностью производства в суде с участием присяжных заседателей является то, что признание подсудимого виновным или невиновным и постановление приговора четко разделены: если первое относится к компетенции коллегии присяжных заседателей, то второй — к компетенции председательствующего судьи. Совещание коллегии присяжных заседателей проходит без участия председательствующего судьи, а принимаемое решение — вердикт — служит основанием для вынесения председа-

тельствующим обвинительного или оправдательного приговора.

Рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей больше всего показывает принцип состязательности судопроизводства в РФ.

Законодатель с учетом конституционного принципа осуществления уголовного судопроизводства на основе состязательности подразделил участников уголовного судопроизводства на три категории: на участников, осуществляющих функцию защиты, на участников, осуществляющих функцию обвинения и на участников, осуществляющих функции разрешения уголовного дела. Как не трудно даже догадаться третьим участником, является суд.

Состязательность в суде присяжных на всех его стадиях предполагает обеспечение равенства прав сторон, создание необходимых условий для всестороннего и полного исследования дела при сохранении судом объективности и беспристрастности. Если говорить более доходчиво, то это обеспечение обоим сторонам равных процессуальных возможностей.

Эти цели достигаются, в частности, за счет изменения и в определенной мере ограничения процессуальной роли председательствующего судьи.

Литература:

1. Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел: Научно-практическая пособие/Под ред. к. ю. н., доц. А. В. Галаховой. — М.: Норма, 2006. — 484 стр.
2. Уголовный процесс: учебник для бакалавров/под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2014. — 545 с. — Серия: Бакалавр. Базовый курс.
3. Уголовный процесс: учебник/под ред. В. П. Божьева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. — 541 с. — Серия: Основы наук. — 385 стр.
4. Безлепкин, Б. Д. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (по статейный). — 13.-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2015. — 576 с. — 414 стр.
5. Лупинская, П. А. Уголовно-процессуальное право: Учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2005. — 345 с. — (Scholae). — 301 стр.

Практика применения законодательства о самовольных постройках

Баранов Андрей Сергеевич, студент;

Гаврилов Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Ключевые слова: гражданское право, частная собственность, самовольное строение.

The practice of law on unauthorized buildings

The aim of this study is to apply the law on unauthorized buildings, identifying trends in this institute.

Целью данного исследования является применение законодательства о самовольных постройках, выявление тенденции изменения данного института. В рамках этой цели выделяются задачи: сравнение ранее существо-

ющей практики применения данной нормы с современным законодательством, необходимость и обоснованность изменений данной нормы, промежуточные результаты применения и её дальнейшие тенденции развития.

Право не стоит на месте. Ежегодно Госдума РФ рассматривает порядка 1500 проектов, из которых примерно треть становятся законами. Процесс развития позитивного права необратим, всё большие сферы жизни общества попадают в сферу государственного контроля. При этом нужно помнить, что помимо принятия новых законов регулярно вносятся поправки в уже существующие. Это делается как во исполнение традиционных задач права — установление законности, справедливости, правопорядка, так и узко специальных — борьба с коррупцией. Одна из таких была принята к статье 222 ГК РФ [1].

Проблема применения законодательства о самовольных постройках не теряет своей актуальности на протяжении последнего полувека. Советское правосудие ставило задачу вести «решительную борьбу с самовольным захватом земли, самовольным строительством, уделяя главное внимание предупреждению и пресечению этих преступлений» [2]. Норм, предусматривающих легализацию самовольного строения, не предусматривалось, а «должностных лиц, не обеспечивших контроль за надлежащим использованием земли индивидуальным жилищным строительством либо содействовавших незаконному приобретению застройщиками строительных материалов», требовали привлекать к ответственности. Несколько иначе данные вопросы стали рассматриваться с введением частной собственности на землю, закрепляя правовой режим самовольной постройки и предоставляя возможность при определенных обстоятельствах ввести такую постройку в гражданский оборот [3].

«Ночью длинных ковшей» назвали ночь с 8 на 9 февраля, когда в разных районах Москвы приступили к сносу павильонов и торговых центров, включенных в специальный список [4], признанных самовольными постройками во внесудебном порядке. Данная поправка позволила органом местного самоуправления в административном порядке сносить самовольные постройки в установленных законом случаях.

Необходимость данного решения выразил лично мэр Москвы Сергей Собянин [5]. При этом возникает множество вопросов с собственниками строений, в судебном порядке доказавших право собственности на данные строения. Например, ООО «Юка» — собственник павильонов у метро «Краснопресненская» еще в 2014 году подтвердил законность их размещения Арбитражном суде Московского округа [6].

Интересным остается вопрос в отношении объектов, признанных самостоятельными строениями, занесённых в ЕГРН, и в силу ст. 2 ФЗ от 21.07.1997 N 122-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О регистрации прав на недвижимое имущество» зарегистрированное право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке. Не менее интересным является административный порядок сноса к строениям, срок исковой давности для сноса которых давно истек. «Уже тогда было понятно, что новая норма достаточно неоднозначная и подходит к ее толко-

ванию нужно крайне осторожно», — отмечает адвокат Павел Хлюстов [7].

Действия власти г. Москвы не остались без внимания на самом высоком уровне. Депутат Государственной Думы Валерий Рашкин направил в Генпрокуратуру запрос с требованием «провести проверку наличия надлежащих правовых оснований для сноса объектов торговли» [8].

Однако проверка на законность ещё не гарантирует собственникам самостроев права на компенсацию за снос торговых павильонов. Оценка понесенного ущерба оценивается в 22-30 млрд. рублей.

Согласно ч. 2 п. 2 ст. 222 ГК РФ самовольная постройка, если она таковой признана, подлежит сносу за свой счёт лицом, осуществившим ее, либо администрацией, но за счет самовольщика. Что же предлагала администрация г. Москва: а предлагала она самовольщикам, в случае, если они сами снесут свои палатки, компенсацию, но за демонтаж. Речь сейчас не идет о размере этой компенсации. Сам факт предложения компенсации за самовольную постройку свидетельствует о том, что эти постройки не самовольные. Из этого следует, что на лицо, возведшее на эти объекты, распространяется право частной собственности. Согласно Конституции РФ право частной собственности охраняется законом. Никто не может быть лишён этого имущества иначе как по решению суда Согласно ч. 1 ст. 1 ГК РФ гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых отношений, неприкосновенность собственности, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, обеспечении нарушенной защит нарушенных прав. В соответствии с ч. 1 ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договора. Речь идёт именно о возмещении убытков, а не о компенсации за демонтаж строения. Компенсация же может быть возможна за моральный вред, понесённый собственниками объектов, однако суд, отказавший в обеспечении доказательств по данному делу, вряд ли согласится и на это «малозначительное» требование.

«Им будет не просто тем, кто полагается на истину авторитетов, вместо того, чтобы полагаться на авторитет истины» — говорил Джеральд Месси. Применительно к данной ситуации можно спросить: «Всегда ли оправданно органы местного самоуправления принимают решение о сносе самовольной постройки, и является ли это строение самовольной постройкой?». Думаю, зачастую такие решения принимаются со скрытыми мотивами, о существовании которых свидетельствует личная заинтересованность органов местного самоуправления в сносе определенных зданий. Именно определенных зданий, а не самостоятельных построек, так как за их снос местные власти предлагают заплатить или вовсе снести своими силами, как это было в п. Плеханово Тульской области [9] (при наличии собственника), что противоречит ч. 2 ст. 222 ГК РФ. И не будет ли это являться основанием для применения ст. 13 ГК РФ, согласно которой «нормативные

акты государственного органа или органа местного самоуправления, не соответствующие закону или иным правовым актам и нарушающие гражданские права и охраняемые законом интересы гражданина или юридического лица, могут быть признаны судом недействительными». Пока об этом трудно говорить, но думаю, что в скором

времени решение данных вопросов перейдёт из области частно-заинтересованных в публично-правовые. В обратном случае могут воплотиться в жизнь опасения председателя «Деловой России» Эдуард Гулян, назвавший складывающийся правопорядок как «беспредел и рейдерство» [10].

Литература:

1. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в статью 222 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. URL: <http://rg.ru/2015/07/16/grazhdansky-codex-dok.html> (Дата обращения: 14.03.2016).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 5 августа 1963 г. № 17 «О судебной практике по делам о самовольном захвате земли и самовольном строительстве индивидуальных домов» // Верховный суд Российской Федерации (официальный сайт). URL: http://www.vsrfl.ru/print_page.php?id=299 (Дата обращения: 15.03.2016).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 5 августа 1963 г. № 17 «О судебной практике по делам о самовольном захвате земли и самовольном строительстве индивидуальных домов» // Верховный суд Российской Федерации (официальный сайт). URL: http://www.vsrfl.ru/print_page.php?id=299 (Дата обращения: 15.03.2016).
4. Постановление правительства Москвы от 8 декабря 2015 г. № 829-ПП «О мерах по обеспечению сноса самовольных построек на отдельных территориях города Москвы» // Гарант. ру (официальный сайт). URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/moscow/675852> (Дата обращения: 15.03.2016).
5. URL: <https://lenta.ru/news/2016/02/17/sobyanin/> (Дата обращения: 12.03.2016).
6. Решение Арбитражного Суда г. Москва от 11 июля 2013 года. Дело № А40—44702/13. // URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/3WDr5j5G9SVn/> (Дата обращения: 15.03.2016).
7. Самосуд для самостроенов: смогут ли владельцы снесенных в Москве ларьков получить компенсацию // Право. ру. г. Москва, 16.02.2016. URL: <http://pravo.ru/review/view/126117/> (Дата обращения: 12.03.2016).
8. URL: <http://www.vz.ru/news/2016/2/9/793135.html> (Дата обращения: 15.03.2016).
9. URL: <http://ren.tv/novosti/2016-03-20/cyganskiy-bunt-v-plehanovo-zakonchilsya-resheniem-o-snose-121-doma> (Дата обращения: 21.03.2016).
10. URL: <http://ria.ru/moscow/20160209/1372055327.html> (Дата обращения: 15.03.2016).

Особенности применения процентов по денежным обязательствам

Береговский Михаил Сергеевич, студент;
Демьянович Ирина Александровна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Целью данной работы является выявление особенностей применения процентов по денежным обязательствам в гражданском праве. Выявлены характерные черты процентов по денежным обязательствам, их практическое применение, а также основные проблемы. Предложены пути решения проблем применения процентов по денежным обязательствам.

Ключевые слова: проценты, обязательства, договор, практика

С 1 июня 2015 года в Гражданском кодексе РФ была введена новая статья 317.1 ГК РФ [1], регулирующая проценты по денежным обязательствам. Основная суть нововведений заключается в том, что по денежному обязательству между коммерческими организациями, в данном случае должник обязан выплачивать кредитору проценты с даты возникновения денежного обязательства до даты

его погашения, а наступление срока оплаты по данному обязательству либо нет, не имеет значения.

Правовая природа процентов по денежным обязательствам схожа с коммерческим кредитом, указанным в статье 823 ГК РФ, однако проценты имеют более широкий характер и обширную область применения. К примеру, подрядчик выполнил работы и сдал их результаты заказчику по

акту приема работ. В договоре указано, что заказчик должен оплатить работу в течение 5 дней с даты подписания акта приема работ. При этом заказчик, который оплатил работу на пятый день после подписания акта, обязан уплатить законные проценты на основании ст. 317.1 ГК РФ с даты подписания акта по дату фактической оплаты. Однако, в случае неоплаты работ в положенный срок, то ему помимо неустойки за просрочку оплаты, указанной в статье 395 ГК РФ, необходимо будет заплатить проценты по ст. 317 ГК РФ. Поэтому с 1 июня 2015 года проценты по денежным обязательствам применяются в любом договоре между коммерческими организациями, где есть отсрочка платежа по обязательствам. Однако в виду диспозитивности нормы стороны договора могут изменить или исключить их применение, что подтверждает принцип гражданского права относительно свободы договора [3, с. 577].

Размер процентов по денежным обязательствам, определенный ч. 1 ст. 317 ГК РФ устанавливается по ставке рефинансирования Банка России, при этом закон связывает размер процентов именно с конкретной цифрой. С 2016 года ставка рефинансирования и ключевая ставка была уравнена и составляет 11% годовых, если иное не установлено договором. Это является также нововведением, так как с 2012 года положение не менялось [5, с. 10].

После вступления в силу ФЗ РФ от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую ГК РФ» [2], и принятия статьи 317.1 ГК РФ стали возникать разногласия у юридического сообщества относительно данной нормы, и при этом у юристов возникли вопросы применения данной нормы в виду объективных причин. Вопросы относительно применения данной нормы, ее установления и многие другие. Поэтому норма о процентах по денежным обязательствам является одной из самых сложных.

Содержание данной нормы как у теоретиков, так и у практиков, вызывает вопросы. Нередки споры и среди судебного сообщества. Одни судьи считают, что взыскание процентов по денежным обязательствам необходимо проводить по ст. 317.1 и ст. 395 ГК РФ. Данное мнение основывается на том, что основания взыскания процентов по обеим статьям различны [4, с. 231].

Другие считают, что одновременно начислять проценты не имеет никакого смысла, так как данные статьи соотносятся как специальная и общая норма. Кроме того спорным является вопрос о тех договорах, которые были заключены до 1 июня 2015: необходимо ли вносить изменения в них или оставить без изменений?

Однако, большинство юристов, считают, что данная юридическая практика не совсем верна. Статья 395 ГК РФ гласит, что проценты начисляются в качестве ответственности за нарушение денежного обязательства, то есть в данном случае проценты являются санкцией за неправомерное поведение. Другая ситуация относительно процентов по 317.1 ГК РФ, здесь проценты начисляются только за пользование. Кроме того, в ст. 395 ГК РФ говорится о том, что проценты начисляются с того момента, когда должник не исполнил свои обязательства, то есть

возникла просрочка. Период же пользования по ст. 317 ГК РФ, за которые начисляются проценты по денежным обязательствам определяются с того момента, когда должник по обязательствам получил представление от кредитора, то есть должник выполнил свои обязательства и при этом возникло денежное обязательство.

Необходимо также отметить, что период пользования охватывает в том числе и период просрочки. Таким образом, нужно отметить, что правоприменителю можно начислять проценты, предусмотренные и ст. 395 ГК РФ и по 317 ГК РФ [1], при этом не будет возникать двойная ответственность, та как их начисление производится по разным основаниям.

Также, на сегодняшний день, не решен вопрос относительно того, будут ли применяться новые правила относительно договоров, которые были заключены до 1 июня 2015 года, в случаях их применения, необходимо ли вносить изменения в договоры?

Относительно ряда аспектов суды уже дали свои разъяснения. Но единого мнения ни по одному из вопросов пока нет, так как изменения были внесены относительно недавно. Хотя 24 арта 2016 года Верховный Суд РФ дал свои разъяснения относительно процентов по денежным обязательствам, так как с 1 июня 2015 года начала складываться правоприменительная практика.

Вопросы применения статьи 317.1 к договорам, которые были заключены до 01 июня 2015 года, были даны различные мнения. Одни считают, что проценты по денежным обязательствам по статье 317.1 ГК РФ новой редакции могут начисляться по договорам, заключённым до 1 июня 2015 года. Объясняется это таким же образом, как и разъяснения относительно ст. 395 ГК РФ и ст. 317 РФ, так как эти нормы соотносятся как общая и специально, то применение статьи 317.1 к данным договорам не лишено смысла.

Другие, свою позицию основывают на том, что в силу заключения данных договоров до вступления в силу изменений относительно процентов по денежным обязательствам, то на них не будут распространяться положения новой статьи.

Существует и третья позиция. Она основывается на том, что проценты, определенные статьей 317.1 ГК РФ начисляются с момента задолженности. И если эти задолженности возникли до 1 июня 2015 года, то на них распространяются нововведенные положения.

Однако мнения большинства юристов сходятся на том, что необходимо учитывать условия договора. И в случае, если кредитор • согласился на пользование должником денежными средствами и не включил условия относительно денежных процентов, включил стоимость такого кредита в сумму контракта, определенного этим договором, и при этом, если кредитор сделал это по своей воле, то в данном случае требование кредитора об уплате процентов по ст. 317.1 ГК РФ по договору, заключенному до 01 июля 2015 года, нельзя признать соответствующим статье 307 ГК РФ [1]. Поэтому, положения данной статьи могут и не распространяться.

Рассматриваемая нами норма имеет правоприменительную практику, как и в договорном регулировании, так и в судебной практике, так как, а марте 2016 года были даны разъяснения Верховного суда РФ, то есть уже существуют определенные ориентиры относительно уплаты процентов, но опять же поднимается проблема соотношения ст. 395 и ст. 317.1 ГК РФ.

При этом отсутствует единое понимание не только среди судейского сообщества, но и среди других юристов. Все это привело к тому, что многие юристы не понимают порядок применения указанной нормы, а как следствие, они стали исключать применение статьи 317.1 ГК РФ в заключаемых договорах. В сложившейся ситуации, данная картина представляется вполне естественной, так как судебное толкование является не совсем точным и понятным. Поэтому возникает острая необходимость в разработке неких ориентиров по данной норме. Иначе, данная норма вполне может стать «нормой-призраком», что повлечет ее отмену.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301, 2016. № 7, ст. 910.
2. ФЗ РФ от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую ГК РФ» // Собр. законодательства РФ. 2015, № 10, ст. 1412.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Рук. авт. кол. и отв. ред. О. Н. Садилов. М.: Контракт; Инфра-М, 2007.
4. Рассказова, Н. Ю. Ростовщические проценты // Основные проблемы частного права: Сб. ст. к юбилею А. Л. Маковского / Отв. ред. В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. М.: Статут, 2010.
5. Витрянский, В. В. Общие положения об обязательствах и договорах: Новеллы Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. — 2015. — № 5. — с. 10.

Основания призвания к наследованию при способе принятия наследства в форме фактического принятия

Богун Илья Александрович, студент
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Вступить в права наследования можно не только путем подачи нотариусу заявления о принятии наследства, но и путем фактического принятия, то есть путем совершения действий, определенно указывающих на желание наследника принять наследство. Возникающая при фактическом принятии наследства неопределенность состоит в том, что при подаче заявления нотариусу наследник указывает, по какому основанию он принимает наследство, а при фактическом принятии наследства неясно, по какому основанию (по закону, по завещанию, по праву представления и пр.) наследник вступил в права наследования. В статье анализируются последствия, к которым приводит такая неопределенность, и предлагаются способы устранения данной неопределенности.

Ключевые слова: наследство, наследник, фактическое принятие, вступление в наследство

Keywords: inheritance, inheritor, heir

Согласно действующему законодательству, наследник может принять наследство не только путем подачи заявления нотариусу, у которого в производстве находится

Остаётся нерешенным вопрос относительно коммерческих организаций. Однако, вопрос в отношении некоммерческих организаций решил Верховный суд РФ, указав в абз. 3 п. 21 постановления Пленума ВС РФ № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Постановление определило, что некоммерческие организации обязаны применять новые положения законодательства, в случае, если они осуществляют коммерческую деятельность. Следовательно, положения статьи 317.1 ГК РФ распространяются на некоммерческую организацию в случае осуществления коммерческой деятельности, определенной в ее уставе.

Таким образом, сегодня, использование ст. 317.1 ГК РФ, вызывает множество вопросов. Поэтому необходимо более подробно разъяснить статью 317.1 ГК РФ как для понимания ее не только судейским, но и юридическим сообществом в целом.

наследственное дело (то есть по месту открытия наследства), о том, что он (наследник) принимает наследство по тому или иному основанию (или по всем основаниям), но

и путем совершения действий, которые своим содержанием свидетельствуют о том, что наследник хочет вступить в права наследования (называть это конклюдентной формой можно только с очень большой осторожностью, поскольку до конца не ясно, можно ли считать односторонней сделкой действия наследника по принятию наследства: с одной стороны, завещание есть односторонняя сделка наследодателя, симметричным эквивалентом которой со стороны наследника является также одностороннее принятие наследства, с другой стороны, завещание прямо названо сделкой в законе, а действия по принятию наследства можно назвать таковыми исключительно в силу логических допущений). Правовые последствия в обоих случаях одинаковые — неважно, как именно наследник продемонстрировал, что он принимает наследство — подал ли он заявление нотариусу, совершил ли он действия, которые с точки зрения закона считаются фактическим принятием наследства — в обоих случаях это порождает абсолютно одни и те же правовые последствия. Если наследник пожелает впоследствии формально закрепить свои фактические действия, то он может сделать это в пределах шестимесячного срока после открытия наследства: как указывается в Методических указаниях по оформлению наследственных прав, даже если наследник фактически принял наследство, это не лишает его (наследника) права подать заявление нотариусу о принятии наследства, но и новых правовых последствий такое заявление не породит [4]. Отметим, что, по нашему мнению, подавать такое заявление не только можно, но и нужно: фактическое принятие наследства впоследствии может потребоваться доказывать в судебном порядке, в то время как подача заявления о принятии наследства нотариусу освободит наследника от бремени доказывания того, что срок на принятие наследства не был пропущен.

В том случае, если наследник призывается к наследованию по нескольким основаниям (например, и по закону, и по завещанию и пр.), российское законодательство дает наследнику возможность выбрать, по каким основаниям он будет принимать наследство: по всем или только по некоторым (или только по одному основанию). Далее в статье мы рассмотрим, как эти два положения закона (возможность принятия наследства путем совершения определенных действий и возможность выбора оснований вступления в наследство) сочетаются между собой и какие сложности при таком сочетании возникают.

Принятие наследства по различным основаниям

Согласно статье 1152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), «принятие наследником части наследства означает принятие всего причитающегося ему наследства, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось», но при этом «при призвании наследника к наследованию одновременно по нескольким основаниям (по завещанию и по закону или в порядке наследственной трансмиссии и в результате открытия на-

следства и тому подобное) наследник может принять наследство, причитающееся ему по одному из этих оснований, по нескольким из них или по всем основаниям» [1]. Таким образом, законодатель допускает ситуацию, когда наследник принимает наследство, которое причитается ему по одному основанию (например, по закону) и не принимает наследство, которое причитается ему по другому основанию (например, по завещанию). Или наоборот — принимает наследство по всем возможным основаниям. При этом может иметь место один из двух вариантов:

1. Объем причитающегося наследнику имущества по двум или более основаниям совпадает. Тогда, как мы полагаем, наследнику следует принимать наследство по всем возможным основаниям, и вот почему. В том случае, если кто-либо в дальнейшем будет оспаривать в судебном порядке права наследника по одному из оснований (скажем, подвергнет сомнению завещанию), то в любом случае наследник будет иметь второе, дополнительное основание для того, чтобы считаться наследником и его невозможно будет лишить наследства. Чем больше у наследника оснований для подтверждения своих прав на наследство, тем, несомненно, лучше. Если же наследник вступит в права наследства только по одному из оснований (например, единственный наследник по закону одновременно является и наследником по завещанию но вступает в права наследства только по завещанию либо потому что считает, что в дополнительном основании он не нуждается, либо потому что просто не задумывается над этим вопросом в силу юридической неграмотности, а нотариус не разъяснил ему нюансы ситуации), то потом невозможно будет исправить ошибку и задним числом принять на себя дополнительное основание наследования («принятие наследства, причитающегося наследнику только по одному из оснований, исключает возможность принятия наследства, причитающегося ему по другим основаниям, по истечении срока принятия наследства (статья 1154 ГК РФ), если наследник до истечения этого срока знал или должен был знать о наличии таких оснований») [3]. Таким образом, повторим это еще раз, мы полагаем, что в подобном случае наследнику следует вступать в права наследства по всем возможным основаниям одновременно, благо, что закон допускает принятие наследства по всем основаниям. Рассмотрение подобного случая (когда объем принимаемого по разным основаниям имущества совпадает) считаем исчерпанным и далее в статье к нему возвращаться не будем. Лишь справочно обратим внимание на тот факт, что Пленум Верховного суда в своем постановлении отметил, что в рассматриваемой ситуации наследник либо знал, либо должен был знать о наличии таких оснований, следовательно, если он не знал и не должен был знать о наличии дополнительных оснований, это не лишит его права принять впоследствии наследство по другому основанию [там же].

2. Интересней и сложнее другая ситуация — когда объем имущества, который причитается наследнику, различается в зависимости от того, по какому основанию он

приобретает наследство. Далее в статье будет подробно разобран именно этот случай, начиная с самого начала: с принятия наследником наследства.

Пункт 13 Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав подробнее расшифровывает положения ГК РФ об основаниях принятия наследства:

«Принятие наследства по одному из оснований в пределах указанного срока нельзя автоматически расценивать как отказ от наследства по другим основаниям. Этим правилом следует руководствоваться и в случаях, когда имело место фактическое принятие наследства

Исходя из особенностей правового регулирования принятия наследства при наличии разных оснований наследования, нотариус разъясняет наследнику, чтобы в заявлении о принятии наследства он указал, что принимает наследство по всем основаниям, по которым призывается к наследованию, если его воля не направлена на иное.

(То есть и Методические рекомендации неявно предпочитают рекомендовать принимать наследство по всем возможным основаниям, но, к сожалению, не закреплена обязанность нотариуса разъяснять под роспись об ознакомлении — прим. И. Б.)

Если наследственное имущество причитается наследнику по нескольким завещаниям (завещание на дом, завещательное распоряжение на вклад и пр.) и наследник выражает волю принять причитающееся ему наследственное имущество по всем завещаниям, он указывает в заявлении о принятии наследства по каждому завещанию» [4].

Рассмотрим судебное толкование права на вступление в наследство по нескольким основаниям: «наследник, одновременно призываемый к наследованию частей одного и того же наследства, например по завещанию и по закону или в результате открытия наследства и в порядке наследственной трансмиссии, имеет право выбора: принять наследство, причитающееся ему только по одному из этих оснований, по нескольким из них или по всем основаниям, а наследник, имеющий право на обязательную долю в наследстве, кроме того, вправе потребовать удовлетворения этого права либо наследовать наравне с иными наследниками по закону.

Наследник, подавший заявление о принятии наследства либо заявление о выдаче свидетельства о праве на наследство без указания основания призвания к наследованию, считается принявшим наследство, причитающееся ему по всем основаниям» [3]. Полагаем, что данное судебное толкование (что если в заявлении не указано основание, то автоматически наследник считается принявшим по всем основаниям) это большой плюс для наследников, сильно упрощающий им жизнь в том случае, если они в силу каких-то факторов не указали в заявлении, подаваемом нотариусу, основание принятия наследства.

Фактическое принятие наследства

Как мы уже рассмотрели выше, ГК РФ предусматривает два способа принятия наследства: путем подачи заяв-

ления нотариусу по месту открытия наследства и путем его фактического принятия. Случай, когда наследник подает заявление нотариусу нас более не интересует. Про него все уже было сказано выше. Рассмотрим более сложный случай: когда наследник заявление нотариусу не подал, но фактически вступил в права наследования.

В соответствии с пунктом 2 статьи 1153 ГК РФ, «признается, пока не доказано иное, что наследник принял наследство, если он совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, в частности если наследник:

- вступил во владение или в управление наследственным имуществом;
- принял меры по сохранению наследственного имущества, защите его от посягательств или притязаний третьих лиц;
- произвел за свой счет расходы на содержание наследственного имущества;
- оплатил за свой счет долги наследодателя или получил от третьих лиц причитающиеся наследодателю денежные средства» [1].

Полагаем (что подтверждается и Методическими указаниями), что данный перечень является открытым: об этом говорят слова «в частности» — то есть любые иные действия, «свидетельствующие о фактическом принятии наследства» приравниваются к принятию наследства путем подачи соответствующего заявления нотариусу [там же].

Фактическому принятию наследства посвящены пункты с 36 по 41 Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав [4]. Прочитаем их в части, касающейся рассматриваемой в настоящей статье темы:

«36. Кроме способа принятия наследства путем подачи заявления нотариусу по месту открытия наследства закон допускает оформление наследственных прав и в случаях фактического принятия наследства, то есть признается, пока не доказано иное, что наследник принял наследство, если он совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства (п. 2 ст. 1153 ГК РФ).

Фактическое принятие наследства свидетельствуется такими действиями наследника, из которых усматривается, что наследник не отказывается от наследства, а выражает волю приобрести его.

Действия по фактическому принятию наследства могут быть совершены как самим наследником, так и иными лицами по его поручению, при этом из характера таких действий должно вытекать, что именно наследник намерен принять наследство.

Если наследником были совершены действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, то в этом случае закон не требует обязательной подачи заявления наследником о принятии наследства. Однако следует иметь в виду, что действия по фактическому принятию наследства должны быть совершены наследником в пределах срока, установленного для принятия наследства (ст. 1154 ГК РФ).

...

37. О фактическом принятии наследства свидетельствуют следующие действия наследника (п. 2 ст. 1153 ГК РФ):

1) вступление во владение или в управление наследственным имуществом

Под владением понимается физическое обладание имуществом, в том числе и возможное пользование им. Вступлением во владение наследством признается, например, проживание в квартире, доме, принадлежащем наследодателю, или вселение в такое жилое помещение после смерти наследодателя в течение срока, установленного для принятия наследства, пользование любыми вещами, принадлежавшими наследодателю, в том числе его личными вещами.

Фактическое вступление во владение хотя бы частью наследственного имущества рассматривается как фактическое принятие всего наследственного имущества, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось.

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 20.10.2003 N 22-ВОЗ-5 обращено внимание, что пользование наследником личными вещами наследодателя говорит о его фактическом вступлении во владение наследственным имуществом, поскольку к наследственному имуществу относится любое принадлежавшее наследодателю на день открытия наследства имущество, включая вещи, имущественные права и обязанности.

...

Подтверждением фактического принятия наследства наследником могут быть признаны действия наследника, обоснованные в совокупности доказательств, свидетельствующих о направленности воли участника общей долевой или совместной собственности на принятие наследства.

Управление предполагает действия, направленные на сохранение наследственного имущества и обеспечивающие его нормальное использование, а также на защиту его от посягательств или притязаний третьих лиц. В частности, перенесение наследником какого-либо имущества из квартиры наследодателя в свою квартиру, передача или принятие наследником имущества наследодателя на хранение, установка дополнительных запоров в помещении, в котором находится имущество наследодателя, и т. п.

Управление наследственным имуществом может осуществляться как при владении им, так и без владения и пользования им, но осуществляя на него определенное воздействие. Например, осуществление ремонта, сдача в аренду какого-либо имущества наследодателя, уплата долгов наследодателя, тем самым предотвращая обращение взыскания на наследственное имущество и пр.;

2) принятие мер по сохранению наследственного имущества, защите его от посягательств или притязаний третьих лиц

...

3) оплата наследником из своих средств расходов на содержание наследственного имущества

...

4) оплата наследником за свой счет долгов наследодателя или получение от третьих лиц причитавшихся наследодателю денежных средств

Для подтверждения таких действий наследником должны быть представлены нотариусу соответствующие документы.

...

Документы и справки должны подтверждать, что действия по фактическому принятию наследником наследства были совершены наследником в течение срока, установленного для принятия наследства.

...

Поскольку приведенный в п. 2 ст. 1153 ГК РФ перечень действий носит общий характер, нотариус самостоятельно оценивает конкретные действия, совершенные наследником, с точки зрения, можно ли их считать действиями, свидетельствующими о фактическом принятии наследником наследства. При этом следует иметь в виду Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 1991 г. N 2 «О некоторых вопросах, возникающих у судов по делам о наследовании» (п. п. 11 и 12), в котором разъясняется, что под фактическим вступлением во владение наследственным имуществом, подтверждающим принятие наследства, следует иметь в виду любые действия наследника по управлению, распоряжению и пользованию этим имуществом, поддержанию его в надлежащем состоянии или уплату налогов, страховых взносов, других платежей, взимание квартплаты с жильцов, проживающих в наследственном доме, производство за счет наследственного имущества расходов, связанных с погашением долгов наследодателя, и т. п.

38. Фактическое принятие наследства может быть осуществлено в сроки, установленные для принятия наследства (ст. 1154 ГК РФ).

...» [там же].

Справочно хотим отметить для сведения читателей то, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 1991 г. N 2 утратило силу [2]. В настоящее время следует руководствоваться Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. N 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [3]. К сожалению, нам не удалось найти в открытых источниках полный текст определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 20.10.2003 N 22-ВОЗ-5, поэтому прокомментировать его в свете рассматриваемой в настоящей статье темы нам не удастся.

В итоге, как мы показали, наследник может принять наследство в том числе и путем совершения определенных действий, перечень которых в законе открытый. Перейдем теперь к рассмотрению существа проблемы.

При фактическом принятии наследства неизбежно возникает следующий вопрос: если наследник фактически принял наследство, то по какому основанию он его принял (случай, когда есть одно единственное основание принятия наследства — по закону — не рассматривается,

как тривиальный)? Возможные следующие варианты развития событий:

1. Наследник вступил в фактическое владение имуществом, на которое имеет право он один и к тому же по двум основаниям: как наследник по закону, и он же как наследник по завещанию. Понятно, что никакой правовой неопределенности в данном случае не возникнет.

2. Наследник вступил в фактическое владение имуществом, которое ему завещано, но не тем, на которое он имеет право, как наследник по закону (независимо от того, знал ли он о завещании или нет, но, конечно, интереснее тот случай, когда наследник не подозревает о существовании завещания, составленного на него же и думает, что он имеет право на данное имущество как наследник по закону). Этот случай вызывает интерес только при том варианте, что имущество, приобретаемое по завещанию не может быть приобретено этим наследником на основании наследования по закону — такое может быть в том случае, если завещано только строго определенное имущество и наследнику подназначен другой наследник (на случай, если первый наследник не вступит в права наследования). Тогда получается немного парадоксальная ситуация. Рассмотрим ее на примере: наследственное имущество состоит из жилого дома и гаража. Наследник А (наследник по закону) фактически вступил во владение жилым домом, думая, что тем самым фактически принял все наследство на основании наследования по закону. На самом же деле существует завещание, по которому жилой дом наследует наследник А, и ему подназначен наследник Б, на случай, если наследник А не примет наследство; а гараж должен наследоваться по закону. Возникает вопрос — можно ли тогда считать наследника А фактически принявшим наследство по завещанию — ведь тогда получится, что он не принял наследство по закону (гараж). А принять наследство по закону путем фактического принятия он не мог, так как на жилой дом, во владение которым он реально вступил, есть завещание (хотя наследник об этом и не знает). Если принять, что наследник А фактически не вступил в обладание завещанным ему имуществом (поскольку полагал его входящим в состав имущества наследуемого по закону и именно в этом качестве вступил во владение жилым домом), то к наследству должен призываться подназначенный именно на такой случай наследник Б.

3. Немного видоизмененная ситуация из предыдущего пункта. Наследник А вступил в фактическое владение имуществом, на которое имеет право, как наследник по закону; есть также имущество, которое завещано наследнику Б (а наследник А подназначен в качестве наследника на случай, если наследник Б не вступит в права наследования), так и не вступившему в права наследования; во владение этим имуществом наследник по закону (наследник А) не вступил. Вопрос: если наследник по завещанию (наследник Б) не вступил в права наследования, считается ли наследник по закону (наследник А) вступившим в права наследования и/или может ли он полу-

чить это имущество в рамках приращения наследственных долей? То есть, если наследник А имеет право наследовать, то он будет наследовать как подназначенный наследник или как наследник по закону?

4. Наследник А вступил в фактическое владение имуществом, на которое имеет право, как наследник по закону. Есть также имущество, которое завещано тому же наследнику, но ему в завещании подназначен другой наследник (наследник Б) на тот случай, если первый наследник (наследник А) не вступит в права наследования. Если наследник А, не зная о существовании завещанного имущества и не зная о существовании завещания, не вступил в течение шести месяцев с момента открытия наследства в пользование завещанным имуществом, вправе ли наследник Б вступать в свои права? Здесь получается ситуация зеркальная к ранее рассмотренным.

Полагаем, что кроме рассмотренных четырех, могут существовать и другие, более «хитрые» варианты (например, связанные с наследственной трансмиссией и/или с наследованием по праву представления).

В целом проблема с определением основания принятия наследства при фактическом принятии усугубляется за счет того, что наследник может:

1. Не знать о существовании завещания (здесь и далее рассматривается завещание, которым завещано не все имущество наследодателя, а только конкретное), но знать о существовании завещанного имущества. Он будет полагать это имущество незавещанным (поскольку он не знает о существовании завещания) и думать, что имеет на него право, как вступивший в права наследования по закону, хотя и путем фактического принятия (другого имущества, на которое он действительно имеет право как наследник по закону).

2. Не знать о существовании завещанного имущества.

3. Не знать и о существовании завещания, и о существовании завещанного имущества.

С введением в практику нотариальных реестров завещаний проблема незнания о завещании частично утрачивает свою актуальность, но лишь частично, поскольку никто не знает, сколько существует завещаний, совершенных до введения в действие реестров, и о которых наследники могут ничего не знать.

Выводы

В законодательстве имеет место известная неопределенность. С одной стороны, наследник, если он призывается к наследству по более чем одному основаниям (перечислим все возможные основания: по закону, по завещанию, по наследственной трансмиссии, по праву представления, на основании направленного отказа, на основании права на обязательную долю в наследстве, в силу непринятия наследства другими лицами), вправе принять наследство по одному основанию, по нескольким основаниям, или по всем основаниям. С другой стороны, если на-

следник принимает наследство не путем подачи соответствующего заявления нотариусу, а путем фактического принятия наследства, то непонятно, на каком (каких) основании он принял наследство. Как мы показали выше, ситуация усложняется в том случае, если часть наследства он может принять только по одному основанию, а часть — только по другому основанию (например, если отдельное имущество завещано с подназначением наследника). Разберем еще такой пример (аналогичный одному из рассмотренных выше) — наследник А фактически принял наследство в виде садового участка, при этом наследник А полагает себя наследником исключительно по закону. При этом существует завещание (о котором наследник А не знает), в котором наследнику А завещан, скажем, трактор (о тракторе наследник А тоже не знает), но в завещании наследнику А подназначен другой наследник (наследник Б) на тот случай, если первый наследник не вступит в права наследования в установленный законом шестимесячный срок. Отсюда вопрос — вправе ли наследник Б вступать в права наследования или все-таки первый наследник считается вступившим в права наследования в том числе и по завещанию (о котором он не знал) в отношении имущества о котором он не знал. К сожалению, действующее законодательство не дает ответа на этот вопрос.

Полагаем, что разрешить возникшую неопределенность в рамках существующего законодательства практически невозможно. Самое простое напрашивающееся решение — дополнить положение о фактическом принятии наследства нормой о том, что фактическое принятие наследства есть вступление в наследство на основании закона. В подавляющем большинстве случаев ведь так и происходит — практика автора показывает, что фактически принимают наследство (без надлежащего оформления) именно в тех случаях, когда имеется один бесспорный наследник по закону (к сожалению, подтвердить статистически этот тезис автор не в силах). Но, с другой стороны, это ущемило бы права тех, кто, зная, что та или иная вещь завещана им, фактически вступил в обладание этой вещью после смерти наследодателя. Хотя, по нашему мнению, число таких случаев невелико (опять же,

это чисто авторское мнение, подтвердить это с цифрами в руках автор не в силах).

За неимением лучшего, предлагаем следующий выход из ситуации: существующую неопределенность можно устранить, внося поправки в пункт 2 статьи 1153 ГК РФ. По смыслу эти поправки должны быть аналогичными рассмотренному выше судебному толкованию случая, когда наследник не указал основание в заявлении, поданном нотариусу [3]. Поэтому предлагается дополнить пункт 2 статьи 1153 ГК РФ следующим абзацем:

Наследник, совершивший указанные действия, считается принявшим наследство по всем основаниям, по которым он имел право принять наследство. Наследник имеет право изменить основания вступления в наследство путем подачи заявления нотариусу по месту открытия наследства в течение срока, установленного для принятия наследства.

Таким образом устранится существующая сейчас неопределенность. Конечно, можно было бы сформулировать этот абзац и так, что фактически можно принять наследство только в силу закона (но не на основании завещания и пр.), но это чрезмерно сузило бы права наследников (не говоря уже о том, что возник бы вопрос о том — принятие на основании наследственной трансмиссии, это принятие на основании закона или нет). Дело в том, что, по нашему мнению, наследники вступают в права наследования путем фактического принятия в основном из-за юридической неграмотности, и/или безосновательно полагая, что они не нуждаются в юридическом закреплении своих прав (например, если наследник продолжает проживать в частном доме, в котором он всю свою жизнь до этого проживал совместно с наследодателем и считает это дом своим просто в силу привычки). Сужение оснований, по которым можно вступить в права наследства при фактическом принятии исключительно до наследования по закону привело бы к тому, что какое-то (конечно, это число невозможно указать точно, но полагаем, что оно явно отлично от нуля) количество юридически некомпетентных наследников могло бы лишиться своего права на получение наследственного имущества.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 09.03.2016) // «Собрание законодательства РФ», 03.12.2001, N 49, ст. 4552.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 N 15 «О признании утратившими силу некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 7, июль, 2007.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. N 9 г. Москва «О судебной практике по делам о наследовании» // «Российская газета», N 127, 06.06.2012.
4. «Методические рекомендации по оформлению наследственных прав» (утв. Правлением ФНП 28.02.2006) // «Нотариальный вестник», N 5, 2006.

Административная ответственность в законодательстве субъектов Российской Федерации: актуальные проблемы

Борода Кристина Артуровна, студент
Кубанский государственный аграрный университет

В данной статье рассматриваются правовые основы административной ответственности, его закрепление на региональном уровне. Проводится правовой анализ норм законодательства субъектов РФ и положений Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административная ответственность, КоАП РФ, законодательство субъектов РФ, административное правонарушение.

В Конституции РФ термин «административная ответственность» не используется в его обычном значении. В действительности же определенное число конституционных норм в абстрактной форме регулируют и институт юридической ответственности, а в частности и институт административной ответственности.

В соответствии с пунктом «к» статьи 72 Конституции РФ административное и административно-процессуальное законодательство относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ [1]. Частью 1 статьи 1.1 КоАП РФ закреплено, что законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов РФ об административных правонарушениях [2]. На данный момент во всех субъектах РФ имеются законы, устанавливающие административную ответственность за совершение правонарушения на территории определенного субъекта. На основании данных законов на региональном уровне применяется административное наказание за определенное правонарушение.

Конституция РФ не дает четкого ответа относительно разграничения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами в сфере установления административной ответственности. А ведь от данного положения во многом зависит состояние законности в области законодательства об административной ответственности.

По моему мнению, законодательство субъектов РФ об административных правонарушениях представляет составную часть законодательства РФ об административных правонарушениях. Законодательство субъектов дает возможность более эффективно решать задачи охраны общественных отношений, которые регулируются на уровне субъектов Федерации. Ведь в этом случае берется во внимание и учитывается специфика развития того или иного региона, ее экономические, социальные, географические и другие особенности.

В первой редакции КоАП РФ не была предусмотрена компетенция субъектов РФ в сфере административных правонарушений. Указывались только предметы ведения РФ в данной области, что затрудняло деятельность субъектов по установлению административной ответственности. Довольно часто в законодательстве субъектов

встречалось дублирование составов, закрепленных в федеральном Кодексе, а также попадались статьи, которые противоречили положениям Общей части КоАП РФ.

Федеральным законом от 28 января 2009 года № 380-ФЗ КоАП пополнился статьей 1.3.1 [3]. В этой статье указаны предметы ведения субъектов РФ в области законодательства об административной ответственности. Это новшество позволило более четко разграничить предметы ведения между Федерацией и ее субъектами в области установления административной ответственности.

В то же время как КоАП РФ, так и законы субъектов РФ почти не содержат норм, которые содержат меры по предупреждению и предотвращению административных правонарушений. На сегодняшний день эта задача решается посредством наказания лица, которым было совершено правонарушение, и внесения представлений о предотвращении условий, содействующих совершению правонарушения.

К примеру, Кодекс Кабардино-Балкарской Республики об административных правонарушениях содержит такие меры. В статье 8.4 данного Кодекса сказано, что: «В целях предупреждения правонарушений комиссии координируют свою деятельность с правоохранительными органами. При выявлении в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении причин и условий, способствовавших совершению правонарушения, органом, рассматривающим дело об административном правонарушении, направляются предложения соответствующим органам, организациям и должностным лицам о принятии мер по устранению этих причин и условий» [4].

Не смотря на это, полноценного закрепления профилактических мер на региональном уровне не было выявлено.

В 2014 года в Государственной думе прошло заседание круглого стола. Обсуждались проблемы законодательства в сфере административных правонарушений, а также были рассмотрены перспективы развития. В ходе данного мероприятия участниками было отмечено, что административное регулирование не соответствует реальным процессам, которые происходят в обществе. Политика в области административной ответственности носит лишь наказательный характер, наблюдается увеличение статей, закрепляющих новые составы, усиливаются меры от-

ветственности. Все это приводит к отрицательным последствиям в области функционирования данного института [5]. Часть выступающих также отмечала потребность в расширении перечня стимулирующих норм и оснований освобождения от административной ответственности или же ее смягчения.

В результате проведенного анализа хотелось бы предложить следующие меры по улучшению административного законодательства:

1. Для установления профилактики административных правонарушений следует проводить на феде-

ральном и региональном уровнях разъяснительную и воспитательную работу, которая будет направлена на повышение правовой культуры населения РФ. Данная мера позволит предупреждать возникновение новых административных правонарушений.

2. Предлагается откорректировать статью 1.3.1 КоАП РФ «Предметы ведения субъектов РФ в области законодательства об административных правонарушениях», добавив пункт о праве субъектов РФ принимать дополнительные обстоятельства, смягчающие ответственность.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — ст. 4398.
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.03.2016) // Российская газета. — 2001. — № 256.
3. Федеральный закон от 28.12.2009 № 380-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. — 2009. — № 253.
4. Кодекс Кабардино-Балкарской республики об административных правонарушениях от 22.07.2003 № 66-РЗ (ред. от 28.12.2015, с изм. от 29.12.2015) // Кабардино-Балкарская правда. — № 173-176. 2003.
5. Стенограмма круглого стола «Законодательство Об административных правонарушениях: проблемы и перспективы развития» (Государственная дума Федерального Собрания Российской Федерации, 3 марта 2014 г.) // URL: http://www.spravedlivo.ru/5_58304.html

Кибертерроризм как угроза основам конституционного строя Российской Федерации: понятие, сущность и проблемы противодействия

Будник Глеб Игоревич, студент

Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Ключевые слова: компьютерная преступность, киберугрозы, кибертерроризм, информационная безопасность.

Мы живем в эпоху информационного общества, когда информация становится необходимой для нормального функционирования всего общества. Развитие сети «Интернет» позволило людям передавать огромные потоки информации на расстояния, что предоставило людям новые реальности — от возможности общаться и видеть друг друга, находясь в разных точках земного шара, до объединения усилия целых исследовательских групп, которые, находясь в разных странах и даже континентах, могут работать слаженно и эффективно.

Однако сеть «Интернет» используется не только во благо. Огромными темпами во всем мире растет такое явление, как киберпреступность. Поэтому в настоящее время появилось много научных работ, посвященных противодействию компьютерной преступности и обеспечению информационной безопасности России от современных киберугроз [5, 6, 7, 8, 9, 10].

Среди всех киберпреступлений особую опасность представляет деятельность террористических групп в сети «Интернет». Все больше появляется сайтов террористической направленности, через которые происходит вербовка новых членов в террористические группы, распространяются видео экстремистского содержания и т. д.

Законодатель не дает официального понятия кибертерроризма. В свою очередь, в науке юриспруденции ведутся споры по поводу дефиниции данного понятия. Рассмотрим различные точки зрения на содержания понятия кибертерроризм.

Некоторые авторы под кибертерроризмом понимается совокупность противоправных действий, связанных с покушением на жизнь людей, угрозами расправ, деструктивными действиями в отношении материальных объектов, искажением объективной информации или рядом других действий, способствующих нагнетанию страха и

напряженности в обществе с целью получения преимуществ при решении политических, экономических или социальных задач [1].

Кибертерроризм рассматривают, как преднамеренную атаку на информацию, обрабатываемую компьютером, компьютерную систему или сеть, которая создает опасность для жизни и здоровья людей или наступления других тяжких последствий, если такие действия были совершены с целью нарушения общественной безопасности, запугивания населения или провокации военного конфликта [2].

По мнению Ю.В. Гаврилова и Л.В. Смирнова, сущность кибертерроризма заключается в оказании противоправного воздействия на информационные системы, совершенного в целях создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц путем создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы такой опасности [3].

Террористическая активность в сети «Интернет» может проявляться в различных формах.

По мнению Р.Ю. Дремлюги, терроризм в сети «Интернет» неоднороден, его можно, условно, разделить на две блока: совершение терактов посредством сети «Интернет» и деятельность, способствующая терроризму, например, вербовка в организации, сбор средств для террористической организации или организация взаимодействия между членами террористических групп [4, с. 108].

Перед террористическими актами, которые совершаются посредством сети «Интернет» уязвимы все сферы жизнедеятельности общества и государства, в которых активно применяются информационные технологии. Так, например, в отношении аэропортов, как объектов транспортной инфраструктуры, кибертерроризм может быть использован самыми различными способами. От самого простого варианта — дезинформации и психологической атаки посредством сообщений об угрозе террористического акта, что вносит хаос в работу аэропорта и самолетов, до вмешательства в электронные системы управления полетами воздушных судов, что может повлечь тяжкие последствия, либо угрозу повреждений инфраструктуры аэропортов и самолетов в воздухе.

Следующими проявлениями кибертерроризма, наносящими вред конституционному строю Российской Федерации, по мнению автора, являются:

1. Размещение видеоматериалов экстремистского содержания. Выкладывая данные видеоролики на наиболее посещаемые информационные ресурсы, террористы преследуют цель охватить максимальное количество пользователей.

Данные видеоматериалы, как правило, преследуют цель запугать пользователя либо убедить его в обоснованности действий террористической организации и необходимости присоединиться к деятельности данной организации.

2. Создание террористическими организациями собственных интернет-сайтов для обеспечения доступа к запрещенной литературе, чертежам оружия, бомб.

3. Осуществление вербовки новых членов. Для подобных целей активно применяются социальные сети и интернет-сайты. По данным национального террористического комитета, на декабрь 2014 г. в сети «Интернет» существует около 10 тыс. порталов, на которых происходит вербовка террористов, из них порядка 500 на русском языке [12].

4. Совершение сделок по купле оружия через сеть «Интернет». Это позволяет террористам быстро найти на местах оружие, а не привозить его из других стран или же продолжительное время искать точки доступа на черный рынок, что увеличивает возможность обнаружения и предотвращения теракта.

5. Сбыт наркотических средств через глобальную сеть «Интернет».

6. Использование возможностей электронной почты или электронных досок объявлений для отправки зашифрованных сообщений с целью планирования и координации действий. Так, активисты Аль-Каиды использовали сеть «Интернет» в координировании нападения 11 сентября. Тысячи зашифрованных сообщений в защищенной паролем части сайта были найдены федеральными должностными лицами на компьютере арестованного террориста Аль-Каиды Абу Забейда, который, по сообщениям, принимал участие в руководстве нападением 11 сентября [10, с. 69].

7. Вовлечение в террористические сети ничего не подозревающих соучастников — например, хакеров, которым неизвестно, к какой конечной цели приведут их действия. Кроме того, если раньше сеть террористов обычно представляла разветвленную структуру с сильным центром, то теперь это сети, где не просматривается четких командных пунктов — такую возможность предоставляет сеть «Интернет».

Мы разделяем позицию тех авторов [5, 6, 7, 8, 9, 10], которые считают, что для эффективного противодействия угрозе кибертерроризма необходим комплексный и всесторонний подход в борьбе с данным криминальным явлением.

Для предупреждения совершения терактов через сеть «Интернет» можно, полностью не отказываясь от данного способа передачи информации, использовать альтернативные варианты, такие как, локальная сеть, а также разрабатывать другие способы передачи информации, внедрять новые способы защиты информации и совершенствовать старые.

Для защиты пользователей сети «Интернет» от нежелательной информации необходимо осваивать методы фильтрации контента. Так, например, во французских и германских версиях «Google» из поисковых результатов исключаются ссылки на неонацистские web-страницы и другие информационные ресурсы, запрещенные законом. Таким образом, пользователи не могут найти нежелательный контент. В свою очередь, в Великобритании и Ка-

наде применяется фильтрация с использованием «HTTP прокси-сервер» [11].

Государству для повышения эффективности борьбы с кибертерроризмом и другими проявлениями киберпреступности необходимо взаимодействовать и оказывать правовую, организационную, финансово-экономическую и иную поддержку молодежным общественным объединениям, осуществляющим мониторинг сети Интернет в поисках компьютерной информации экстремистского и иного противоправного содержания.

С целью совершенствования уголовного законодательства РФ, представляется необходимым дополнить

диспозицию статей 205 «Террористический акт», 205.1 «Содействие террористической деятельности», 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма», 205.3 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем», 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации» УК РФ квалифицирующим признаком «с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)».

Литература:

1. Васенин, В. А. Информационная безопасность и компьютерный терроризм [Электронный ресурс]. — Режим доступа: crime-research.ru, свободный (дата обращения: 20.02.2016).
2. Голубев, В. А. Кибертерроризм — угроза национальной безопасности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.crive-research.ru, свободный (дата обращения: 26.02.2016).
3. Гаврилов, Ю. В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия/Ю. В. Гаврилов, Л. В. Смирнов. — М.: ЮИ МВД РФ, 2003. — 66 с.
4. Дремлюга, Р. И. Интернет-преступность: Монография. — Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2008. — 240 с.
5. Евдокимов, К. Н. К вопросу о совершенствовании уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования материалы всероссийского круглого стола. 2015. с. 113-120.
6. Евдокимов, К. Н., Нагуслаев А. Т. Актуальные проблемы противодействия информационным правонарушениям в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект // Проблемы организации органов государственной власти и местного самоуправления: история, теория, практика и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Н. В. Кешикова. 2015. с. 69-75.
7. Евдокимов, К. Н., Саганов П. Н. Актуальные вопросы взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и общественных объединений в обеспечении национальной безопасности России от современных киберугроз // Проблемы организации органов государственной власти и местного самоуправления: история, теория, практика и перспективы Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Н. В. Кешикова. 2015. с. 75-81.
8. Евдокимов, К. Н. Причины компьютерной преступности в современной России // Российский следователь. 2015. № 3. с. 33-37.
9. Смирнова, И. Г., Евдокимов К. Н., Егерова О. А., Коломинов В. В., Машков С. А., Сачков Д. И., Судакова Т. М., Якимова Е. М. Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ: монография/Научный редактор И. Г. Смирнова. — Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2016. — 312 с.
10. Тропина, Т. Л. киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 — Владивосток, 2005. — 235 с.
11. URL: <http://www.civiltfund.ru> (дата обращения: 04.03.2016).
12. URL: <http://www.gia.ru> (дата обращения: 28.02.2016).

Вещные права в российском земельном законодательстве

Гончарова Наталья Петровна, студент
Санкт-Петербургская юридическая академия

Рассматриваются вопросы становления института вещных прав на землю, проводится общая классификация ограниченных вещных прав в земельной сфере, рассмотрены отдельные виды земельных вещных прав.

Ключевые слова: *вещные права на землю; права пожизненного наследуемого владения, право постоянного (бессрочного) пользования, сервитут.*

В гражданском праве гражданские права делятся на вещные и обязательственные. Вещные права в земельном праве — одна из правовых форм реализации отношений земельной собственности. Их обладателю они предоставляют возможность непосредственно осуществить воздействие на земельный участок путем господства над ним. Право собственности на землю является главенствующим в системе вещных прав на земельные участки, поскольку только у собственника содержится полный набор правомочий по владению, пользованию и распоряжению землей. Однако наряду с правами собственности имеется ряд других правовых форм, составляющих титул прав на землю, которые легализованы в современном российском законодательстве в качестве вещных прав. Вещные права, на которых земельные участки могут быть предоставлены гражданам и юридическим лицам, названы в ст. 216 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) — это право собственности, право пожизненного наследуемого владения, право бессрочного и срочного пользования, сервитут, а также аренда.

С приятием в 2001 году Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) вещные права на земельные участки, предоставленные гражданам по ранее действовавшему земельному законодательству на праве пожизненного наследуемого владения или бессрочного пользования, сохраняются за ними и на последующий период без какого-либо временного ограничения до выбора ими самими по своему желанию права, которое предусмотрено положениями ЗК РФ и на котором они далее будут пользоваться ранее предоставленным им земельным участком. В качестве таких прав на земельный участок в ЗК РФ теперь уже предусмотрены права: это право частной собственности на землю и право ее аренды на условиях заключенного договора.

Относительно прав на земельные участки юридических лиц, то в измененном земельном законодательстве теперь установлено, что право на бессрочное пользование, на котором им до принятия ЗК РФ были предоставлены земельные участки, теперь уже в обязательном порядке подлежат переводу в права частной собственности или права аренды.

Указанное положение как раз является стержневым положением, которым определены основания и условия перевода одних вещных прав в земельной сфере в другие в рамках переходного периода, когда ранее действовавшие

вещные права на земельные участки будут еще на какое-то время сохраняться, а предоставление земли в пользование будет производиться на правах, уже предусмотренных действующим законодательством.

Еще одна проблема, связанная с вещными правами на земельный участок, заключается в расхождении правовых норм, определяющих их содержание содержащихся в разных законодательных актах как ГК РФ, ЗК РФ и Федеральном законе 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» (в редакции от 31 января 2016 г.; далее — Закон о садоводческих объединениях).

Основное из вещных прав на землю — право пожизненного наследуемого владения, появилось в российском законодательстве в начале 90-х годов. Хотя это вещное право было известно еще древнеримскому частному праву под наименованием «эмфитевзис», многие положения которого затем были заимствованы многими другими правовыми актами при разработке аналогичных правовых институтов по пользованию чужой землей, включая германское гражданское законодательство, к которому более остальных тяготеет по своей структуре и российское гражданское законодательство, но российское законодательство ни дореволюционного, ни советского периода не знало этого правового института. Это правовой институт искусственно был создан в переходный период как «трамплин» для дальнейшего введения в стране права частной собственности на землю, к которому российское общество оказалось еще не готовым на этом этапе своего развития [1].

Впервые право пожизненного наследуемого владения как вещное право было введено в законодательство еще общесоюзным законодательным актом как Основы законодательства о земле Союза ССР и союзных республик от 28 февраля 1990 г. [7] (далее — Основы о земле).

Согласно ст. ст. 5 и 20 Основ о земле гражданам впервые предоставлялось право на получение в пожизненное наследуемое владение земельных участков для ведения крестьянского или личного подсобного хозяйства, строительства и обслуживания жилого дома, садоводства и животноводства, дачного строительства, а также при получении по наследству или приобретению жилого дома и осуществления традиционных народных промыслов. При этом за союзными и автономными республиками оставлялось право предусматривать в респу-

бликанском и региональном законодательстве в законодательства и иные основания предоставления земельных участков на указанном праве, то есть оставалась за ними возможность предоставления земельных участков во владение и для других целей. Однако указанный нормативный акт действовал недолго и утратил свою силу с принятием в Российской Федерации республиканского нормативного документа в виде Земельного кодекса РСФСР от 25 апреля 1991 г. [8] (далее — ЗК РСФСР). В ст. 7 ЗК РСФСР в принципе содержались положения аналогичные Основам о земле в части права пожизненного наследуемого владения землей и целей такого предоставления земли во владение граждан. Но с принятием Президентом РФ Указа от 24 декабря 1993 г. № 2287 «О приведении земельного законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации» [9] вещное право пожизненного наследуемого владения земельным участком было выведено из российского земельного законодательства, хотя еще в многих других нормативных документах ссылки на названное вещное право сохранилось, да и каким-то образом необходимо было законодательно урегулировать правовой режим уже предоставленных к этому моменту на названном праве земельных участков. Несмотря на то, что это вещное право было «упразднено» названным Указом это право вновь оказалось восстановленным, но уже в другом, не менее важном нормативном документе — в части первой ГК РФ, введенной в действие с 1 января 1995 г. В ст. 216 ГК РФ право пожизненного наследуемого владения названо в числе других вещных прав как вещное право с меньшим объемом правомочий по сравнению с правом собственности — самым объемным из вещных прав.

В то же время глава 17 указанной части ГК РФ, в которой раскрывалось содержание правомочий обладателей вещных прав на землю оставалась в качестве «недействующей» в связи с неопределенностью с принятием и введением в действие нового Земельного кодекса, поскольку названным Указом Президента РФ практически все положения действовавшего ранее Земельного кодекса РСФСР 1991 г. были сведены на нет, а принятие нового земельного законодательства откладывалось на неопределенный период.

Принятый в 2001 году ЗК РФ регулировал все возникавшие до этого на практике вопросы о видах вещных прав, их содержании и дальнейшей перспективе вещных прав в земельно-правовой сфере.

Помимо норм гражданского законодательства отдельные виды вещных прав и их содержание на законодательном уровне закрепились и в основном нормативном акте земельного законодательства. В ЗК РФ предусмотрены следующие категории вещных прав на землю: аренда земельных участков (ст. 22); право ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитут) (ст. 23) и безвозмездное пользование земельными участками (ст. 24). Право постоянного (бессрочного) пользования до

1 марта 2015 года было регламентировано ст. 20 ЗК, которая утратила силу в связи с изменениями.

Все указанные вещные права на земельные участки содержатся и в главе 17 ГК РФ, которая была введена в действие одновременно с введением в действие положений ЗК РФ, хотя право аренды и безвозмездного срочного пользования не приведены в перечне вещных прав в ст. 216 ГК РФ, но о них говорится в нормах, содержащихся в указанной главе (например, в ст. 266). В остальной части нормы гражданского и земельного законодательства об определении видов вещных прав не расходятся.

Однако ограниченные вещные права по содержанию в значительной степени расходились на момент их одновременно введения в действие главы 17 ГК РФ и ЗК РФ в октябре 2001 года. Так, 267 ГК РФ предусматривалось, что земельные участки, предоставленные на данном праве могут быть их владельцами сданы в аренду или безвозмездное срочное пользование, а совершение сделок, влекущих отчуждение участков, и их залог не допускались. В соответствии же с п. 2 ст. 30 Закона о садоводческих объединениях садовые, огородные и дачные земельные участки, предоставленные гражданам на праве пожизненного наследуемого владения, можно передавать в аренду, срочное пользование, обменять, приватизировать.

Такое расхождение в законодательных актах одного уровня приводило на практике к определенным трудностям, и соответственно предлагались самые различные варианты разрешения данной коллизионной ситуации. Часть исследователей вещных прав выступили за предоставление предпочтения в коллизионной ситуации нормам земельного законодательства, непосредственно определяющих содержание земельных прав [2, 4]. Другая часть исследователей вещных прав считают, что внесение в нормы гражданского законодательства изменений по ограничению прав распоряжения земельным участком правообладателей в данном случае являются преждевременными, поскольку указанные правовые институты еще будет сохраняться в гражданском обороте несмотря даже на то, что предоставление земельных участков далее на праве пожизненного наследуемого владения и постоянного (бессрочного) пользования законодательством уже не предусмотрено и не допускается [3].

В конечном счете, законодатель отдал предпочтение в данном вопросе нормам земельного законодательства, внеся соответствующие изменения в ст. 267 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 26.06.2007 118-ФЗ), которая теперь разрешает владельцам земельных участков на праве пожизненного наследуемого владения передавать их только по наследству, как изначально было определено в нормах ст. 21 ЗК РФ.

На практике возможны некоторые проблемы, связанные с переходом указанного вещного права в порядке наследования от наследодателя к наследникам. В отличие от права общей собственности права общего владения законодательством не предусмотрено, а соответственно при наследовании права пожизненного наследуемого вла-

дения земельным участком несколькими наследниками в ситуациях, когда в силу определенных причин участок разделу не подлежит, возникает вопрос о преимущественном праве на право наследования одного из них [5, 6]. Все исследователи указанного вопроса предлагают во избежание подобных ситуаций предварительно переоформить право пожизненного наследуемого владения в право собственности, но, представляется, тут все же имеет смысл рассмотреть и вариант введения в законодательство понятие права общего землевладения.

Что же касается второго по значимости ограниченного вещного права на земельный участок, то в отличие от права пожизненного наследуемого владения, введенного в гражданский оборот в начале 90-х как «временного» права на переходной период в связи с необходимостью коренного преобразования земельных отношений в рамках проводимых экономических реформ, то право постоянного (бессрочного) пользования это право, на котором пользовались земельным участком все субъекты прав на землю за весь предшествующий период развития нашего общества.

В отличие от права пожизненного наследуемого владения на указанном вещном праве предусмотрено предоставление земельных участков и согласно норм действующего земельного законодательства, но только ограниченному кругу субъектов. Это такие субъекты как государственные и муниципальные учреждения, казенные предприятия, центры исторического наследия президентов РФ, прекративших исполнение своих полномочий, а также органы государственной власти и местного самоуправления. Как и право пожизненного наследуемого владения, право постоянного (бессрочного) пользования в отношении ранее предоставленных гражданам и юридическим лицам сохраняет свою юридическую силу и на последующий период, но уже предоставление на этом праве земельных участков указанным категориям субъектов уже прекращено. Граждане могут без ограничения сроков сохранять свое право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком в отличие от прав юридических лиц, которые обязаны в ограниченное по времени сроки переоформить свое право на право собственности либо аренды. Предельный срок переоформления указанного права законодатели переносили много раз: вначале был определен срок — 1 января 2004 г., потом перенесли еще три раза по два года на два года, а в настоящее время предельный срок установлен — 1 января 2016 года.

Переоформление права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком в пределах отведенных для этого сроков является правом юридических лиц, а не их обязанностью. На это указано судам относительно применения п. 2 ст. 3 Федерального закона от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» в разъяснении, данном в п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.03.2005 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства». В части

разъяснения положений указанной правовой нормы изложил свою позицию и Конституционный Суд РФ в определении № 512-О от 25 декабря 2003 года, согласно которой, предусмотренная этой нормой возможность изменения титулов прав на землю, не содержит какого-либо основания для изъятия соответствующих земельных участков, а потому не может рассматриваться как допускающее внесудебный порядок лишения имущества. В равной мере оно не может рассматриваться как допускающее национализацию, поскольку не предполагает обращения в государственную собственность имущества, находящегося в собственности юридических лиц, а, напротив, предоставляет возможность приватизации земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

В указанной связи основательно высказывалась как в средствах массовой информации [10], так и в научных трудах [6] точка зрения, согласно которой истечение установленных законом сроков переоформления прав на землю не влечет для юридических лиц никаких негативных последствий, Основанием для таких высказываний послужили отсутствие прямого законодательного указания на этот счет.

Но, тем не менее, законодатель решил установить административную ответственность за нарушение указанных сроков переоформления прав на землю. В соответствии со ст. 7.34 «Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 года № 195-ФЗ (редакция от 09 марта 2016 года) (с изменениями и дополнениями вступившими в силу с 20 марта 2016 года), установлена ответственность за нарушение сроков и порядка переоформления права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право аренды земельных участков или сроков и порядка приобретения земельных участков в собственность в виде административного штрафа на юридических лиц в размере от двадцати тысяч до ста тысяч рублей.

Относительно содержания правомочий обладателя права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком то в силу ст. 270 ГК РФ в ее первоначальной редакции лицо, которому предоставлен земельный участок в постоянное пользование, был вправе с согласия собственника участка передавать этот участок в аренду или безвозмездное срочное пользование, а п. 4 ст. 20 ЗК РФ устанавливалось, что граждане и юридические лица, обладающие земельными участками на праве постоянного (бессрочного) пользования не имели права распоряжаться такими земельными участками подобным образом.

В связи имеющейся коллизией правовых норм дал на этот счет разъяснение Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 24 указанного постановления № 11 от 24.03.2005 г., согласно которому после введения в действие ЗК РФ лица, обладающие земельным участком на праве постоянного (бессрочного) пользования, уже не вправе передавать его в аренду или безвозмездное срочное пользование, в том числе и при наличии согласия на это

собственника земельного участка, то есть высший судебный орган признал в данной ситуации приоритет норм земельного законодательства над гражданскими нормами.

В части правового определения вещных прав арендатора земельного участка и его ссудополучателя, а также правовая природа этих вещных прав, то в земельном законодательстве нет каких-либо отличительных особенностей от норм гражданского законодательства в плане определения статуса правообладателя. Также как и в гражданском законодательстве, арендатор земельного участка может уступить свои правомочия другому лицу, заменяющему его в договоре, а также передать их по договору субарендатору, в отличие от срочного ссудополучателя участка, который не наделен такими правомочиями, что объясняется безвозмездным характером приобретения прав на землю и ограниченностью пользования участком по времени.

Литература:

1. Гришаев, С. П. Право пожизненного наследуемого владения. // СПС КонсультантПлюс, 2006.
2. Иконницкая, И. А. Земельное право Российской Федерации. Учебник. — М.: Юристъ, 2012. с. 93
3. Ким, Д. Ч. Ограниченные вещные права на недвижимое имущество: автореф. дис. канд. юрид. наук. — М., 2013.
4. Колов, А. Ю. Вещные права на земельный участок в России: автореф. дис. канд. юрид. наук. — Томск. 2014. с. 12.
5. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой/Под ред. С. А. Боголюбова. — М.: Юрайт-Издат, 2006. с. 114.
6. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (+CD)/Под ред. С. И. Сай, С. А. Боголюбова. — СПб: Питер, 2008.
7. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 101. Ст. 129.
8. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 22. Ст. 768.
9. Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 52. Ст. 5085.
10. Орлов, А. Неразменная сотка // Деньги. 2005. № 38. с. 60.

Правовая характеристика частного земельного сервитута не отличается по содержанию и статусу от аналогичного вещного права, определенного в нормах гражданского права, что же касается публичного сервитута, то здесь правовая природа отличается тем, что субъект вещного права конкретно не может быть определен чисто по конструкции правового регулирования данных вещно-правовых отношений, так как право ограниченного пользования земельным участком устанавливается не в интересах одного конкретного субъекта, а в общественных интересах, когда круг субъектов определить практически невозможно. В последнем случае возникает вещное право «обезличенного» субъекта, конкретизация которого осуществляется каждый раз по мере возникновения необходимости реализации права у «индивидуального» лица, представляющего в правоотношениях его субъекта.

Права детей-сирот на жилье: пути и способы защиты

Джумагазиева Гульнара Сарсенбаевна, кандидат юридических наук, доцент;
Садретдинова Лия Измайловна, магистрант
Астраханский государственный университет

Сиротство остается одной из самых сложных общемировых социальных и научных проблем. В России проблема защиты прав детей всегда была одной из острейших, привлекающей к себе внимание широкой общественности.

Экономический кризис и проблемы в социальной сфере отразились почти на каждой российской семье, а, следовательно, и на детях. Экономический кризис пагубно влияет, в первую очередь, на несовершеннолетних. Это отчетливо иллюстрируют следующие неблагоприятные показатели:

- 1) рост числа бедных семей в стране,
- 2) увеличение числа брошенных детей, и детей, оставшихся без попечения родителей,

- 3) постоянное увеличение совершаемых несовершеннолетними правонарушений и преступлений;

- 4) растет число несовершеннолетних, убегающих из дома в поисках лучшей жизни.

Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, которые обеспечивают достойную жизнь и свободное развитие человека (согласно ст. 7 Конституции РФ). В рамках реализации государственной политики в интересах детей большое внимание уделяется защите их конституционного права на жилище, в особенности детей-сирот и других детей, которые находятся в трудной жизненной ситуации.

С принятием Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (закон вступил в силу 1 января 2013 г.) изменился порядок обеспечения жильем детей-сирот [5]. В соответствии с новым законом, жилые помещения предоставляют детям-сиротам по договорам найма специализированных жилых помещений (срок действия такого договора — 5 лет), а не по договорам социального найма, как это было раньше. По истечении срока договора (5 лет) жилое помещение переходит в бессрочное пользование гражданина на условиях социального найма. Абзац о внеочередном предоставлении жилья, как это было принято ранее, исключен из жилищного кодекса.

Следовательно, согласно данному закону, исключена возможность приватизации, передачи жилого помещения по любым сделкам, а также выселение нанимателя во избежание случаев мошенничества и других нарушений, давая возможность детям-сиротам адаптироваться к взрослой жизни. Помимо этого, по новым правилам жилые помещения должны предоставляться в виде благоустроенных жилых домов и квартир. Раньше же имела место быть практика вселения детей-сирот в коммунальные квартиры.

Проблема обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, — это одна из наиболее остро стоящих проблем не только для нашего государства, но и для многих других. Так как данная категория граждан не имеет достаточной поддержки со стороны близких и родственников, государство берет на себя особые обязательства по обеспечению их необходимыми материальными благами, обязуясь выполнять заявленные в национальном законодательстве гарантии исполнения прав и свобод граждан.

Несмотря на наличие указанных правовых гарантий, наблюдаются устойчивые негативные тенденции в сфере соблюдения жилищных прав несовершеннолетних.

Особую обеспокоенность вызывает значительное число нарушений прав детей-сирот. Не случайно, выступая на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 5 мая 2013 г., Президент РФ В. В. Путин отметил серьезность проблемы обеспечения жилыми помещениями детей-сирот.

Вопросы защиты жилищных прав вышеуказанной категории детей особенно актуальны и требуют изучения.

Способы защиты гражданских прав различны и указаны в ст. 12 ГК РФ [1]. Можно выделить и способы защиты имущественных прав несовершеннолетних, которые могут осуществляться следующими способами:

- 1) лишения родительских прав (ст. 69 СК РФ),
- 2) отмены усыновления (ст. 140, 141 СК РФ),
- 3) взыскания алиментов (ч. 2 ст. 80 СК РФ, ст. 106 СК РФ),
- 4) отступление от начала равенства долей супругов при разделе общего имущества исходя из интересов детей (п. 2 ст. 39 СК РФ),

5) признание недействительными соглашений об уплате алиментов,

6) неустойка (ч. 2 ст. 115 СК РФ),

7) возмещение убытков, не покрытых неустойкой (ч. 2 ст. 115 СК РФ) [5].

Защиту жилищных прав осуществляют путем [3]:

1) признания права на жилье;

2) восстановления положения, которое существовало до нарушения права:

а) устранение причин правонарушения;

б) прекращение нарушений прав;

в) предупредительные меры со стороны уполномоченных органов;

3) признания судом недействующим правового акта, который нарушает права граждан;

4) неприменения судом нормативных правовых актов, которые не подлежат применению;

5) прекращения или изменения жилищных правоотношений;

6) применения иных способов (возмещение убытков и взыскание неустойки, компенсация морального вреда и др.).

В соответствии со ст. 11 ГК РФ и ст. 11 ЖК РФ защита гражданских и жилищных прав осуществляется как судом, так и в административном порядке. В зависимости от правового положения детей и целей судебной защиты, можно выделить следующие средства судебной защиты:

1) учет мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет, при разрешении отдельных вопросов, которые связаны с его интересами,

2) заключение органа опеки и попечительства.

В соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокуроры в порядке выполнения надзорных функций вправе требовать от руководителей, других должностных лиц государственных органов, органов местного самоуправления предоставления необходимых документов, материалов, сведений о порядке учета и распределения жилья; проведения проверок по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям.

В соответствии со ст. 45 ГПК РФ прокурор имеет право обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных образований. Заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и иным уважительным причинам не может сам обратиться в суд [2].

В компетенции прокуратуры находится защита жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, контроль за деятельностью законных представителей детей и деятельностью органов опеки и попечительства.

В соответствии с данными Генеральной прокуратуры Российской Федерации [4, с. 4-5]:

- 1) в 2012 г. прокурорами выявлено 43826 нарушений жилищных прав детей-сирот,
- 2) в 2013 г. обнаружено 29698 нарушений,
- 3) в 2014 г. — 36510 подобных нарушений.

Число лиц из числа детей, оставшихся без попечения родителей, которые состоят на учете на получение жилого помещения, каждый год увеличивается [4, с. 4-5]. К примеру:

- 1) в 2012 г. число таких детей составляло 96614,
- 2) в 2013 г. — 104094 человек,
- 3) в 2014 г. — достигло показателя 1159492 человек.

Органы прокуратуры каждый год рассматривают более 200000 обращений по фактам нарушений жилищного законодательства (исключением стал 2014 г. — более 120000 обращений). Среди таких обращений, значительную долю составляют жалобы на нарушения жилищных прав детей.

Значительное число нарушений в рассматриваемой сфере допускается органами государственной власти и местного самоуправления, которые призваны в силу закона защищать жилищные права детей-сирот.

Прокурорский надзор за соблюдением жилищных прав несовершеннолетних необходимо рассматривать как одно из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры, что обусловлено усиленной защитой жилищных прав несовершеннолетних на международном и национальном уровне, повышенной социальной значимостью обеспечения права на жилище несовершеннолетних как наиболее уязвимой социальной группы населения, неудовлетворительным состоянием законности в этой сфере правоотношений, несовершенством действующего законодательства, отсутствием единства практики применения федеральных законов.

Вместе с тем выполнению стоящих перед прокурорами в этой сфере задачи реализации предусмотренных Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» полномочий, которые направлены на защиту нарушенных жилищных прав несовершеннолетних, препятствуют [2, с. 6]:

- 1) несовершенство законодательства (особенно регионального),
- 2) отсутствие единства правоприменения федерального законодательства,

3) должное методическое и научное обеспечение прокурорской деятельности.

Самостоятельное осуществление ребенком права на защиту связано с признанием ребенка полностью дееспособным. Однако законодательством указаны случаи, когда право на защиту в том или ином объеме может осуществляться лицом до 18-летнего возраста.

Один из основополагающих принципов жилищного законодательства — это судебная защита жилищных прав. Защита прав в судебном порядке предусмотрена ч. 1 ст. 46 Конституции РФ. Судебная защита является конституционным правом граждан РФ, в том числе и детей, которое в свою очередь, означает право на обжалование в суд любых решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. Конституция РФ предоставляет каждому право обращаться с жалобой в международные органы по защите прав и свобод человека. Несовершеннолетний имеет право самостоятельно обращаться в суд при достижении 14-летнего возраста.

В отличие от гражданского, семейный кодекс не содержит перечня способов защиты прав граждан, в том числе детей-сирот. В ст. 8 СК РФ только указано то, что защита семейных прав осуществляется способами, которые предусмотрены СК РФ [4]. Следовательно, защита семейных прав ребенка, как и гражданских, осуществляется путем их:

- 1) признания,
- 2) восстановления
- 3) применения мер ответственности к виновным лицам.

Таким образом, под судебной защитой гражданских и семейных прав и интересов ребенка (в том числе и детей-сирот) необходимо понимать осуществляемую в порядке гражданского судопроизводства и основанную на конституционных принципах, принципах гражданского, семейного, гражданского процессуального права, а также моральных принципах деятельности судов, направленную на восстановление (признание) нарушенных (оспоренных) гражданских и семейных прав и интересов ребенка, путем применения способов защиты, которые предусмотрены гражданским и семейным законодательством.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.01.2016).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 30.12.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016).
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 31.01.2016).
4. Огурцова, М. Л. Прокурорский надзор за соблюдением жилищных прав несовершеннолетних: автореферат дис... канд. юрид. наук./М. Л. Огурцова; Акад. Ген. прокуратуры РФ, — М.: 2015. — 27 с.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 20.04.2015).
6. Федеральный закон № 15-ФЗ от 29.02.2012 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Проблема формирования правосознания в России

Дряблова Анна Андреевна, студент

Сибирский государственный университет путей сообщения

Правосознание — это совокупность идей, чувств, в которых выражается право и деятельность людей, связанные с ним.

Правосознание — это одна из сфер общественного сознания, оно имеет свой предмет, правовые явления о правовой действительности. Правосознание имеет свой специфический язык, в котором отражается правовая действительность.

Вопрос относительно проблематики правосознания в России является достаточно актуальным. Проблематика этого вопроса прослеживается во всех сферах нашей повседневной жизни, так некоторые люди не понимают истинного значения понятия право, иногда даже воспринимая его как какое-либо ограничение. Встречаются граждане которые при виде сотрудников правоохранительных органов произнося свои мысли вслух высказываются таким образом: «и не стыдно же им было выбрать такую профессию из-за которой тебя все ненавидят». Такие люди даже не подозревают, что для некоторых получение статуса сотрудника правоохранительных органов и борьба с преступностью может быть мечтой. В данном примере выражен явный дефект правосознания.

Осуществляя покупки, мы часто сталкиваемся с произволом продавцов, которые осуществляя предпринимательскую деятельность, не утруждаются ознакомиться с законом «о защите прав потребителей» и забывают свои обязанности и зачастую нарушают права покупателей.

Этот список, пожалуй, можно продолжать долго, таким образом можно сделать вывод, что дефекты правосознания в современном Российском обществе остаются, а важность их решения не отрицается.

Правосознание тесно связано с философскими теориями, идеологическими пониманиями, религиозными доктринами. Многие известные авторы полагали, что нормы права, их неизменность и подневольность пребывает в сознании человека, поэтому право, это явление психологическое. Другие предполагали видную невольность права как средство регулирования свободы человека и классовым регулятором общественных отношений.

Русский правовед И. А. Ильин рассматривал правосознание как совокупность воззрений на право, на государство, на всю организацию общественной жизни. Например, он считал, что форма правления в государстве определяется прежде всего монархическим или республиканским правосознанием народа. И. А. Ильин подчеркивал, что человек без правосознания будет жить собственным произволом и терпеть произвол от других. Влияние правосознания на организацию общественной жизни достаточно велико, ощутимо. Этим объясняется включение его в механизм правового регулирования как одного из средств

воздействия на общественные отношения. Специфическая черта правосознания как составной части механизма правового регулирования состоит в том, что его роль не ограничена какой-либо одной стадией правового воздействия. Правосознание включается в работу и на стадии правотворчества, и на стадии реализации права. В той или иной степени оно присутствует во всех элементах механизма правового регулирования — нормах права, правоотношениях, актах реализации права. Наиболее зримую роль играет правосознание на стадии реализации права, в процессе воплощения в жизнь юридических прав и обязанностей. Жизнь человека ясно демонстрирует, что сознание, мысль, образ, волевое усилие действительно управляют поведением людей, иницируют и регулируют их действия и поступки во всех сферах жизнедеятельности, в том числе правовой. От уровня, качества, характера, содержания правосознания в значительной степени зависит то, каким будет поведение человека в обществе — правомерным, социально полезным или неправомерным, социально вредным и опасным [1].

Проблематика продолжительных и разнонаправленных социально-политических явлений и преобразований, и перестроек в современной России убеждают в необходимости изменения правовых и социально-психологических условий формирования гражданского общества.

Государство и его правовая система, при этом должна гарантировать возможность для реализации своих законных интересов и социальной активности в обществе, так же обеспечить достойный уровень жизни и реализации в обществе, и социально-психологический климат, должен способствовать развитию массового позитивного правосознания в обществе. Также постоянное изменение в законодательстве и нормативно-правовых актах, влечет за собой негативное мышление граждан.

В связи с сложившейся экономической и политической ситуацией в стране, да и не только в России, а во всем мире, граждане зачастую не знают, как себя защитить, и куда обратиться.

Следует заметить, что русское правосознание, как и национальный менталитет в целом, носит антиномичный характер, в нём наряду с позитивными чертами, такими как приоритет нравственных начал, преобладание интересов общества, содержатся и негативные элементы. К ним можно отнести представление о том, что закон есть в лучшем случае бесполезная и бессмысленная вещь, на которую не стоит обращать внимание, а в худшем — средство ущемления государством прав личности и общества, следовательно, закон следует игнорировать и не исполнять. Отрицательную тенденцию в формировании и развитии российского правосознания сыграла идея о предо-

пределенности бытия, которая породила у части общества представление о бессмысленности борьбы за справедливость и преобладание пассивного поведения. Максимализм национального самосознания, стремление к высочайшему нравственному идеалу, встретившись с неудачей в реальной жизни, с несправедливостью, зачастую уступает место апатии, стремлению уйти от проблемы, покориться судьбе. Так формируется правовой нигилизм, когда законы не знают и пытаются не столько их исполнить, сколько обойти. Незнание законодательства, а нередко и полное к ним предубеждение является характерной чертой русского национального самосознания. Наибольшую обеспокоенность вызывает крайняя форма правового нигилизма — правовой цинизм, то есть «откровенное, вызывающе-презрительное отношение к общепринятым правилам поведения в обществе и установкам» [2].

Из вышесказанного следует, что правосознание — это сложный и долгий длительный процесс, затрагивающий все сферы общественной жизни общества.

Ведь проблематика современного российского общества, связанная с низким уровнем правосознания, правовой культуры, правового сознания, читается не только во всех сферах жизни общества, но и в обыденной жизни, повседневных отношениях людей, когда не имея достаточных знаний, и также знаний о правовой системе государства, действующего законодательства, человек не может защищать свои права и интересы.

Человек всего на всего перестает быть человеком, во многих жизненных ситуациях, когда просто идя по улице, и какому-то человеку нужна помощь, многие отворачиваются и проходят дальше, не осознавая того, что любая жизненная ситуация может и коснуться и его, кто сегодня прошел просто мимо, и не протянул руку помощи.

Даже не беря в расчет возрастные числа, мы знаем, что чем человек моложе, тем его мозг более восприимчив к новой информации, а сознание более гибкое и легко адаптируемое к новациям. Молодое поколение является наиболее активным, и все зависит от радикально-настроенной молодёжи. Так же следует учитывать, что юношеский максимализм заставляет подростков зачастую действовать сверх агрессивно и бескомпромиссно. Поэтому наибольшую опасность представляет правовое невежество именно молодого поколения и на него стоит обратить особое внимание.

Начинать формирование правосознания, правовое воспитание необходимо с детских лет. Необходимо включать в учебную программу предметы, которые будут посвящены правам человека, о способах их защиты, о законе, о том, что закон нужно уважать и соблюдать.

Необходимо повышать уровень правосознания у молодого поколения, так как это будущее нашего государ-

ства. Также необходимо формировать правосознание и у госслужащих, так как большинство граждан не компетентны в этой профессии. Превышая свои полномочия, вследствие этого ухудшается политическая, а также и экономическая ситуация в стране, и здесь перед государством стоит, если не главная, то, пожалуй, одна из главных проблем — коррупция, на борьбу с которой России необходимо обратить, особое внимание.

Делая вывод из вышесказанного, правосознание присутствует во всех элементах механизма правового регулирования, например, как нормы права, правоотношения и акты реализации права, так и субъекты права. Большую роль в этом механизме занимает последнее — реализация права, где воплощаются юридические права и обязанности.

Задача, которая стоит перед государством и обществом — воспитать правосознание, направить его в правильное русло, но в первую очередь государство должно признать в полном объеме основной ценностью личность. Но одного лишь признания прав и свобод, даже на уровне Конституции Российской Федерации, явно недостаточно. Необходимо, в первую очередь минимизировать диспропорцию в уровне жизни граждан России, создать условия и среду воспитания, здорового правосознания и правовой культуры [3,4].

Если такие условия в современном российском обществе не будут создаваться, то отечественное правосознание может быть искаженным, или деформированным, что повлияет на изменения состояния законности и правопорядка. Так, по мнению Р. Ф. Степаненко, обосновывающей и исследующей влияние феномена отчужденности, пограничности и дезадаптации (маргинальности) на правовую культуру, правосознание, правовое поведение, состояние и уровень совершаемых правонарушений, в том числе преступлений в российском обществе, наличие в любом государственном устройстве определенного числа лиц с асоциальными формами поведения и деформированным правовым сознанием, должно являться объектом пристального внимания государственных институтов, определяющих правовую политику [5].

В заключении следует отметить, что научное исследование проблем формирования правосознания, его закономерностей и особенностей формирования, является актуальной и важной задачей юридической науки. Необходимо способствовать положительному качеству мышления и духовного развития личности. Следовательно, чтоб вложить в человека духовное начало, необходимо с ранних лет прививать ему любовь к Родине, и ко всему, что его окружает. Это возможно лишь при обеспечении достойного качества жизни.

Литература:

1. Алексеев, С. С., Архипов С. И. и др. Теория государства и права. М.: Норма, 2005. — с. 277.

2. Моджина, Н. В. Правовой нигилизм и правосознание россиян. // Вестник Башкирского университета. 2010. — Т. 15. — № 2. — с. 455-459.
3. Рыбаков, О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. — СПб.:Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. с. 147.
4. Рыбаков, О. Ю. Правовая политика как научная теория в юридических исследованиях. Право. Законодательство. Личность. 2010. — № 2. — с. 107.
5. Степаненко, Р. Ф. Генезис общеправовой теории маргинальности: монография./Под ред. д-ра филос. наук, д-ра юрид. наук, проф. О. Ю. Рыбакова. — Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2012. — с. 244.

Проблема возбуждения уголовного дела: анализ теоретико-правовых оснований

Еликбаев Аскар Курмангалиевич, магистрант
Тюменский государственный университет (г. Тюмень)

В статье анализируются проблемные аспекты стадии возбуждения уголовного дела.

Несмотря на произошедшие в России за последние десятилетия экономические и социально-правовые изменения, современное досудебное производство, в силу, во-первых, чрезвычайной забюрократизированности его положений и, во-вторых, высокой затратности уголовного судопроизводства при его недостаточной эффективности (например, как отмечает Б. Я. Гаврилов [1, с. 5] ежегодно, в суд направляется только каждое третье уголовное дело), что неспособно обеспечить реализацию задач уголовного судопроизводства, сформулированных в ст. 6 УПК РФ, направленных на эффективную борьбу с преступностью с целью ее удержания на социально терпимом уровне.

При этом, представление о поводе к возбуждению уголовного дела относится к числу проблемных понятий. На сегодняшний день единообразия взглядов на понимание его как явления и как процесса, не достигнуто ни в науке, ни в праве.

1. Проблема необходимости существования стадии возбуждения уголовного дела.

По мнению отдельных ученых, ставится под сомнение первоначальность и самостоятельность стадии возбуждения уголовного дела, но и в целом отрицают необходимость существования данного этапа уголовного судопроизводства.

Наиболее известны и обсуждаемы предложения авторов так называемой «Дорожной карты реформирования органов внутренних дел Российской Федерации» [2], согласно которой следователь, дознаватель, орган дознания должны начать производство по делу сразу же по поступившему заявлению или сообщению о преступлении. Очевидно, что здесь речь идет об отказе от института возбуждения уголовного дела и трансформации его в институт начала уголовного судопроизводства.

Тем не менее, большинство ученых-процессуалистов признает, что стадия возбуждения уголовного дела как первоначальная стадия уголовного судопроизводства является необходимой и обязательной частью уголовного про-

цесса. Так, по мнению Т. К. Рябининой и Я. П. Ряполовой [3, с. 273]...Стоит внимательнее отнестись к таким статистическим данным правоохранительных органов, как соотношение количества вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и вынесенных в последующем постановлений о прекращении уже возбужденного уголовного дела, поскольку значительный «отсев» дел, не имеющих судебной перспективы, происходит именно на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела». Соответственно, «стадия возбуждения уголовного дела должна быть сохранена как неотъемлемая граница между предварительной проверкой наличия в сообщении признаков преступления и расследованием с широкой возможностью производства процессуальных действий, в т. ч. применения мер процессуального принуждения» [ма, с. 14].

2. Проблема формулирования понятия возбуждения уголовного дела.

В процессуальной науке до настоящего времени не выработано единого определения понятия повода для возбуждения уголовного дела.

Так, профессор С. В. Бородин [с. 27], один из авторитетнейших исследователей советского периода, под поводом для возбуждения уголовного дела понимал «источник, из которого компетентным органам государства или их должностным лицам становится известно о готовящемся или совершенном преступлении».

По мнению Н. С. Мановой [4], поводы для возбуждения уголовного дела суть виды первичной информации о преступлении.

В свою очередь, профессор Г. П. Химичева [5], под поводом для возбуждения уголовного дела понимает «предусмотренные уголовно-процессуальным законом юридические акты или поступки, с которыми закон связывает обязанность дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора (до его исключения ФЗ N 87-ФЗ из числа указанных субъектов) решить вопрос о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела.

По мнению В.М. Быкова, «алгоритм действий при формировании повода представляется следующим: преступление > сведения о нем > деятельность заявителя по передаче сведений о преступлении > их процессуальное оформление. Именно с этого момента сведения о преступлении становятся процессуальным поводом» [кругл, с. 337].

В то же время, большинство авторов сходится в том, что исследуемое понятие включает в себя, как отмечает И.С. Дикарев [с.], источник информации (сведений, осведомленности) о совершенном преступлении.

Непосредственно формирование понятия повода для возбуждения уголовного дела обусловлено, по нашему мнению, двумя причинами: во-первых, невозможностью оперирования информацией, содержащейся в сообщении о преступлении, без ее надлежащего документального оформления; во-вторых, процессуальные правила формирования повода для возбуждения уголовного дела обеспечивают определенные гарантии достоверности информации, представляемой прокурором Центральным Банком России и конкурсным управляющим. Эти документы могут использоваться в качестве повода для возбуждения уголовного дела без дополнительной проверки.

3. Проблема возбуждения уголовного дела как проблема дидактического характера.

Первая позиция — повод к возбуждению уголовного дела — это источник, из которого компетентные государственные органы получают информацию о преступлении. Повод есть «юридический факт, вызывающий деятельность по возбуждению уголовного дела» [пет, с. 42]. Подобную формулировку специалисты используют как советский период [кар, с. 6], так и в постсоветский период уголовной процессуалистики [рыж, с. 9]. Обращает внимание то обстоятельство, что это источники, разница между изданием которых достигает более тридцати лет. Данный факт указывает на то, что имеет место устойчивая тенденция упрощенного понимания повода возбуждения уголовного дела как такового.

Однако «...Повод — понятие сложное, многоуровневое. И одной только «источниковой» трактовки повода для понимания его сущности недостаточно» [гу, с. 43].

Вторая позиция — повод к возбуждению уголовного дела — это информация. Вероятно, подобная постановка вопроса является результатом буквального понимания содержания ст. 140 УПК РФ, в которой всего лишь перечисляются поводы к возбуждению уголовного дела, в то время как содержание отражаемой в них информации определяется ст. ст. 141, 142, 143 УПК РФ. Так, первые три из перечисленных в ч. 1 ст. 140 УПК РФ «классических» повода к возбуждению уголовного дела являются информационно-фиксирующими: «1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников» []. Их форма и содержание полностью согласуются с сущностью и значением повода к возбуждению уголовного дела, как определенным образом зафиксиро-

ванной информации, хотя и указывающей на признаки преступления в соответствующем деянии, но подлежащей дальнейшей оценке и проверке (при необходимости) уполномоченными органами.

Третья позиция — повод к возбуждению уголовного дела носит «смешанный» характер.

28 декабря 2010 г. Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. N 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» в ч. 1 ст. 140 УПК РФ был введен еще один повод к возбуждению уголовного дела — постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. В результате, как отмечают М.В. Мешков и В.В. Гончар [с. 19], кроме информационно-фиксирующих документов, содержащих различную информацию (протоколы следственных и судебных действий, заявления, явки с повинной и т. д.) появляются властно-распорядительные — к подобным документам относятся постановления, определения и т. д.

Очевидно, что постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании — это властно-распорядительный документ, имеющий в своей структуре резолютивную часть, в которой содержится определенное распоряжение о совершении юридически значимых действий.

4. Проблема терминологии и применения законодательной техники.

В УПК РСФСР 1960 г. словосочетание «возбуждение уголовного дела» использовалось для обозначения всего первого этапа досудебного производства. Данное понятие, как пишет Д.В. Рылков [] имело неопределенный характер, предельно условное значение и было многозначным, а система норм, регламентирующих деятельность участников уголовного судопроизводства по обнаруженному преступлению и складывающихся в результате ее осуществления правоотношений в своей совокупности составляла самостоятельный уголовно-процессуальный институт.

В отличие от УПК РСФСР, в УПК РФ [] появился специальный раздел — VII, названный «Возбуждение уголовного дела». Он состоит из двух глав: 1) поводы и основание для возбуждения уголовного дела; 2) порядок возбуждения уголовного дела. Всего в разделе десять статей (ст. 140-149). Однако, нормы, так или иначе относящиеся к возбуждению уголовного дела, содержатся также в других разделах, главах и статьях УПК РФ, так, например, в п. 9, 19, 33, 36.1, 43 ст. 5; ст. 20 (виды уголовного преследования); в ст. 23 (привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации) и другие.

Глава 19 УПК РФ названа «Поводы и основание для возбуждения уголовного дела». Но так же называется и ст. 140 настоящего Кодекса. С точки зрения законодательной

техники подобный прием вряд ли допустим и оправдан. Понятия повода законодатель не дает, хотя необходимость в этом имеется. Вполне логично, что в ч. 1 ст. 140 обозначены поводы для возбуждения уголовного дела. Но в ч. 2 этой же статьи содержится указание на основание для возбуждения уголовного дела. Последнее относится к принятию решения о возбуждении уголовного дела. Представляется, что правильнее было бы дефиницию основания возбуждения уголовного дела включить в ч. 1 ст. 146 УПК РФ, которая регламентирует порядок возбуждения уголовного дела.

5. Проблема расширения перечня поводов к возбуждению уголовного дела.

Так, положения УПК РСФСР 1960 г. [1], предусматривали более широкий перечень (6 поводов и оснований — ст. 108 УПК РСФСР 1960 г.), чем содержится в ч. 1 и ч. 1.2 ст. 140 УПК РФ. При этом следует отметить, что произошедшие изменения в регламентации перечня поводов для возбуждения уголовного дела в науке оцениваются по-разному. Ряд ученых считает, что содержание ст. 140 УПК РФ не отвечает объективным потребностям практики, в связи с чем высказывается идея о необходимости дополнения перечня поводов для возбуждения уголовного дела [кру, с. 337]. В юридической литературе встречается и предложение о выделении в качестве самостоятельного

повода для возбуждения уголовного дела результатов оперативно-розыскной деятельности [14, с. 6].

К поводам для возбуждения уголовного дела следует также отнести: выносимое следователем или дознавателем в порядке ст. 155 УПК РФ постановление о выделении из уголовного дела материалов, содержащих сведения о новом преступлении; сообщение суда об обнаружении признаков преступления, направляемого в органы предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела; постановление мирового судьи о направлении заявления потерпевшего или материалов дела органу расследования, когда потерпевшему неизвестны данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности (ч. 1.1 ст. 319 УПК РФ) и другие.

Таким образом, можно сделать вывод, что модель возбуждения уголовного дела, установленная законодателем в УПК РФ, является весьма несовершенной, что предполагает необходимость ее совершенствования. Возбуждение уголовного дела как часть досудебного производства по уголовному делу лишь тогда сыграет свою положительную роль в деятельности правоохранительных органов, когда оно представит собой упорядоченную систему действий и решений, осуществляемых на первом этапе уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.03.2016)//Собрание законодательства РФ. — 2001. — N 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел РФ. — М.: Расширенная группа при Министерстве внутренних дел РФ по дальнейшему реформированию ОВД, 2013. — 34 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960./Консультант Плюс. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=34685;fld=134;dst=100543;mind=189271.8731899465004774;;ts=01892719214316321384252>
4. Бородин, С. В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела. — М.: юридическая литература, 1970. — 127 с.
5. Гаврилов, Б. Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Российский следователь. — 2013. — N 21. — с. 5-11.
6. Гуцев, М. Е., Кузьменко Е. С. Система поводов к возбуждению уголовного дела: проблемы двойственного подхода к формированию // Российский следователь. — 2015. -N 20. -С. 42-45.
7. Дикарев, И. С., Кругликов А. П. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография. — М.: ЮрЛитФорм, 2012. — 408 с.
8. Карев, Д. С. Возбуждение и расследование уголовных дел. — М.: Юридическая литература, 1967. — 146 с.
9. Малышева, О. В. Возбуждение уголовного дела: теория и практика: Монография. — М.: Юрист, 2008. — 154 с.
10. Манова, Н. С. Уголовный процесс: курс лекций. — М.: Проспект, 2010. — 221 с.
11. Мешков, М. В., Гончар В. В. Поводы к возбуждению уголовного дела: процессуально-правовые новеллы // Российский судья. — 2012. — N 11. — с. 19-20.
12. Петров, А. В. Проблемы на стадии возбуждения уголовного дела. // Законность. — 2009. — № 8. — с. 42-44.
13. Рыжаков, А. П. Возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела. — М.: Городец, 2001. — 109 с.
14. Рылков, Д. В. Повод для возбуждения уголовного дела как необходимое условие начала производства по делу// Российский следователь. — 2009. -№ 17. — с. 6-9.
15. Рябинина, Т. К., Ряполова Я. П. Сохранение стадии возбуждения уголовного процесса: новые аргументы в старой дискуссии // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: Матер. Междун. научно-практ. конференции (Москва, 21 марта 2014 г.)/Под ред. А. И. Бастрыкина. Ч. I. — М.: Академия СК России, 2014. — с. 273-278.
16. Уголовный процесс Российской Федерации/Отв. ред. А. П. Кругликов. — М.: Юрист, 2014. — 539 с.

Россия и европейские международные организации: проблемы и перспективы в международных отношениях

Жадан Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт

В статье рассматриваются некоторые проблемы и перспективы в международных отношениях России с европейскими международными организациями на основе международных и российских правовых актов и анализа общетеоретических положений, материалов из средств массовой информации, научных подходов и авторского понимания.

Ключевые слова: Россия, европейские международные организации, проблемы, перспективы, международные отношения, материалы, подходы, анализ.

Перед Россией в XXI веке, как и в целом перед международным сообществом актуальными являются вопросы взаимодействия и сотрудничества государств и международных организаций в политической, экономической, социально-гуманитарной и иных сферах, но достаточно часто возникают при этом проблемы в международных отношениях. Тому пример являются не простые международные отношения между Россией и государствами, их международными организациями на Европейском пространстве.

Вопросам анализа участия, роли и других аспектов взаимодействия и сотрудничества России с европейскими международными организациями в научной литературе и материалах средств массовой информации (далее — СМИ), посвящено немало публикаций [1], что ни в коей мере не лишает автора высказать свое мнение по данной теме.

Предметом данного исследования будут некоторые проблемы и перспективы в международных отношениях, характеризующие взаимодействие и сотрудничество России с европейскими международными организациями, и являются продолжением ранее опубликованных исследований о конституционно-правовых основах сотрудничества России с международным сообществом, об участии России в деятельности международных организаций и других.

Общепризнано, что основным международным нормативным правовым актом для международного сообщества, в том числе и определяющим вопросы взаимодействия и сотрудничества государств и международных организаций является Устав Организации Объединенных Наций (1945 г.) [2] (далее — ООН). В Уставе ООН определяются основополагающие принципы международных отношений, которые в Декларации о принципах международного права (1970 г.) [3] и Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.) [4] нашли свое дальнейшее закрепление и дополнение в части обеспечения мира и международной безопасности, определения общих правил поведения субъектов международного права, развитие дружественных отношений между государствами, независимо от их поли-

тических, экономических и социальных систем, от уровня их развития, взаимодействие и сотрудничество государств и международных организаций, участие государств в международном сообществе.

В тоже время деятельность международных организаций должна соответствовать международным нормативным правовым актам, к числу которых относятся: Венская конвенция о праве международных договоров (1969 г.), Венская конвенция о представительствах государств в их отношениях с международными организациями универсального характера (1975 г.), Будапештская конвенция о правовом статусе, привилегиях и иммунитетах межгосударственных организаций, действующих в определенных отраслях сотрудничества (1980 г.), Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями и между международными организациями (1986 г.), а также уставы об их образовании, международные договоры с государствами об их пребывании и другие.

О сотрудничестве государств и международных организаций по политическим, экономическим, социально-гуманитарной и другим сферам международных отношений принято много международных универсальных и региональных, многосторонних и двусторонних договоров и соглашений.

Россия, принимая принципы и нормы международного права, и заключая международные договоры, признает, что осознает себя частью международного сообщества. Правовым основанием заключения международных договоров являются положения Конституции Российской Федерации и Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [5].

Россия, как евразийское государство взаимодействует и сотрудничает не только с европейскими государствами, но является членом многих международных организаций на Европейском пространстве. К числу европейских международных организаций, с которыми активно сотрудничает Россия относятся — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совет Европы, Европейский союз, Содружество Независимых Государств и другие.

В системе международных региональных организаций и принимающих решения по поддержанию мира, безопасности и сотрудничества государств ведущее место занимает Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Данная организация была создана по инициативе СССР и социалистических государств Европы, как постоянно действующий международный форум.

1 августа 1975 года в ходе совещания в Финляндии (г. Хельсинки) представители 33 европейских государств, в том числе СССР, а также США и Канады подписали Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [4]. Исходя из названия совещания данная организация получила и свое наименование Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее — СБСЕ). Главной целью СБСЕ было определено — выработка мер по поддержанию мира и безопасности в Европе.

В 1994 году в ходе Будапештского саммита (встречи на высшем уровне) было принято решение о переименовании СБСЕ с 1 января 1995 года в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее — ОБСЕ), а также была принята политическая декларация «На пути к подлинному партнерству в новую эпоху». В качестве органов ОБСЕ действуют: саммиты (встречи на высшем уровне) с участием глав государств и правительств государств-членов ОБСЕ; Совет министров иностранных дел (встречи министров иностранных дел) государств-членов ОБСЕ; Постоянный совет под руководством действующего председателя; Форум по сотрудничеству в области безопасности; Верховный комиссар по делам национальных меньшинств; Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ; Парламентская ассамблея ОБСЕ; Представитель по вопросам свободы СМИ и другие.

В современное время ОБСЕ, как международная региональная организация по безопасности и сотрудничеству включает 57 государств из Европы, Северной Америки и Центральной Азии. Предусматривается в ОБСЕ также участие 11 государств как партнеров по сотрудничеству — Австралия, Алжир, Афганистан, Израиль, Марокко, Тунис и другие. В качестве основных целей ОБСЕ определены — обеспечение мира и безопасности в Европе; поддержание разрядки международной напряженности; обеспечение соблюдения прав человека; соблюдение в отношениях между государствами принципов международного права. В свою очередь основными направлениями деятельности данной организации являются — предотвращение возникновения конфликтов в регионе, урегулирование кризисных ситуаций, ликвидация последствий конфликтов и т. д.

Россия сотрудничает с ОБСЕ, в том числе участвует в переговорах, миротворческих акциях, выработке резолюций, принятии правовых актов т. д. В качестве примеров, можно привести: с 2015 года при разрешении кризисной ситуации на территории Донбасса (восточная часть Украины), на линии разграничения сторон сил самообороны (ополченцев) и украинских вооруженных сил нахо-

дятся наблюдатели ОБСЕ, которые осуществляют патрулирование, устанавливание камер наблюдения и т. д., в числе военных специалистов есть и российские военнослужащие; 5 декабря 2015 года была принята Декларация о совместном противодействии терроризму, которую инициировала Россия на совещании Совета министров иностранных дел государств-членов ОБСЕ и т. д.

Как известно из истории XX века, в период «холодной войны» в Европе были созданы военно-политические блоки Организация Североатлантического договора (далее — НАТО) и Организация Варшавского договора (далее — ОВД). После распада СССР и социалистической системы ОВД была распущена, НАТО не прекратила свое существование, а расширяет количество государств-членов и территорию своего влияния, и при этом проводит достаточно агрессивную политику в отношении России, о чем рассматривалось автором этих строк в предыдущем исследовании.

В системе международных региональных организаций и оказывающих содействие в сотрудничестве между европейскими государствами важное место занимает Совет Европы, который был создан 5 мая 1949 года. Устав Совета Европы [6] подписали 10 европейских стран, а в дальнейшем присоединились к нему и другие государства. В настоящее время членами Совета Европы являются 47 государств, население которых составляет более 800 млн. человек. В Совете Европы предусматривает также участие государств как участников партнерских программ — Алжир, Египет, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и другие.

Россия вступила в Совет Европы 28 февраля 1996 года, о чем был принят Федеральный закон от 23 февраля 1996 года № 19-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы» [7].

Устав Совета Европы (1949 г.) [6] в качестве целей определяет: укрепление мира, международного сотрудничества и единства между государствами-членами во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием и содействие их экономическому и социальному прогрессу, признание принципа верховенства права и принципа защиты прав и основных свобод человека и т. д.

В качестве органов Совета Европы функционируют: Комитет министров, Парламентская ассамблея, Европейский Суд по правам человека, секретариат и другие. Комитет министров Совета Европы является руководящим органом и состоит из министров иностранных дел всех государств-членов и собирается на сессии один раз в год. Консультационным органом является Парламентская ассамблея Совета Европы (далее — ПАСЕ), которая состоит из представителей парламентов всех стран-членов, а государственные делегации должны включать представителей из всех партий, представленных в парламентах стран-членов.

При вступлении в Совет Европы Россия взяла на себя ряд обязательств, в том числе соблюдать Устав Совета Ев-

ропы (1949 г.), ратифицировать Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) и протоколы к ней [8], что однозначно является положительным, так как предусматривало сотрудничество России в политической, экономической, социально-гуманитарной и иных сферах, а как следствие участие России в Европейской интеграции. Важное значение для России имела возможность граждан РФ обращаться с индивидуальными (групповыми) жалобами в Европейский Суд по правам человека и т. д. В связи с этим проводится мониторинг ПАСЕ выполнения Россией взятых обязательств. Под мониторингом ПАСЕ находятся и другие государства, вступившие в Совет Европы — Азербайджан, Албания, Армения, Босния и Герцеговина, Грузия, Молдавия, Сербия и Украина.

Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) и протоколов к ней Россия ратифицировала 30 марта 1998 года [9], а в дальнейшем ратифицировала Рамочную Конвенцию о защите национальных меньшинств, Европейскую хартию местного самоуправления, присоединилась также к Европейской Конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и т. д.

Автор разделяет научный подход, что в России после ратификации указанных актов были заложены правовые основы для реализации норм и стандартов европейского права, которые должны быть реализованы в принимаемом российском законодательстве и других правовых актах.

За время участия в работе ПАСЕ представители российской делегации неоднократно выступали с докладами и отчетами о выполнении взятых Россией обязательств, о законодательной деятельности по реализации стандартов европейского права, проведении судебно-правовой реформы, по ситуации на Северном Кавказе и т. д. При этом на ПАСЕ часто принимались антироссийские резолюции.

Так, в 2009 году на ПАСЕ обсуждалась ситуация по военному конфликту, связанному с нападением вооруженных сил Грузии на Южную Осетию и была принята резолюция с грузинской поправкой, в которой осуждается признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, о соблюдении суверенитета и территориальной целостности Грузии, нерушимости ее границ. В 2012 году ПАСЕ в своей резолюции продлила процедуру мониторинга в России и при этом отметала, что в России нормативно не отменена смертная казнь, российские войска не выведены из Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии, запрещается проведение гей-парадов и принимаются законы о запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних и т. д. Еще более антироссийские резолюции на ПАСЕ были приняты в апреле 2014 года по ситуации на Украине, а именно «решительно осуждается российская военная агрессия и аннексия Крыма» и как «явное нарушение» международного права в части Устава ООН, Хельсинского акта ОБСЕ и основных правил Совета Европы; признала легитимность новых властей в

Киеве; российская делегация за присоединение Россией Крыма была лишена права голоса в ассамблее, исключена из всех руководящих органов, а также участвовать в миссиях наблюдателей ПАСЕ до конца года [10].

Автор разделяет научный подход, что в ПАСЕ представителями парламентов европейских стран применяются так называемых «двойные стандарты» в международном праве и тому примеры по ситуации в бывшей Югославии, связанной с ракетно-бомбовыми ударами НАТО г. Белграда и других городов Сербии в марте 1999 года, межэтническим конфликтом на территории Косово и других территориях бывшей Югославии и приведшим к «этническим чисткам» в отношении сербского населения, провозглашение независимости Косово и ее признание большинством стран Европы и т. д., которые не нашли соответствующей критической оценки в резолюциях ПАСЕ.

В 2015 году ПАСЕ лишила российскую делегацию права голоса и участия во всех органах и миссиях, что естественно предполагает отказ участия делегации в ее работе. Аналогичное решение в отношении российской делегации было принято ПАСЕ и в январе 2016 года, а как следствие делегация снова покинула ассамблею.

В Совете Европы предусматривается и межгосударственный судебный орган — Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), действующий в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) [6] (далее — Конвенция) и другими актами. Юрисдикция ЕСПЧ распространяется на государства-члены, входящие в Совет Европы и ратифицировавшие Конвенцию. Россия также ратифицировала Конвенцию, а поэтому на нее распространяется юрисдикция ЕСПЧ.

Вопрос о взаимодействии России и ЕСПЧ требует самостоятельного исследования, так как имеется достаточно большая практика обращения граждан РФ в этот межгосударственный судебный орган, в том числе есть проблемы с исполнением и соответствием принимаемых решений Конституции РФ, и решениям Конституционного Суда РФ.

В 1993 году на основе Европейского экономического сообщества было создано политическое и экономическое образование европейских государств, которое называется Европейский союз (далее — Евросоюз, ЕС). Россия не является членом Евросоюза и тому есть причины, которые автор этих строк не ставит перед собой для данного исследования.

В международном праве Евросоюз определяется как международное сообщество государств, сочетающее признаки международной (межгосударственной) организации и государства (так как имеются надгосударственные органы), однако формально не является ни тем, ни другим. В Евросоюз входят 28 государств — Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия,

Франция, Хорватия, Чехия, Швеция и Эстония, в которых проживает более 500 млн. населения и с долей в мировом ВВП около 23%. Есть несколько Европейских государств, которые числятся кандидатами и ассоциированными членами — Албания, Македония, Молдавия и другие.

25 июня 1988 года между Европейским экономическим сообществом и СССР было подписано соглашение о торговле и сотрудничестве, а между Евросоюзом и Россией соглашение о партнерстве и сотрудничестве — 24 июня 1994 года, которое вступило в силу 1 декабря 1997 года. В свою очередь первое заседание Совета сотрудничества Евросоюза и России состоялось 27 января 1998 года в Великобритании (г. Лондоне). Данное сотрудничество осуществляется, прежде всего, по экономическим вопросам, из ЕС поставляются оборудование, машины, товары широкого потребления и т. д., а из России — энергоресурсы, пищевая, химическая и металлургическая продукция, древесина и т. д.

Не осталось без внимания сотрудничество между Россией и ЕС на парламентском уровне. Представители российской парламентской делегации неоднократно выступали с докладами в Европарламенте по международно-европейским социально-гуманитарным, экологическим и иным проблемам, а делегации Европарламента в комитетах и комиссиях Федерального Собрания РФ. При этом Европарламент в 1999-2001 годы в адрес России принимал часто критические резолюции по ситуации на Северном Кавказе и другим вопросам.

В 2005 году между Россией и ЕС было подписано соглашение о стратегическом партнерстве через формирование четырех общих пространств: экономического; внутренней безопасности и правосудия; внешней безопасности; науки и образования. Планировалось, что такое партнерство должно было привести к сближению экономик России и ЕС, сотрудничеству в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, наркобизнесом и незаконной миграцией и т. д. Как указывается в официальных источниках, объем экспорта товаров из России в ЕС в период с 2002 по 2012 год увеличился в 3,5 раза — с 64,5 до 213 млрд. евро, а по объему экспорта товаров в ЕС в 2012 году Россия опередила США и вышла на второе место [11].

В 2014 году в связи с ситуацией на Украине, как указывается в СМИ, Европарламент принял резолюции, в которых «решительно осуждает Российскую Федерацию за ведение необъявленной «гибридной войны» против Украины с использованием регулярных российских вооруженных сил и поддержкой незаконных вооруженных формирований», призвал ЕС переосмыслить отношения с Россией, отказаться от концепции стратегического партнерства, отменить запланированные соглашения с Россией в энергетической отрасли, в том числе по газопроводу Южный поток [12] и т. д. Позиция ЕС и Европарламента по сотрудничеству с Россией не изменилась и в настоящее время.

В 2014 году по инициативе руководства США и с целью международной изоляции России были введены экономи-

ческие, индивидуальные (в отношении конкретных российских лиц и организаций) и иные санкции, к которым присоединился ЕС, страны «Большой семерки» и некоторые другие государства. Введение санкций против России обосновывались в связи с присоединением Крыма к России, провозглашением на территории Донбасса Донецкой и Луганской народных республик, как пророссийских, а затем и «оккупированных Россией», и военным конфликтом на Донбассе. Естественно, это не могло не вызвать ответных мер со стороны России с введением соответствующих санкций.

Как следует из материалов СМИ, по мнению одних экспертов санкции стали одной из причин финансового кризиса в России, а, по мнению других экспертов, причиной кризиса были не санкции, а снижение цен на нефть. При этом все эксперты одинаковы в оценке, что ЕС испытывает негативные последствия, как от своих санкций, так и от ответных действий России [13].

Следует также обратить внимание на новые проблемы в международных отношениях, которые инициирует ЕС в отношении России.

Так, 14 марта 2016 года главы министерств иностранных дел ЕС приняли 5 принципов построения международных отношений с Россией, а именно: 1) полная имплементация минских соглашений как ключевой элемент любого изменения в отношениях с Россией; 2) укрепление связей с общими соседями; 3) увеличение устойчивости ЕС в области энергетической безопасности и т. д.; 4) необходимость «избирательного взаимодействия» с Россией по вопросам внешней политики — ситуации вокруг Ирана, КНДР, Сирии, по миграции и противодействию терроризму и т. д.; 5) желание поддержать российское гражданское общество [14] (по мнению автора, имеется в виду поддержка представителей российских оппозиционных движений, например, проведение семинара в феврале 2016 года в Литве (г. Вильнюс) с названием «Подготовка наблюдателей»; для каких целей проводился семинар понятно, что это связано с подготовкой к выборам в Государственную Думу Федерального Собрания РФ).

Еще дальше пошел ЕС в части ухудшения международных отношений с Россией 18 марта 2016 года. Как известно в России в это время отмечалась вторая годовщина присоединения Крыма к России. При этом ЕС выступил с заявлением, осуждающим присоединение Крыма к России, считающим вхождение Крыма в состав России «нарушением международного права» и «прямым вызовом международной безопасности», а также призвал страны-члены ООН присоединиться к санкциям против России [15].

Автор разделяет научный подход, что в настоящее время в международных отношениях между Россией и ЕС имеются значительные проблемы, которые инициированы ЕС. Поэтому взаимодействие и сотрудничество России с ЕС переживает не лучшие времена по многим направлениям, и прежде всего в усилении напряженности и противопоставлении инициативам и подходам России по разрешению ситуации в Сирии и на Украине, причин ма-

лоэффективных политических и социально-экономических мер, связанных с захлестнувшим Европу потоком беженцев из Сирии, Ирака, Ливии, Афганистана и других стран Азии и Африки. Такое состояние международных отношений между Россией и ЕС приводит также к сокращению экономического и социально-гуманитарного сотрудничества, существенному снижению торгового оборота, что может быть выгодно только для США.

Что касается внешней политики России по указанным проблемам и ее возможного изменения в сторону зависимости от США, НАТО и ЕС, то она основывается на безусловном соблюдении всеми государствами принципов и норм международного права, исключении из международной практики «двойных стандартов и подходов» (что достаточно часто имеет место в практике США и ЕС), и как следствие остается последовательной, конструктивной и направленной на поддержание мира и безопасности, взаимовыгодного сотрудничества государств и международных организаций на Европейском и всем мировом пространстве.

Россия принимает участие и в таких региональных европейских организациях как Совет государств Балтийского моря (далее — СГБМ) и Черноморском экономическом сотрудничестве (далее — ЧЭС). СГБМ был основан в 1991 году, а ЧЭС — в 1992 году и целью этих организаций является сотрудничество в политических, экономических, социально-гуманитарных, культурно-туристических, экологических и иных сферах.

Как известно из отечественной истории XX века, 8 декабря 1991 года главами государств России (Б. Ельцин), Белоруссии (С. Шушкевич) и Украины (Л. Кравчук) с целью сохранения и развития экономического и политического сотрудничества на пространстве бывших союзных республик СССР было подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств («Беловежское соглашение») [16] (далее — СНГ). 21 декабря 1991 года главы 11 государств (из числа бывших союзных республик СССР) Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины подписали Протокол к Соглашению и Декларацию. В 1993 году к учредительным документам СНГ присоединилась Грузия.

На основании Устава СНГ и Декларации предусматривалось, что СНГ не является государством или надгосударственным образованием, не обладает СНГ и наднациональными полномочиями. Тем самым СНГ является международной межправительственной организацией, имеющей координационный характер, членство в которой основано на началах суверенного равенства государств и с правом свободного выхода из организации. Основными целями СНГ определены: сотрудничество в политической, экономической и иных сферах; общая таможенная политика; свободное передвижение граждан на ее пространстве; оборонная политика и охрана внешних границ; согласованная политика в области международной безопасности, разоружения и контроля над вооружением;

строительство вооруженных сил, создание коллективных сил по поддержанию мира; мирное урегулирование споров и другие.

Учитывая данные обстоятельства, международное сотрудничество на пространстве СНГ взаимовыгодно как для России, так и других государств-членов СНГ, а поэтому в рамках содружества заключено более 1000 многосторонних и двусторонних договоров.

К числу наиболее важных договоров в политической и экономической сферах, подписанных государствами-членами СНГ, следует отнести: Соглашение о правовом статусе границ СНГ (1991 г.), Договор о коллективной безопасности (1992 г.), Соглашение о принципах таможенной политики (1992 г.), Декларация о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ государств СНГ (1994 г.), Соглашение о сотрудничестве в области охраны труда (1994 г.), Соглашение о создании зоны свободной торговли (1994 г.), Концепция коллективной безопасности (1995 г.), Концепция об охране границ государств-участников СНГ с государствами, не входящими в Содружество (1996 г.), Договор о Таможенном союзе и едином экономическом пространстве (1999 г.) и другие.

В качестве основных органов СНГ функционируют: Совет глав государств, Совет глав правительств, Исполнительный комитет, Совет министров иностранных дел, Экономический совет, Совет министров обороны, Совет министров внутренних дел, Совет командующих пограничными войсками, Совет руководителей органов безопасности и специальных служб, Межпарламентская ассамблея, Экономический Суд, Антитеррористический центр государств СНГ и другие. В системе управления СНГ предусматриваются также около 50 специализированных органов, которые обеспечивают координацию деятельности ведомств государств-членов СНГ по отдельным направлениям взаимодействия и сотрудничества.

Как указывается в СМИ и специальной литературе, СНГ имеет слишком небольшое количество «точек соприкосновения» между его членами, что заставляет лидеров государств-членов СНГ искать альтернативные интеграционные модели сотрудничества. Тем самым на пространстве СНГ сформировались несколько новых организаций с более конкретными общими целями и направлениями скоординированного сотрудничества.

К числу таких организаций, которые основываются на более заинтересованном двухстороннем сотрудничестве на постсоветском пространстве между Россией и Белоруссией является подписание 2 апреля 1997 года главами государств России (Б. Ельцин) и Белоруссии (А. Лукашенко) Договора о Союзе Беларуси и России, а 8 декабря 1999 года — Договора о создании Союзного государства России и Белоруссии [17]. На основании этого договора было создано Союзное государство России и Белоруссии (далее — Союзное государство), которое предусматривало поэтапную организацию единого политического, экономического, военного, таможенного, валютного, пра-

вового, гуманитарного и культурного пространства. Но с 2010 года между главами государств России и Белоруссии отношения осложнились, что привело к практической остановке межгосударственной интеграции.

25 февраля 2016 года Президент РФ В. Путин посетит Белоруссию с рабочим визитом, где встретился с Президентом Белоруссии А. Лукашенко, а также участвовал в заседании Высшего Государственного Совета Союзного государства. В ходе заседания были приняты бюджет Союзного государства на 2016 год, утверждена Программа согласованных действий в области внешней политики на 2016-2017 годы, обсуждены итоги торгово-экономического сотрудничества России и Белоруссии за прошлый год и ряд других двусторонних вопросов [18]. Данная встреча позволяет говорить о дальнейшем развитии сотрудничества России и Белоруссии в рамках Союзного государства.

В научной литературе и СМИ много пишется о жизнеспособности СНГ на постсоветском пространстве. Так, Д. Кондратов отмечает, что взаимная торговля выступает основным направлением экономического взаимодействия государств СНГ. Исходя из программных документов СНГ, в том числе из Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 года, наращивание оборотов взаимной торговли выступает ключевым направлением экономической интеграции в рамках Содружества. Это влечет за собой расширение внешнеторговых связей между его участниками, что в свою очередь положительно сказывается на объемах внутреннего производства стран СНГ,

росте ВВП и благотворно влияет на повышение уровня жизни населения стран-участниц данной международной организации [19, с. 59].

Но есть и другой подход в части СНГ, что при распаде СССР планировалось создание конфедеративного Союза Суверенных Государств, но проект реализован не был, а было создано малоинтегрированное международное (межгосударственное) объединение Содружество Независимых Государств [20].

Автор разделяет научный подход, что для России имеет стратегическое значение участие в СНГ и Союзном государстве, а также важное политическое и экономическое значение участие в Европейской интеграции. При этом Россия проводит взвешенную, последовательную, конструктивную и независимую политику с целью устранения однополярного мира, противостояния политическому влиянию США, НАТО и ЕС, активно осуществляет взаимовыгодное сотрудничество в политической, экономической, социально-гуманитарной и иных сферах с большинством государств и международных организаций, как на Европейском, так и на всем мировом пространстве.

Таким образом, данное исследование представляет собой анализ общетеоретических положений и материалов из СМИ, а также научных подходов об участии России в международных организациях и авторского понимания о взаимодействии и сотрудничестве России с европейскими международными организациями — ОБСЕ, Совет Европы, ЕС, СНГ, Союзное государство и другими.

Литература:

1. См.: Зуева К. ОБСЕ: вчера, сегодня, завтра // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2005. — № 4. — с. 39-46; МИД РФ: Совет Европы должен функционировать без «двойных стандартов» // *Российская газета*. 24.02.2016 — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rg.ru/2016/02/24/mid-rf-sovet-evropy-dolzhen-funkcionirovat-bez-dvojnyh-standartov.html> (дата обращения: 20.03.2016); Россия и Евросоюз // *Российская газета*. 11.03.2016 — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rg.ru/2016/03/11/glavy-mid-es-reshili-vyiasnit-otnosheniia-mezhdu-soboj-iz-za-rossii.html> (дата обращения: 20.03.2016) и др.
2. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945, с измен. от 16.09.2005) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/ (дата обращения: 20.03.2016).
3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24.10.1970) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles (дата обращения: 20.03.2016).
4. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Подписан в г. Хельсинки 01.08.1975) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT&n=15395&req=doc> (дата обращения: 20.03.2016).
5. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (в ред. от 12.03.2014 № 29-ФЗ) «О международных договорах Российской Федерации» — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9012279> (дата обращения: 20.03.2016).
6. Устав Совета Европы (Подписан в г. Лондоне 05.05.1949) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901954> (дата обращения: 20.03.2016).
7. Федеральный закон от 23.02.1996 № 19-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы» — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=15675> (дата обращения: 20.03.2016).

8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4.11.1950) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_29160/ (дата обращения: 20.03.2016).
9. Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18263/ (дата обращения: 20.03.2016).
10. Каталог NEWSru.com: Резолюция ПАСЕ по Украине: Крым «аннексирован», аргументы России «не соответствуют действительности» — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/09apr2014/paserez.html> (дата обращения: 20.03.2016).
11. Экспорт из России в Европейский союз — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://newsruss.ru/doc/index.php/> (дата обращения: 20.03.2016).
12. Европарламент принял резолюцию с критикой России — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/3420644-evroparlament-prynial-rezoluitsyui-s-krytykoi-rossyy> (дата обращения: 20.03.2016).
13. Санкции в связи с украинскими событиями 2014 года — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 20.03.2016).
14. Главы МИД ЕС приняли пять принципов построения отношения с Россией. 14.03.2016 — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20160314/1389738298.html> (дата обращения: 20.03.2016).
15. Евросоюз призвал страны ООН присоединиться к санкциям против России. 18.03.2016 — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20160318/1392180048.html> (дата обращения: 20.03.2016).
16. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (Заключено 08.12.1991) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900745> (дата обращения: 20.03.2016).
17. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь «О создании Союзного государства» (Подписан в г. Москве 08.12.1999) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=25282> (дата обращения: 20.03.2016).
18. INTERFAX. RU. 25.02.2016. Президент России Владимир Путин 25 февраля посетит Белоруссию с рабочим визитом ... — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/496048> (дата обращения: 20.03.2016).
19. Кондратов, Д. Торгово-экономическое сотрудничество на пространстве СНГ: возможности расширения // Проблемы теории и практики управления. — 2013. — № 5. — с. 59-64.
20. Распад СССР и образование СНГ. Современные международные отношения и Мировая политика, 2004 — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://freebooks.site/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/raspad-sssr-obrazovanie-24576.html> (дата обращения: 20.03.2016).

Социально-правовая защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Жарова Ольга Николаевна, студент
Ивановский государственный университет

Федеральным законом от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» установлены льготы, обеспечивающие реализацию, различных прав указанной категории граждан, а именно право на образование, право на медицинское обслуживание, право на имущество, право на жилое помещение, и право на труд. Система, регулирующая социальную защиту детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, должна быть завершённой, должна опираться и соответствовать принятой законодательной базе государства. В семье, в вопросах

реализации ребенком своих прав и в других сферах жизнедеятельности общества, проявляется и реализуется социальная защита прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Итогом реализованной системы социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, должен стать «во-первых, определенный уровень жизни ребенка (витальные потребности, здоровье физическое и психическое), во-вторых, должна быть обеспечена безопасность (физическая, экономическая, социальная), в-третьих, право на самореализацию и развитие своих способностей и возможностей» [1]. Вдобавок к вы-

шеназванному закону, права детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации закреплены в Семейном кодексе РФ, к которым можно отнести: право воспитываться в семье, право на защиту здоровья, право на защиту и обеспечение потребностей ребенка, право на собственность, алименты, пенсии, пособия и другие льготы, предусмотренные законом.

Общегосударственная политика в области социальной защиты малозащищенных слоев населения, к которым и причисляются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, осуществляется в соответствии с общепризнанными нормами, которые установлены законодательством РФ: гарантированное общедоступное бесплатное начальное, основное и среднее (полное) общее образование, на конкурсной основе среднее и высшее профессиональное образование, бесплатное медицинское обслуживание, право на профессиональную ориентацию детей, по достижении ими возраста 15 лет, выбор сферы деятельности, трудоустройства, охрану и оплату труда, социальное обслуживание и социальная защита детей, гарантированная материальная поддержка, выплаты государственных пособий, предусмотренных законодательством, социальная адаптация и социальная реабилитация детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, право на жилище в соответствии с законодательством РФ, квалифицированная юридическая помощь.

Социальная защита вышеназванной категории граждан предусматривает два уровня: «первый — в повседневной обстановке, в обычной жизненной ситуации; второй — в чрезвычайной, нестандартной ситуации» [2]. Социальная защита в повседневной обстановке связана главным образом с защитой семьи, с защитой ребенка в сфере образования, с защитой в сфере реализации предоставленных государством гарантий. Социальная защита в чрезвычайной, нестандартной ситуации, связана, главным образом, с потерей родителей, с социальными и экологическими катастрофами.

Главнейшими объектами социальной защиты в Российской Федерации, требующими к себе наиболее пристального внимания и защиты, являются дети — сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, не достигшие 18 лет. Дети сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, нуждаются в помощи со стороны государства и его отдельных органов в равной степени, без каких-либо дискриминаций и лишений. Как уже было выше отмечено, к приоритетной группе населения, нуждающейся в социальной защите, относятся дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, дети из неблагополучных, многодетных семей, дети, переданные на воспитание в приемные семьи, дети-инвалиды, дети, отстающие в имеющие в психическом или физическом развитии, дети, состоящие на профилактическом учете в органах внутренних дел детей и др.

Социальная защита вышеупомянутых категорий граждан осуществляется законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти в целом, а также от-

дельными их органами. Российская Федерация, через свои органы, формирует приоритетные направления и стратегию, в области социальной защиты и законодательную базу, обеспечивает ее реализацию, и гарантирует защиту. Более того, социальную защиту и помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, реализуют через свою деятельность, политические партии, благотворительные фонды, общественные организации, средства массовой информации, детские и юношеские организации. «Особую роль в социальной защите детства играют семья и школа, а также специальные службы социальной работы: муниципальные службы, система стационарных учреждений, приютов, детских домов, интернатов, учреждения дополнительного образования и развития детей, специализированные центры психолого-медико-социального и педагогического сопровождения, консультационные и реабилитационные службы и т. д.» [3]. Социальная защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей регулируется законодательством на международном, федеральном, и на региональном уровнях.

К международному законодательству в упомянутой сфере причисляются документы международных организаций, а именно ООН, ЮНИСЕФ, ВОЗ, более того, к указанной группе законодательства относятся соглашения между государствами, различные программы по охране и защите материнства и детства. Дети — это объект, требующий особой защиты, подмеченное высказывание закреплено во Всеобщей декларации прав человека принятой ООН в 1948 году, в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, в Международном пакте о гражданских и политических правах, в документах специализированных учреждений ООН и международных организаций, которые регулируют вопросы охраны и защиты детей. Большую значимость в регулировании защиты прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей имеет Конвенция ООН «О правах ребенка» принятая в 1989 году. В частности, в ст. 3 Конвенции отмечено, что во всех действиях, осуществляемых в отношении детей, независимо от того, предпринимаются ли они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, в первую очередь уделяется внимание наилучшему обеспечению интересов ребенка.

На основе вышеупомянутых законодательных актов, были сформулированы основные приоритеты, принципы и нормы общегосударственной политики в части детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Опять же на основании вышеуказанных документов сформулированы нормы, регулирующие сферу ответственности государства и общества, были указаны основные права детей, указанной категории, актуализированные к современным условиям жизни. Помимо этого, социальную защиту детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей регулирует законодательство на Федеральном уровне, а именно Конституция РФ, ФЗ «О дополнительных гаран-

тиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Семейный кодекс РФ, различные федеральные программы, указы Президента и др.

На региональном уровне социальная защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей регулируется региональным законодательством, опирающимся и не противоречащим федеральному законодательству, углубленно регламентирующим цели, принципы, приоритеты социальной защиты для конкретного региона, с учетом, имеющейся жизненной обстановки. В настоящее время в Российской Федерации остро стоит проблема формального закрепления норм, регулирующих вопросы

социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, регулирующие права и обязанности субъектов, осуществляющих эту защиту. Особое внимание необходимо уделить практической реализации указанных норм, функционированию правовых механизмов, которые позволили бы более эффективно детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей реализовывать предоставленные государством права, гарантии и льготы. Более того, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, для поддержания физического и психологического здоровья, нормальных условий жизни, необходима правовая и социальная защита со стороны государства.

Литература:

1. Константинова, Н. Н. Социальная защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей как фактор роста величины человеческого капитала // Вестник торгово-технологического института. 2011. № 1 (4). с. 216.
2. Кудрявцев, А. А. Социально-правовая защита детей-сирот в современной России/Вестник Алтайского государственного педагогического университета. № 17. 2013. с. 97-98.
3. Орлова, К. Ю. Содержание и сущность деятельности по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Журнал личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация № 1. 2013. с. 154-155.
4. Бозиев, Т. О., Кривошеева М. А. Анализ законодательной базы по правам детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Журнал правовых и экономических исследований, 2012, № 3.
5. Федеральный закон от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»// СПС «Консультант Плюс».
6. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015)// СПС «Консультант Плюс».
7. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989)// СПС «Консультант Плюс».

Попытка правовой идентификации Суда Евразийского экономического союза

Кири́н Алексе́й Алексе́ндрович, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Для международного и интеграционного права знаменателен 2000 год, когда лидерами пяти стран был подписан Договор о создании Евразийского экономического сообщества. Этот масштабный интеграционный проект должен был способствовать сближению стран, развитию взаимовыгодных экономических отношений между ними. ЕврАзЭС стал надёжной платформой для будущего Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России, который был окончательно сформирован в 2011 году. Тогда же были заложены идейные, политические и правовые основы Евразийского экономического союза, создание которого отделял качественный переход от просто безбарьерной торговли к Единому экономическому пространству в 2012 году. И в настоящее время ТС и ЕЭП функционируют в рамках новой организации — ЕАЭС, глобальная цель которой — образование объеди-

нённой экономики. Достижение этой и других целей возможно тогда, когда органы, входящие в структуру ЕАЭС, осуществляют предусмотренные их компетенцией полномочия слаженно и эффективно. На национальном уровне эффективность деятельности государственного аппарата обеспечивается посредством реализации принципа разделения властей и производной от него системы «сдержек и противовесов». Устройство ЕАЭС с определённой долей условности укладывается в рамки принципа разделения властей. Однако в сравнении с ЕврАзЭС учредительными документами Союза не предусмотрен законодательный (парламентский) орган. Представляется, что проведённая при создании Договора о ЕАЭС кодификация исчерпывает потребности Союза в специализированном нормотворческом органе. Но этот вывод не учитывает перспективы дальнейшей интеграции. Так, не исключено создание на

базе ЕАЭС валютного союза, что невозможно без соответствующего правового регулирования. Коль скоро ни один из действующих институтов ЕАЭС не призван осуществлять полномочия, традиционно составляющие содержание законодательной власти, формирование органа, подобного ранее функционировавшей Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС, видится необходимым. Вместе с тем немаловажно заметить, что, какие бы структурные изменения в ЕврАзЭС — ЕАЭС, в других интеграционных организациях ни происходили, они никогда не связаны с упразднением судебного (в некоторых организациях — квазисудебного) органа. Это объясняется его особой ролью в системе наднациональных органов. Попробуем выяснить, в чём эта роль состоит.

Динамика интеграционного процесса проявляется в движении к всё более прогрессивным уровням интеграции, что обусловлено увеличением числа сфер взаимодействия государств — субъектов интеграции. Постановка новых целей и задач подкрепляется подписанием новых договоров (соглашений), в развитие которых принимаются правовые акты органов интеграционного объединения. И чем выше уровень интеграции, тем большее количество актов регулируют складывающиеся общественные отношения. Реалии таковы, что отдельные области отношений могут подпадать одновременно под действие универсальных, региональных международных правовых норм и норм нижестоящих актов. На практике такое усложнённое многоуровневое правовое регулирование нередко приводит к коллизиям правовых норм, что порождает юридические споры. Их рассмотрение и разрешение составляет компетенцию суда (органа по разрешению споров) интеграционного объединения. И от того, насколько эффективен суд (орган по разрешению споров), зависит достижение поставленных перед объединением целей и задач, а значит, его авторитет в международном сообществе. Таким образом, создание Суда ЕАЭС в качестве независимого органа рассматривается как важнейшая гарантия осуществления целей Союза.

Вопрос о правовом статусе Суда ЕАЭС в доктрине является дискуссионным в связи с тем, что разные исследователи по-разному подходят к определению правового статуса самого ЕАЭС. Одни исследователи полагают, что Евразийский экономический союз — пример традиционного межгосударственного сотрудничества. Ими подвергается сомнению критерий — передача государствами их суверенной компетенции органам объединения — на основе которого другие учёные выделяют так называемые наднациональные организации особого типа. К ним они и относят ЕАЭС. Оппоненты указывают, что передача части суверенитета имеет место и при создании межгосударственных организаций. И раз отсутствуют специальные признаки, говорить об особых наднациональных организациях преждевременно. Соответственно, органы ЕАЭС, в частности Суд ЕАЭС, — это не самостоятельные наднациональные органы, а органы международной межгосударственной организации, которые осуществляют

лишь определённые наднациональные функции. Наряду с этим подчёркивается, что учреждение отдельных наднациональных органов приведёт к формированию публичной власти, которая распространится на территории государств — членов Союза, а это прямо противоречит их конституциям [1].

Действительно, наднациональные органы, будучи публичными властными структурами, проводят свою волю в государствах — членах Союза. Однако, как указывают приверженцы альтернативной позиции, в основе наднационализма лежат, во-первых, свободное волеизъявление государств на передачу суверенной функции международному институту, а во-вторых, объективная необходимость такой передачи в целях интеграции хозяйственной жизни [2]. Кроме того, отмечается, что наднациональные органы должны действовать на основе консенсуса, с учётом интересов каждой страны — участницы [3]. Наконец, передаётся наднациональным органам не суверенитет, а некоторые суверенные полномочия. И, таким образом, речь идёт не об отступлении от принципа государственного суверенитета, а о перемене формы его реализации — не только через национальные, но и через наднациональные институты [4]. Эта точка зрения представляется более убедительной. Она соответствует доктринальным воззрениям учёных о европейской интеграции, по пути которой идёт интеграция в Евразии. Таким образом, корректнее определять правовой статус органов Союза как наднациональных органов, в системе которых Суд занимает особое место.

Если ВЕЭС, Межправительственный совет и ЕЭК квалифицируются исследователями в качестве политических институтов, то Суд выступает как специализированный институт неполитического характера. Суд не связан ни мнением государств — членов, ни позицией других органов Союза, ни политической ситуацией. При принятии решений он руководствуется исключительно правовыми мотивами. Этим объясняется неравный правовой статус у Суда — с одной стороны и у остальных органов — с другой. Для обеспечения верховенства права ЕАЭС, а значит, непоколебимости идеи создания объединённой экономики, ценностей, лежащих в основе евразийской интеграции Суд должен одновременно быть и «над» государствами — членами, распространяя на них свою власть, и «над» другими органами ЕАЭС, удерживая их в русле интеграции. Таким образом, статус Суда ЕАЭС должен быть более весом, чем статус других органов Союза [5]. Данный тезис подтверждается п. 2 Статута Суда ЕАЭС, согласно которому Суд имеет своей целью обеспечение единообразного применения договорных норм и правил не только государствами — членами, но и органами ЕАЭС. Суд следит за соответствием праву ЕАЭС принимаемых правовых актов. Не является ли Суд ЕАЭС в таком случае наднациональным «конституционным» судом?

По этому вопросу в литературе также нет единодушия. Одни исследователи исходят из целей, стоящих перед Судом и его компетенции и называют Суд квазиконсти-

туционным [6]. Л.П. Ануфриева стоит на обратной позиции и подчёркивает, что особая межгосударственная природа международных судебных учреждений не позволяет выстроить их деятельность по образцу национальных судов [7]. Следовательно, и проведение параллелей между наднациональными судами и национальными конституционными судами некорректно. Последняя позиция имеет под собой и формально-юридические основания. Так, Суд ЕАЭС рассматривает не только заявления о соответствии учредительным документам решений, принимаемых органами ЕАЭС, что сближает его с конституционными судами, но и об оспаривании действий (бездействия) органов ЕАЭС. Кроме того, Суд ЕАЭС рассматривает споры между государствами — членами в случае нарушения взятых ими на себя договорных обязательств. Подобной компетенцией не наделён ни один национальный конституционный суд.

Последний аспект, позволяющий идентифицировать Суд ЕАЭС в системе наднациональных органов, — это его функции. Первая — юрисдикционная. Она связана с разрешением правовых споров, а также других юридических вопросов, возникающих в процессе применения права ЕАЭС. Инициатором дел выступают как суверенные акторы (государства — члены), так и частные лица — хозяйствующие субъекты. При рассмотрении дел Суд руководствуется принципами, указанными в п. 53 и 69 Статута Суда ЕАЭС. Вторая функция — интерпретационная. Её непосредственная связь с юрисдикционной функцией объясняется тем, что разрешение поставленных перед Судом вопросов сопровождается вынесением решений, в которых Суд даёт толкование источникам права ЕАЭС.

В научной литературе предлагаются и иные подходы к определению функций судов наднациональных интеграционных объединений. В частности, применительно к Суду ЕврАзЭС профессор Нешатаева выделяет правоохранительную, правозащитную и правотворческую функции [2]. При этом первые две имеют в своём содержании и юрисдикционную, и интерпретационную составляющие. И эти функции усматриваются в деятельности нового Евразийского Суда.

Правоохранительная функция Суда ЕАЭС состоит в охране принципов рыночной экономики, на которых строится евразийская интеграция. Главным из них является принцип поддержания добросовестной конкуренции, при котором участники внешнеторгового оборота отказываются от нечестных методов ведения торговли (например, демпинг, субсидированный экспорт). Реализация данной функции возможна в двух направлениях. Первое — принятие Судом консультативных заключений в ответ на об-

ращение ЕЭК, например, о соответствии праву ЕАЭС проекта решения Комиссии о введении ответных мер. Второе — разрешение Судом конкретных дел, касающихся применения антидемпинговых, компенсационных, специальных защитных мер. При этом, как следует из Договора о функционировании ТС в рамках многосторонней торговой системы, Суд обязан руководствоваться правилами, принципами и стандартами, установленными ВТО. Примерами, иллюстрирующими правоохранительную функцию, служат рассмотренные Судом ЕврАзЭС дела ПАО «НКМЗ» против КТС и Graphite India Limited и HEG Limited против ЕЭК¹.

Итак, правоохранительная функция обусловлена определённой категорией споров. Правозащитная же функция таким утилитарным критерием не связана. Она заключается в защите нарушенных прав и законных интересов хозяйствующих субъектов. В том числе зарубежных. Возможность зарубежных предпринимателей, чьи права и законные интересы затронуты решениями (действиями, бездействием) органов ЕАЭС, вытекает из Договора о функционировании ТС в рамках многосторонней торговой системы. В области защиты своих прав и интересов зарубежные контрагенты находятся в более выгодном положении, нежели хозяйствующие субъекты ЕАЭС. Общее правило таково, что, например, в ситуации незаконно введённых в отношении постановляемого из России товара антидемпинговых мер российский предприниматель не сможет оспорить соответствующий административный акт ни в национальном суде государства, в котором зарегистрирован иностранный контрагент, ни в судебном органе интеграционного объединения (скажем, таможенного союза), если это государство является членом такового. В этой ситуации хозяйствующий субъект может лишь направить ходатайство уполномоченному государственному органу с просьбой инициировать спор в ОРС ВТО, поскольку споры в рамках ВТО имеют межгосударственный характер, что исключает возможность обращения в ОРС ВТО частных лиц. Вовсе не обязательно, что это ходатайство будет удовлетворено, особенно если хозяйствующий субъект является предпринимателем малого или среднего бизнеса. При таком раскладе нарушенное право (законный интерес) останется нарушенным, а убытки неминуемыми. В то же самое время иностранный партнёр, обладая выбором, несомненно, обратится в Суд ЕАЭС, где его заявление гарантированно рассмотрят, и в случае несоответствия оспоренного решения договорам заявленные требования будут удовлетворены.

Разрешение судами конкретных споров сопряжено с толкованием договорных норм и норм вторичного права.

¹ В Суд ЕврАзЭС обратилось украинское общество «НКМЗ», импортирующее в Россию стальные кованные прокатные валки по более низкой цене, чем аналогичный российский производитель. Ответом России стало принятие антидемпинговых мер. Решением ЕЭК введённая Россией антидемпинговая пошлина была установлена на уровне всего ТС. Это решение, по мнению заявителя, не соответствовало соглашениям ВТО. Суд констатировал, что, поскольку решения уполномоченных на введение антидемпинговых мер органов (Министерство промышленности и торговли РФ, ЕЭК) были приняты до присоединения России к ВТО, к ним не применяются соответствующие соглашения ВТО. В любом случае, Суд не усмотрел противоречий между соглашениями ТС и правом ВТО ни в части условий принятия решения ЕЭК, ни в части проведения антидемпингового расследования Россией. К аналогичным выводам Суд ЕврАзЭС пришёл и в деле по заявлению Graphite India Limited и HEG Limited.

Как правило, акт толкования приводит к продуцированию новых норм, изменению или отмене действующих. Речь о судебном правотворчестве. И здесь показательным примером является резонансное Постановление Большой Коллегии Суда ЕврАзЭС от 8 апреля 2013 года, которое в литературе назвали «первым на постсоветском пространстве случаем судейского активизма» [8]. Причиной издания Постановления послужила медлительность ЕЭК в исполнении Решения Суда от 5 сентября 2012 года. Недовольный проявленным неуважением Суд встал на категоричную позицию, неосторожно выдавая ультимативные предписания. Не заставила себя ждать негативная реакция со стороны государств — членов и ЕЭК, недовольных бес-

компромиссностью Суда, недостаточной аргументированностью его выводов. В связи с указанным Постановлением интересно сравнение двух Статутов. Так, не в пользу судей изменился порядок формирования Суда. Регламент Суда отныне утверждается не самим Судом, а ВЕЭС, то есть, по сути, государствами. Произошёл отказ и от не востребовавшего в ЕврАзЭС института преюдициальных запросов. А правотворчество Суда ЕАЭС по неким соображениям прямо исключили п. 102 Статута Суда ЕАЭС. Представляется, что установленный запрет нельзя назвать абсолютным, и в практике Суда ЕАЭС, которой ещё только предстоит сформироваться, будут акты правотворчества, ведь толкование договоров без него зачастую невозможно.

Литература:

1. Алимбеков, М. Т. Суд ЕврАзЭС как платформа всесторонней интеграции // URL: <http://www.sudevrazes.org>.
2. Нешатаева, Т. Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм // Закон. — М.: Закон, 2014, № 6. — с. 106-119
3. Назарбаев, Н. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. — 2011. — 25 октября.
4. Кашкин, С. Ю., Четвериков А. О. Основы интеграционного права. М.: Проспект, 2015. — 224.
5. Смбалян, А. С. Перспективы Суда ЕврАзЭС в системе органов международного правосудия // Международное право и международные организации. 2013. URL: courteurasian.org/sm.aspx?guid=9703
6. Шинкарецкая, Г. Г. Суд Евразийского экономического сообщества и Таможенного союза
7. Ануфриева, Л. П. Международное правосудие: региональные судебные учреждения в евразийской интеграции
8. Исполинов, А. Решение Большой Коллегии Суда ЕврАзЭС по делу Южного Кузбасса: насколько обоснован судейский активизм? // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 5. — с. 19-26.

Концепция соотношения гражданского и коммерческого процесса А. А. Книрима

Кунейко Алексей Николаевич, аспирант
Кубанский государственный университет

Статья посвящена анализу взглядов одного из активных разработчиков судебной реформы, видного цивилиста А. А. Книрима, внесшего значительный вклад в развитие науки торгового права, на торговое процессуальное право и его соотношение с общим гражданским процессом.

Ключевые слова: наука торгового права, история науки торгового права, коммерческое судопроизводство, коммерческое судопроизводство.

В истории становления науки торгового права значительный след оставил Александр Александрович Книрим (1837—1904), который участвовал в разработке судебной реформы, был председателем С.-Петербургского коммерческого суда, возглавлял комиссию по разработке проекта гражданского уложения, а также занимал другие ключевые должности, связанные с судопроизводством. Следует отметить, что он оставил значительный след в развитии науки торгового и гражданского права, как в части политики торгового права, так и ее догматики. Однако его научные публикации по вопросам торгового права и процесса никак не отражают глубины его научной мысли в связи с тем, что основные работы были связаны с законопроектными работами. Одной из его концептуальных, но

мало известных научных работ по торговому процессуальному праву является «Проект правил о торговых судах и торговом судопроизводстве», состоящий из 58 статей, написанный в качестве контрпредложений Комиссии для окончания работ по преобразованию судебной части 11 января 1865 года под председательством В. П. Буткова.

Критикуя вывод Комиссии В. П. Буткова о необходимости упразднения коммерческих судов, А. А. Книрим теоретически обосновал свой проект новации коммерческого судопроизводства и судопроизводства. Концепция соотношения коммерческого и общегражданского судопроизводства и процессуального права строилась на признании специального характера коммерческого судопроизводства, которое встраивалось в общую систему юстиции. Проект

состоял из трех глав, которые проектировались как дополнение к основным документам судебной реформы — Учреждению судебных установлений и Уставу гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 года. Первая глава «Учреждение торговых судов» (ст. 1-26) непосредственно регулировала вопросы судостройства, вторая глава «О подсудности торговых судов» теоретически разграничивала подсудность общих и коммерческих судов, третья глава «О торговом судопроизводстве» концептуально разрешала спорные вопросы процесса [1, с. 275-280].

По мнению А. А. Книрима, следовало отказаться от термина коммерческий суд и остановиться на русском термине торговые суды. Предлагалось сохранить торговые суды только в крупных торговых центрах, где, как правило, имелись биржи и возбуждалось достаточно большое количество торговых дел. Встраивая торговые суды в общую систему юстиции, А. А. Книрим определял их территориальную подсудность округом окружного суда. Это было узким местом его построений, так как возникал вопрос о том, зачем же создавать орган, дублирующий окружной суд.

Состав суда проектировался смешанным, состоящим из коронных судей и торговых судей. Первые назначались от правительства, к ним должен был применяться общегражданский образовательный и возрастной ценз на занятие судебных должностей. Торговые судьи формировались бы на основе системы выборности на основе представительства от купечества двух гильдий, существовавших на тот момент. Это требование сразу же ставило вопрос о сословном составе торговых судов, так как в торговые судьи планировалось допускать только лиц, осуществляющих торговую деятельность по свидетельству первой гильдии на момент избрания.

Из практических соображений проектировался институт кандидатов в торговые судьи, вводилось ограничение на оставление службы торговыми судьями. Исполнение обязанностей торговыми судьями проектировалось безвозмездное на весь четырехлетний срок службы.

А. А. Книрим исходил из признания преимуществ коллегияльного рассмотрения торговых дел, поэтому состав присутствия должен был включать председательствующего коронного судью и двух торговых судей.

Одним из принципиальных вопросов, удовлетворительно теоретически не разрешенных до настоящего времени, является вопрос об определении подсудности торговых судов. Говоря о настоящем времени, мы имеем ввиду современный арбитражный процесс, в котором за основу принято понятие «экономического спора» [2]. Но само оно настолько расплывчатое, что требует уточнения через предпринимательскую деятельность, а также детализации путем перечисления конкретных видов дел. В таком же затруднительном положении был А. А. Книрим, так как подсудность дел коммерческим судам определялась через характер «торговой сделки». Поэтому он пошел по более легкому с точки зрения теории и практически обоснованному пути — пути перечисления отдельных категорий дел.

К подсудности торговых судов А. А. Книрим относил все дела «торгового свойства» на сумму, превышающую 500 руб.

Он настаивал на сохранении территориальной подсудности торговых судов по месту нахождения имущества и временного пребывания истца, так как именно эти положения способствовали ускорению процесса.

Исходя из общих представлений процессуального права о том, что коронные судьи рассматривают вопросы права, а присяжные — вопросы факта, А. А. Книрим несколько сузил компетенцию торговых судей. Только коронные судьи-юристы, по его мнению, могли составлять решения, определения, торговым судьям по существу оставались только совещательные права и дача заключений специалиста, которые, однако, не рассматривались в качестве доказательства.

«Словесная расправа» в коммерческих судах рассматривалась А. А. Книримом как устаревшая, но обычный порядок гражданского судопроизводства представлялся ему более заформализованным и медленным, чем требовалось в торговых судах. Поэтому он предложил остановиться на компромиссном варианте использования в торговом судопроизводстве сокращенного порядка, который был закреплен в УГС для мировых судов. Отметим, что указанный сокращенный порядок представлял собой усовершенствованную «словесную расправу», поэтому компромисс здесь был достаточно условный. Однако и в этой сокращенной процедуре предлагались вкрапления коммерческого процесса, которые уже оправдали себя в коммерческих судах. Сюда следует отнести сокращенные сроки назначения процесса, явки ответчика в суд, вплоть до дня вручения повестки. А. А. Книрим предложил отказаться от первого заседания, в котором по сокращенному процессу стороны являлись для дачи объяснений. В его концепции первое же заседание посвящалось рассмотрению дела по существу.

В концепции А. А. Книрима явно проявлялась научная школа коммерческого судопроизводства. Так, несмотря на то, что сокращенный порядок судопроизводства проектировался основным, в случае сложности дел допускались элементы более сложной письменной процедуры. Например, известное из УСТ предоставление письменных объяснений сторон. И. В. Архипов оценивает это положение ст. 41 проекта А. А. Книрима как влияние общего порядка гражданского судопроизводства по УГС [3, с. 120], однако предоставление письменных объяснений предусматривалось и до судебной реформы в общем гражданском процессе и в коммерческом процессе. Таким образом, указанное положение никак не может быть отнесено к влиянию УГС. Не может быть оно отнесено и к влиянию общего дореформенного судопроизводства, так как в нем не было альтернативы письменным объяснениям сторон. И только в коммерческом процессе письменная процедура предусматривалась как альтернатива основной «словесной расправе». Именно поэтому представляется, что данное положение как раз и свидетель-

ствуется о подходе, характерном для коммерциалистов, воспитанных на УСТ, то есть учет всех возможных вариантов сложности дела и выбора в зависимости от этого подходающей процедуры — устной или письменной. Справедливости ради следует отметить, что обмен письменными объяснениями, конечно же, оставался лишь фрагментом, несколько тормозящим общий сокращенный порядок судопроизводства, и не представлял собой полной письменной процедуры.

В то же время концепция А. А. Книрима, как совершенно правильно отмечает И. В. Архипов, допускала и использование общего порядка гражданского судопроизводства по некоторым категориям дел, например, по спорам об исполнении денежных обязательств с использованием чеков и иных банковских расчетных инструментов.

Важным моментом в концепции А. А. Книрима был наметившийся отказ от чистой состязательности процесса. Осознание недостатков УГС в этой части в науке гражданского процессуального права произойдет несколько позднее. А коммерциалистам «чистая» состязательность уже тогда не представлялась высшей ценностью процесса.

В связи с этим А. А. Книрим осторожно наделял торговый суд некоторыми полномочиями, направленными на достижение процессуальной истины по делу. Среди них можно отметить наделение суда правом потребовать явки самих сторон, а в случае неявки одной из сторон предлагалось наделить суд правом отобрания объяснений не явив-

шейся стороны за пределами суда, но в присутствии другой стороны по делу.

Предлагалось также сохранить за судом прерогативу определения размера убытков по собственному усмотрению на основании объективных данных, а не по заявленному сторонами размеру.

Достаточно детально в концепции А. А. Книрима прописывались нормы, уже отработанные в коммерческом процессе, об особых средствах доказывания, об использовании прецедента и обычаев для разрешения дел.

В целом концепция предусматривала достаточно большую свободу усмотрения торгового суда, который мог основывать решения вплоть до «собственного знания»!

Значение проекта А. А. Книрима для науки торгового права заключается в том, что он впервые на серьезном научном уровне комплексно поставил вопрос о модернизации торгового судостроительства и судопроизводства в противовес официальным попыткам необоснованной дискредитации коммерческого процесса.

Интересна рассматриваемая концепция и тем, что А. А. Книрим обладал наибольшим весом в политической элите того периода времени как член Комиссии В. П. Бутова. В дальнейшем же его проект был использован как отправная точка для следующего этапа борьбы за самостоятельность коммерческих судов и торгового процесса. Наконец, сама концепция А. А. Книрима основывалась на обобщении массы взглядов и мнений, поступивших в качестве отзывов на предложения Комиссии В. П. Бутова.

Литература:

1. РГИА., — Ф. 1405. — Оп. 70, 1872 г. — Ед. хр. 5721. — Л. 275-280.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012; — 2015. — № 27. — Ст. 3986.
3. Архипов, И. В. Коммерческое судостроительство и судопроизводство России в XIX веке: Проблемы модернизации/И. В. Архипов. — Науч. изд. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1999.

Районный суд

Лоншаков Андрей Валерьевич, студент

Научный руководитель: Древаль Людмила Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Российский государственный университет правосудия

Районный суд в настоящее время является наиболее востребованным органом судебной власти, поскольку к его компетенции отнесены и гражданские, и уголовные, и административные дела, которые он рассматривает в качестве суда первой и второй инстанции.

Районные суды в качестве суда первой инстанции рассматривают и разрешают гражданские дела, подведомственные судам, не отнесенные ГПК РФ к компетенции мировых судей, областного и приравненного к нему суда, а также Верховного суда РФ.

Аналогичная ситуация и с подсудностью уголовных дел районному суду. Районные суды в качестве суда первой инстанции рассматривают и разрешают уголовные дела, не отнесенные УПК РФ к компетенции мировых судей, областного и приравненного к нему суда, а также Верховного суда РФ (ч. 2 ст. 31 УПК РФ).

Подсудность дел об административных правонарушениях районному суду регулируется ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ.

Районный суд создается федеральным законом в судебном районе, территория которого охватывает терри-

торию одного района, города или иной соответствующей им административно-территориальной единицы субъекта РФ. Он может быть создан также в судебном районе, территория которого охватывает имеющие общие (смежные) границы территории нескольких районов или иных соответствующих им административно-территориальных единиц субъекта РФ.

Примером создания районного суда, территория которого охватывает один населенный пункт, может быть Федеральный закон от 29 июня 2010 г. N 129-ФЗ «О создании и упразднении некоторых районных (городских) судов Приморского края», упразднивший Уссурийский городской и Уссурийский районный суды. Относящиеся к их ведению вопросы осуществления правосудия переданы в юрисдикцию вновь созданного Уссурийского районного суда, деятельность которого осуществляется в Уссурийском городском округе.

Районные суды образуются в каждом районе, в городах могут быть также городские, межрайонные суды, созданные и действующие на правах районных судов. В сельских районах обычно создается один суд на район и город (районный центр).

Федеральным законом о создании районного суда должны быть разрешены вопросы: о наименовании создаваемых судов; о том, на какие существующие административно-территориальные образования распространяется юрисдикция районного суда.

Организационные мероприятия, связанные с исполнением федеральных законов о создании и об упразднении районных судов, осуществляются Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, финансируются за счет средств федерального бюджета. В связи со значительным объемом работы по организации деятельности районного суда, день начала деятельности районного суда устанавливает президент Верховного Суда РФ соответствующего субъекта РФ.

Длительное время в российской правовой практике районный суд воспринимался в качестве первого и основного звена судов общей юрисдикции, в который может обратиться любой гражданин или иной субъект за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав. Однако данное утверждение является правомочным лишь в отношении его полномочий в качестве суда первой инстанции, которые достаточно широки по отношению к иным органам данной ветви власти.

Основным видом деятельности районного суда выступает отправление правосудия в соответствии с требованиями, установленными действующим законодательными актами. В частности, он осуществляет рассмотрение дел в качестве суда первой и второй инстанции. Районный суд рассматривает все уголовные, гражданские и административные дела в качестве суда первой инстанции, за ис-

ключением дел, отнесенных федеральными законами к подсудности других судов. Деятельность в качестве суда второй инстанции предполагает пересмотр судебных актов в апелляционном и кассационном порядке. Однако, ч. 4 ст. 34 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в РФ» предусматривает, что районный суд рассматривает апелляционные жалобы, представления на решения мировых судей, действующих на территории соответствующего судебного района. Таким образом, закон констатирует ограниченность полномочий суда второй инстанции лишь возможностью обжалования не вступивших в законную силу судебных актов, принятых по существу спора мировыми судьями.

Несмотря на наличие ограничения полномочий в части пересмотра судебных решений, закон относит к компетенции районного суда и иные полномочия, которые прямо предусмотрены действующим законодательством. Действующее законодательство, например, предоставляет районному суду возможность обращаться в Конституционный суд РФ. Районный суд вправе обратиться на основании ч. 4 ст. 125 Конституции РФ в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле. Он в соответствии с федеральным законом рассматривает дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Представляется закономерно и целесообразным не ограничивать сферу деятельности районного суда исключительно возможностью обращения в Конституционный суд РФ, поскольку в его деятельности возникает потребность и необходимость направления соответствующего запроса и в конституционный (уставный) суд субъекта РФ при его наличии.

Существенное значение в положении районного суда в системе судов общей юрисдикции, является тот факт, что он является непосредственно вышестоящей судебной инстанцией в отношении мировых судей, т. е. именно их судебные акты могут быть обжалованы в апелляционном порядке в районный суд. Юрисдикция районного суда в данном случае имеет территориальные ограничения — районный суд вправе рассматривать заявления и жалобы, поданные на действия и решения мировых судей, осуществляющих деятельность в пределах соответствующего судебного района. Одновременно, районный суд является не только непосредственно вышестоящей, но также и непосредственно нижестоящей судебной инстанцией по отношению к суду соответствующего субъекта РФ, т. е. он одновременно может выступать в качестве органа власти, в который обжалуются действия и решения мировых судей, а также органа, решения и действия судей которого обжалуются в суд более высокого уровня — верховный суд республики, краевой (областной) суд, суд города федерального значения, суд автономной области или автономных округов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Российская газета. 1993. N 237.

2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. N 1. Ст. 1.
3. Арбитражный процесс: Учебник/Отв. ред. В. В. Ярков. М., 2010.
4. Баглай, М. В., Туманов В. А. Малая энциклопедия конституционного права. — М.: Бек, 1998 г.
5. Дмитриев, Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1899.
6. Жуйков, В. М. Теоретические и практические проблемы конституционного права на судебную защиту. Автореферат дисс.... докт. юрид. наук. М., 1997. с. 6.

Аппарат суда

Лоншаков Андрей Валерьевич, студент

Научный руководитель: Древаль Людмила Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Российский государственный университет правосудия

Работники аппарата суда являются государственными служащими, им присваиваются классные чины и другие специальные звания. В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» государственная гражданская служба Российской Федерации — вид государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов РФ, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ (включая нахождение в кадровом резерве и другие случаи). Государственная гражданская служба Российской Федерации подразделяется на федеральную государственную гражданскую службу и государственную гражданскую службу субъектов Российской Федерации.

Гражданский служащий — гражданин Российской Федерации, взявший на себя обязательства по прохождению гражданской службы. Гражданский служащий осуществляет профессиональную служебную деятельность на должности гражданской службы в соответствии с актом о назначении на должность и со служебным контрактом и получает денежное содержание за счет средств федерального бюджета или бюджета субъекта РФ.

В состав работников аппаратов федеральных судов общей юрисдикции не включаются персонал по охране и обслуживанию зданий, транспортного хозяйства. Данные работники не являются гражданскими служащими и выполняют трудовые обязанности на основании Трудового кодекса РФ.

Вопрос о структуре, численности работников и штатное расписание аппарата федерального суда общей юрисдикции решается председателем соответствующего суда

по согласованию с Судебным департаментом при Верховном Суде РФ.

Так, например, в соответствии с ФКЗ «О военных судах РФ» структура, численность работников и штатное расписание аппарата военного суда (за исключением аппарата Военной коллегии) определяются в пределах общей численности работников аппаратов федеральных судов общей юрисдикции и в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных в федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и плановый период, председателем соответствующего суда по согласованию с Судебным департаментом при Верховном Суде РФ. Численность работников аппарата Военной коллегии устанавливается в пределах численности работников аппарата Верховного Суда РФ федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период. Структура и штатное расписание аппарата Военной коллегии устанавливаются Президиумом Верховного Суда РФ.

Права и обязанности работников аппарата суда общей юрисдикции, являющихся федеральными государственными гражданскими служащими, определяются в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Гражданский служащий имеет права, влияющие как на его профессиональную деятельность по осуществлению государственной службы, так и на его социальный статус. Так, государственный служащий имеет право на обеспечение надлежащих организационно-технических условий, необходимых для исполнения должностных обязанностей; ознакомление с должностным регламентом и иными документами, определяющими его права и обязанности по замещаемой должности гражданской службы, критериями оценки эффективности исполнения должностных обязанностей, показателями результативности профессиональной служебной деятельности и условиями должностного роста; оплату труда и другие выплаты в соответствии с

нормативными правовыми актами Российской Федерации и со служебным контрактом; получение в установленном порядке информации и материалов, необходимых для исполнения должностных обязанностей, а также на внесение предложений о совершенствовании деятельности государственного органа; защиту сведений о гражданском служащем; должностной рост на конкурсной основе; профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку; рассмотрение индивидуальных служебных споров в соответствии с федеральным законом; отдых, обеспечиваемый установлением нормальной продолжительности служебного времени, предоставлением выходных дней и нерабочих праздничных дней, а также ежегодных оплачиваемых основного и дополнительных отпусков; доступ в установленном порядке в связи с исполнением должностных обязанностей в государственные органы, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации; членство в профессиональном союзе; проведение по его заявлению служебной проверки; защиту своих прав и законных интересов на гражданской службе, включая обжалование в суд их нарушения; медицинское страхование, а также государственную защиту своих жизни и здоровья, жизни и здоровья членов своей семьи, а также принадлежащего ему имущества и др.

Кроме того гражданский служащий обязан соблюдать Конституцию РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ и обеспечивать их исполнение; исполнять должностные обязанности в соответствии с должностным регламентом; исполнять поручения соответствующих руководителей, данные в пределах их полномочий, установленных законодательством Российской Федерации; соблюдать при ис-

полнении должностных обязанностей права и законные интересы граждан и организаций; соблюдать служебный распорядок государственного органа; поддерживать уровень квалификации, необходимый для надлежащего исполнения должностных обязанностей; не разглашать сведения, составляющие государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну, а также сведения, ставшие ему известными в связи с исполнением должностных обязанностей, в том числе сведения, касающиеся частной жизни и здоровья граждан или затрагивающие их честь и достоинство; беречь государственное имущество, в том числе предоставленное ему для исполнения должностных обязанностей; представлять в установленном порядке предусмотренные федеральным законом сведения о себе и членах своей семьи, а также сведения о полученных им доходах и принадлежащем ему на праве собственности имуществе, являющихся объектами налогообложения, об обязательствах имущественного характера; сообщать о выходе из гражданства Российской Федерации или о приобретении гражданства другого государства в день выхода из гражданства Российской Федерации или в день приобретения гражданства другого государства; соблюдать ограничения, выполнять обязательства и требования к служебному поведению, не нарушать запреты, которые установлены федеральными законами РФ; сообщать представителю нанимателя о личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая может привести к конфликту интересов, принимать меры по предотвращению такого конфликта и др.

Права и обязанности работников аппарата федерального суда общей юрисдикции, замещающих должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы, устанавливаются Трудовым кодексом РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Российская газета. 1993. N 237.
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. N 1. Ст. 1.
3. Арбитражный процесс: Учебник/Отв. ред. В. В. Ярков. М., 2010.
4. Баглай, М. В., Туманов В. А. Малая энциклопедия конституционного права. — М.: Бек, 1998 г.
5. Дмитриев, Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1899.
6. Жуйков, В. М. Теоретические и практические проблемы конституционного права на судебную защиту. Автореферат дисс.... докт. юрид. наук. М., 1997. с. 6.
7. Российское законодательство X-XX веков. Т. 8. Судебная реформа. — М.: Юрид. лит., 1991. с. 20.
8. Савицкий, В. М. Комментарий к статье 118/Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий/Под ред. акад. Б. Н. Топорнина. — М.: Юристь, 1997. с. 600.
9. Сыромятников, Б. И. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа/Под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. — М.: Книгоиздательство Объединение, 1915. с. 65.
10. Витрянский, В. В. Гражданский кодекс и суд // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1997. N 5;
11. Смыкалин, А. С. Формирование судебной системы в период абсолютизма // Российская юстиция. 2001. N 1.
12. Терехин, В. А. Модернизация судостроительства и судебных инстанций как приоритетное направление судебно-правовой политики // Российская юстиция. 2010. N 5. с. 37-41;

13. Филиппов, А. Н. Правительствующий сенат в царствование Петра Великого // История Правительствующего сената за двести лет. 1711-1911 гг. СПб., 1911.
14. Яковлев, В. Ф. Статус судьи есть статус власти // Государство и право. 2004. № 11. с. 5-9.

Контроль органов судебной власти в Российской Федерации

Маркова Александра Юрьевна, магистрант

Научный руководитель Дерюга А. Н., доктор юридических наук, доцент
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия

Судебная власть, как одна из трех ветвей органов власти, играет важную роль в любом правовом государстве, с помощью которой реализуется судебная защита прав и свобод человека и гражданина, законных интересов юридических лиц.

Судебная защита традиционно остается легитимным и наиболее приемлемым правовым способом принудительной реализации прав и свобод в правовом государстве. По сути это деятельность органов судебной власти по отправлению правосудия, осуществляемая в форме определенного вида судопроизводства.

Конституционный Суд РФ, суды общей юрисдикции и арбитражные суды в пределах своей компетенции решают задачи по обеспечению законности и правосудия.

Эффективность судебной власти определяется уровнем результативности, действенности и конструктивности всей судебной системы.

Действующим механизмом реализации судебной власти в целом, гарантией ее функционирования, а также существования прав и свобод граждан и организаций, инструментом принудительной реализации норм материального права являются отрасли процессуального права.

Соответствующим образом задействован механизм реализации и для того, чтобы судебная власть была самостоятельной и независимой от законодательной и исполнительной, она должна быть наделена реальными полномочиями и механизмами контроля над законностью деятельности органов законодательной и исполнительной власти, над соответствием принимаемых ими решений Конституции РФ [6].

Суды обязаны принимать решение в соответствии с законом, если, к примеру, при рассмотрении дела будет установлено несоответствие ему акта государственного или иного органа, это означает, что суд, принимая решение по существу, одновременно осуществляет контроль над содержанием подзаконных актов. Подзаконные нормативные акты (приказы, распоряжения, инструкции) принимаются на основе и во исполнение конкретных законов и должны им соответствовать.

Таким образом, при рассмотрении гражданского или уголовного дела является проверка соответствия закону актов, принятых государственным или иным органом. В

данном случае предусмотрена форма конкретного судебного контроля над содержанием подзаконного акта при рассмотрении конкретного дела, и это является неотъемлемой чертой правосудия.

Конституционный Суд РФ занимает центральное место в системе органов судебной власти и осуществляет высшую форму судебного контроля. Предметом его деятельности является проверка соответствия Конституции федеральных законов, нормативных актов высших органов государственной власти и управления России и субъектов РФ. Следовательно, создается гарантия соблюдения законности. Это тем более важно, что с расширением прав республик в составе Российской Федерации — ее субъектов и приравненных к ним краев, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов, они получили право иметь свое законодательство [4]. Проверка соответствия Конституции принимаемых ими законов означает судебный контроль в форме конституционного надзора.

Организационно-правовая форма осуществления конституционного правосудия представляет собой совокупность судебных органов (органа) конкретного государства, наделенных определенным объемом властных полномочий для защиты конституционных основ государства, и видов (вида) судопроизводств для их осуществления с присущими этим органам структурно-организационными и функциональными особенностями их строения и деятельности.

Понятие «организационно-правовая форма осуществления конституционного правосудия» выражает сущность такого обозначаемого правового явления как организация конституционного судебного контроля, рассматриваемого с различных ракурсов:

— во-первых, как организацию системы органов государственной власти и установление, посредством определения компетенции, правомочия государственных органов данного государства осуществлять правовыми средствами конституционный контроль в формализованной судебной процедуре;

— во-вторых, как установленное национальным законодательством организационное и функциональное устройство органа (органов) специализированного конституционного контроля.

Одной из проблем, связанных с обеспечением надлежащего контроля органов судебной власти в Российской Федерации является разобщенность и зачастую противоречивость судебной практики.

В этой связи можно предложить ряд дополнений, которые, являются необходимым звеном процесса их надлежащего исполнения.

Для обеспечения единства судебной практики в целях должного исполнения решений необходимо введение института постоянного (полномочного) представителя Верховного Суда РФ в Конституционном Суде РФ и выделение в качестве особого направления деятельности Конституционного Суда РФ его взаимодействие с Верховным Судом РФ по вопросам «учета» федеральными судами правовых позиций.

Как отмечает А. Н. Кокотов, механизм исполнения решений Суда «в его функциональной составляющей» подразумевает действия по непосредственному исполнению судебных решений и по обеспечению их надлежащего исполнения [3].

Механизм реализации такого взаимодействия должен включать:

- подготовленный Конституционным Судом РФ обзор изменений правового регулирования с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ и представление соответствующих материалов Пленуму Верховного Суда РФ для последующего обязательного доведения сведений до всех судов страны;

- организацию доступа судов других юрисдикций к базе данных «Правовые позиции Конституционного Суда РФ», созданной средствами современных информационных технологий для внутреннего пользования судьей и сотрудников аппарата Конституционного Суда;

- обобщение и анализ Верховным Судом РФ практики пересмотра решений судами общей и арбитражной юрисдикции, связанных с принятием Конституционным Судом постановлений, и представление соответствующих данных в Конституционный Суд РФ;

- организацию силами структурного подразделения Конституционного Суда РФ и аппарата Полномочного представителя Верховного Суда РФ в Конституционном Суде РФ проведения обязательных предварительных согласований и консультаций между Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ во время подготовки последним руководящих разъяснений и при формировании обзора судебной практики [2].

Нередко нарушения конституционных прав и свобод граждан происходят вследствие применения закона не в его конституционно-правовом смысле, выявленном Конституционным Судом РФ, то есть причина кроется в непонимании правовой позиции Суда.

Помимо итогового вывода о соответствии или несоответствии норм оспариваемого закона Конституции РФ позиция Конституционного Суда содержит систему аргументов, обосновывающих вывод. Позиции Конституционного Суда применимы не только к конкретному случаю, но

распространяют свое действие на аналогичные ситуации, «то есть обладают нормативным и прецедентным характером» [1].

Это такие правоположения, которые устанавливают конституционно-правовой смысл действующих правовых норм, они могут быть «правотворческими, правоконкретизирующими или интерпретационными» [5].

Следует отметить, что правовые позиции служат правовым основанием решений Конституционного Суда РФ и представляют собой «нормативно-доктринальные выводы, установки и оценки по вопросам права». Их уяснение уже является научно-познавательным процессом, требующим дополнительного времени и усилий, поэтому самостоятельный «учет» правовых позиций Конституционного Суда при отправлении правосудия судами общей и арбитражной юрисдикции (в условиях чрезмерной загруженности судов, особенно, общей юрисдикции) зачастую происходит с искажением смысла правовой позиции Конституционного Суда.

Во многом по этой причине введена норма, обязывающая учитывать позиции Конституционного Суда с момента вступления в силу соответствующих постановлений, поскольку задолго до введения указанной нормы практика судов в подавляющем большинстве признавала обязательность правовых позиций Конституционного Суда РФ.

В налаживании более тесного взаимодействия между Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ может быть в новой форме реализована ценность «американской» модели конституционного правосудия, позволяющей всем судам решать вопросы защиты основных прав и свобод граждан.

При выборе организационно-правовой формы осуществления конституционного правосудия в числе положительных моментов создания конституционной палаты или коллегии в составе Верховного Суда называлась унификация судебной практики.

Не меняя установленного Конституцией РФ способа конституционного судебного контроля, можно добиться большей согласованности действий судебной системы Российской Федерации в вопросе защиты фундаментальных прав и свобод граждан, сохранения и укрепления конституционной законности в обществе и государстве.

Введение института постоянного представителя Верховного Суда РФ в Конституционном Суде РФ и выделение в качестве самостоятельного направления «неюрисдикционной» деятельности Конституционного Суда РФ регулярных консультаций по вопросам учета его правовых позиций в правоприменительной практике может стать не только одним из способов обеспечения надлежащего исполнения решений Конституционного Суда, но и логическим продолжением развития взаимоотношений федеральных судов конституционной, общей и арбитражной юрисдикции.

Законом, увы, до сих пор не предусмотрено каких-либо форм контроля за исполнением судебного решения, что

является существенным пробелом. Не определен и орган, который должен осуществлять такой контроль.

Не установлено никакой ответственности за неисполнение такого судебного решения либо возможности, например, денежной компенсации заявителям, пострадавшим от неэффективного расследования. Из всех решений об удовлетворении жалобы почти в 90 % случаев сведений об их исполнении от органов предварительного расследования и прокурора в суды вообще не поступило. Поэтому в большинстве судов контроль за исполнением решений, принятых в порядке ст. 125 УПК РФ, фактически вовсе не осуществляется.

Несмотря на такой правовой вакуум, суды иногда по своей инициативе используют несколько форм контроля за исполнением подобных решений. Некоторые суды в сопроводительном письме о направлении должностному лицу вступившего в законную силу судебного решения предлагают уведомить суд о его исполнении.

Однако должностные лица органов, осуществляющих уголовное преследование, крайне редко сообщают суду о принятом решении.

В отдельных судах контроль за исполнением таких решений осуществляется посредством направления последующих запросов соответствующим должностным лицам с требованием представить необходимую информацию. Имеются случаи многократных запросов и напоминаний о необходимости исполнения судебных решений.

Таким образом, отсутствие контроля за исполнением судебных решений, включающего обязанность представления информации об исполнении судебного решения,

принятого в порядке ст. 125 УПК РФ, является существенным пробелом, который сказывается на эффективности указанной нормы.

В целях совершенствования работы по контролю за исполнением судебных актов, осуществляемому органами судебной власти, можно предложить:

усилить контроль за соблюдением сроков направления исполнительных документов в подразделения Управления Федеральной службы судебных приставов;

проводить ежеквартальные сверки выданных, принятых на исполнение и исполненных исполнительных документов между подразделениями службы судебных приставов и судами и судебными участками, направлять письменные запросы об исполнении выданных исполнительных документов,

возложить на конкретного работника (работников) аппарата каждого суда и судебного участка соответствующие обязанности по взаимодействию с должностными лицами службы судебных приставов в рамках осуществления судебного контроля исполнения судебных актов,

обратить внимание судей на необходимость более активного реагирования частными постановлениями (определениями) на нарушения судебных приставов в связи с неисполнением судебных постановлений.

В заключение следует отметить, что контроль органов судебной власти имеет существенное значение в реализации законности в правовом государстве, выработке единства подходов правоприменительной практики, устранению недостатков работы судебной деятельности и органов исполнительной власти.

Литература:

1. Анишина, В. И. Функции судов как самостоятельной ветви государственной власти в Российской Федерации // Российский судья. М.: Юрист. — 2015. — № 10.
2. Аносова, Л. С. Конституционный принцип гласности судопроизводства: правовое регулирование и практика реализации: автореф. дис....канд. юрид. наук: 12.00.02/Аносова Лидия Сергеевна. — М., 2012. — 23 с.
3. Кокотов, А. Н. Исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 5.
4. Соколов, Т. В. Формы взаимодействия конституционного и уголовного судопроизводства в контексте доктрины судебного права: автореф. дис....канд. юрид. наук: 12.00.02; 12.00.09/Соколов Тимур Викторович. — Санкт-Петербург, 2014. — 30 с.
5. Стребкова, Е. Г. Принципы транспарентности судебной власти: конституционно-правовые вопросы: автореф. дис....канд. юрид. наук: 12.00.02/Стребкова Елена Геннадьевна. — Саратов, 2012. — 22 с.
6. Шугрина, Е. С. Гарантии права на осуществление местного самоуправления: автореф. дис....док. юрид. наук: 12.00.02/Шугрина Екатерина Сергеевна. — М., 2011. — 57 с.

К вопросу о восполнении пробелов законодательства о валютном регулировании и валютном контроле

Масленникова Людмила Владимировна, кандидат юридических наук, доцент;
Лесных Любовь Сергеевна, магистрант
Кубанский государственный аграрный университет

В данной статье рассматриваются вопросы, касающиеся осуществления валютного регулирования и валютного контроля, анализируются основные положения валютного законодательства с целью внесения предложений о восполнении пробелов в правовом регулировании. Авторами обосновывается необходимость внесения в базовый акт законодательства Российской Федерации, которым является Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», понятие валютного регулирования и понятие валютного контроля, которые необходимы для понимания субъектами права задач и целей осуществления валютной политики и компетенции государственных органов, деятельность которых направлена на ее реализацию. Для полноты исследования изучены различные научные взгляды, авторы которых не поддерживают позицию включения дефиниций в нормативно правовые акты с целью устранения их утяжеления. Также выявлены проблемы неправильного понимания гражданами компетенции органов и агентов валютного контроля, что приводит к оспариванию в судебном порядке даже правомерных действий должностных лиц, что излишне нагружает судебную систему. В связи с изложенным, авторы считают необходимым закрепление понятий валютного регулирования и валютного контроля в соответствующем федеральном законе.

Ключевые слова: валютное законодательство, валютное регулирование, валютный контроль, органы валютного контроля.

Основными нормативными актами, регулирующими валютные отношения являются такие как: Конституция Российской Федерации [1], в которой закреплены положения о том, что в ведении Российской Федерации находятся: установление правовых основ единого рынка; финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики; федеральные экономические службы, включая федеральные банки (ст. 71 Конституции Российской Федерации), что денежной единицей в Российской Федерации является рубль (ст. 75 Конституции Российской Федерации), что рассмотрению в Совете Федерации подлежат принятые Государственной Думой федеральные законы по вопросам валютного регулирования (ст. 106 Конституции Российской Федерации); Гражданский кодекс Российской Федерации [2], в котором определено, что рубль является законным платежным средством (ст. 140 Гражданского кодекса Российской Федерации); Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [3] (далее — КоАП РФ), в котором закреплено положение, предусматривающее ответственность за нарушение валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования (ст. 15.25 КоАП РФ), и дается понятие органов валютного контроля (ст. 23.60. КоАП РФ); Федеральный закон Российской Федерации от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [4], вступивший в силу 18 июня 2004 г. (далее — Закон о валютном регулировании), который является базовым актом валютного законодательства.

Несмотря на комплексное урегулирование валютных отношений, ни в одном из перечисленных выше актов не дано понятия валютного регулирования и валютного контроля.

Для выявления вышеуказанных пробелов регулирования валютных отношений предлагается более подробно исследовать Закон о валютном регулировании.

В преамбуле Закона о валютном регулировании предусмотрены его цели, которыми являются осуществление реализации единой государственной валютной политики, а также достижение устойчивости валюты Российской Федерации и стабильности внутреннего валютного рынка России, как факторов прогрессивного развития национальной экономики и международного экономического сотрудничества, регулирование валютных правоотношений в целом.

В связи с тем, что основным законом, регулирующим валютные правоотношения, является Закон о валютном регулировании, считаем целесообразным уделить особое внимание проблеме отсутствия в вышеуказанном акте основных понятий, таких как понятие валютного регулирования и понятие валютного контроля.

Необходимо при рассмотрении вопросов регулирования валютных отношений отметить, что отдельные авторы считают возможным отсутствие в законодательстве каких-либо терминов и дефиниций, называя их оценочными понятиями.

Так, Богданович С. П. считает, что оценочные понятия играют важную роль в правовом регулировании гражданских правоотношений, реализации норм права в жизни

людей, они придают гражданско-правовой форме эластичность, стабильность правового регулирования гражданских отношений; вместе с тем оперирование оценочными понятиями представляет определенную сложность для правоприменительной практики, что является оправданным, так как заменить оценочные понятия формально-определенными в большинстве случаев невозможно, а в ряде случаев это нецелесообразно [5].

На наш взгляд, к оценочным понятиям невозможно отнести понятие валютного регулирования и понятие валютного контроля, так как отсутствие четких определений предмета правоотношений валютного регулирования и валютного контроля влечет пробелы в законодательстве и в результате порождает разногласия в правоприменительной практике, что требует заполнения вышеуказанных пробелов в законе соответствующими понятиями.

Закон о валютном регулировании в ст. 1 содержит понятие «валюта» и не дает возможности смыслового толкования валютного регулирования, а мнения ученых, как это уже отмечалось, в области толкования указанного определения, не однозначны.

Так, по мнению Алексева Д.Г., Антропцевой И.О., Бергер Е.В. и других «валютное регулирование», представляет собой одно из направлений государственного регулирования экономики, определяемого как процесс воздействия государственной власти на общественные отношения, которые включают в себя предпринимательскую сферу, с целью их упорядочения и стабилизации. Государство осуществляет валютное регулирование посредством выработки и установления правил и порядка осуществления валютных операций [6].

По мнению И.В. Хаменушко, в основу определения валютного регулирования ложится цель осуществления валютной деятельности, которая может быть определена как защита национальной валюты от конкуренции со стороны иностранных (международных, коллективных) валют. Цель валютного регулирования, ею определяется, как защита национальной валюты, которая достигается государством посредством решения конкретных задач. Их можно свести к шести основным задачам: поддержание стабильного курса валюты по отношению к основным свободно используемым валютам (доллару и евро); накопление и поддержание золотовалютных или международных резервов правительства и эмиссионного банка; защита национальной валюты от вытеснения из обращения внутри страны; контроль (ограничение) ввоза и вывоза капитала; контроль, но не ограничение международных платежей и переводов по текущим операциям; поддержание оптимальной структуры платежного баланса [7].

Помимо споров о понятии валютного регулирования, возникают в научном мире разногласия о том к какому виду правоотношений следует отнести валютное регулирование.

Некоторые правоведы относят валютное регулирование к предмету валютного права, которое рассматрива-

ется ими как комплексная отрасль национальной правовой системы [8]. Другие исследователи оценивают валютные правоотношения с финансово-правовых позиций как элемент финансово-правового регулирования [9].

Следует согласиться с выше отраженной позицией Алексева Д.Г., Антропцевой И.О., Бергер Е.В. и др., которые указали на основную смысловую нагрузку исследуемой дефиниции.

Валютное регулирование осуществляется государственными органами, деятельность которых рассматривается в виде законодательно урегулированных полномочий путем влияния на общественные отношения.

В понятие валютного регулирования, которое предложили Алексева Д.Г., Антропцева И.О., Бергер Е.В. и др., включены цели валютного регулирования, которыми являются, по мнению авторов, упорядочение и стабилизация валютных отношений.

Считаем также правильным мнение авторов Тютиной Ю.В. и Лисицына А.Ю. о том, что правоотношения, объектом которых является валюта (валютные ценности, внутренние ценные бумаги), являются предметом регулирования различных отраслей права (в иной классификации — различных отраслей законодательства) и публично-правовую природу таких отношений относят к предмету регулирования финансового права [10].

При формулировании определения валютного регулирования следует так же исходить из того, что частью 1 статьи 5 Закона о валютном регулировании, определяются органы валютного регулирования, которыми в Российской Федерации являются Центральный банк Российской Федерации и Правительство Российской Федерации.

На основании вышеизложенного предлагаем определение валютного регулирования, под которым необходимо понимать деятельность, осуществляемую Центральным Банком Российской Федерации и Правительством Российской Федерации, направленную на установление правил и порядка совершения валютных операций с целью защиты национальной валюты.

Нельзя не учитывать, что валютное регулирование включает в себя механизм реализации валютного контроля. По нашему мнению, также необходимо дать определение валютного контроля, так как в настоящее время отсутствует его легальное закрепление. В связи с этим, можно обратить внимание на определение, предлагаемое в словаре экономических терминов под редакцией Б.А. Райзберга и учесть тот факт, что это определение наиболее приемлемо для использования в экономической сфере: «валютный контроль — ограничение обращения иностранной валюты в целях устранения дефицита платежного баланса и предотвращения потоков «горячих денег», дестабилизирующих курс национальной валюты» [11].

С точки зрения права сущность валютного контроля, а, следовательно, и понятие валютного контроля определить без указания на перечень субъектов, его осуществляющих, а так же рассмотрение их компетенции не яв-

ляется возможным. Следует учесть и положение ст. 22 Закона о валютном регулировании которой, установлено, что валютный контроль в Российской Федерации осуществляется Правительством Российской Федерации, органами и агентами валютного контроля. Органами валютного контроля являются Центральный банк Российской Федерации, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации, (Федеральная служба финансово-бюджетного надзора (далее — Росфиннадзор) [12]), и, что к агентам валютного контроля относятся уполномоченные банки и не являющиеся уполномоченными банками профессиональные участники рынка ценных бумаг, таможенные органы и налоговые органы.

Таким образом, следует вывод, что Законом о валютном регулировании установлена трехуровневая система субъектов, осуществляющих валютный контроль. Для полноты понимания структуры валютного контроля в Российской Федерации, представляется необходимым определить соотношение пределов полномочий между Правительством Российской Федерации, органами и агентами валютного контроля.

Правительство Российской Федерации, являясь органом исполнительной власти общей компетенции в соответствии со ст. 110 Конституции Российской Федерации, не является ни органом, ни агентом валютного контроля. Поэтому Правительство Российской Федерации осуществляет валютный контроль иным образом. Его функции в области валютного контроля определены ч. 6 ст. 22 Закона о валютном регулировании. Ею предусмотрено, во-первых, что Правительство Российской Федерации обеспечивает координацию деятельности в области валютного контроля федеральных органов исполнительной власти, являющихся органами валютного контроля, а также их взаимодействие с Центральным банком Российской Федерации, во-вторых, что Правительство Российской Федерации обеспечивает взаимодействие не являющихся уполномоченными банками профессиональных участников рынка ценных бумаг, таможенных и налоговых органов как агентов валютного контроля с Центральным банком Российской Федерации.

Следует так же учесть, что Центральный Банк Российской Федерации, как орган валютного контроля, осуществляет валютный контроль за совершением валютных операций кредитными организациями и валютными биржами (ч. 4 ст. 22 Закона о валютном регулировании). Росфиннадзор, как орган валютного контроля (п. 1, 5 Постановления Правительства Российской Федерации «О федеральной службе финансово-бюджетного надзора»), а также агенты валютного контроля осуществляют валютный контроль за совершением валютных операций резидентами и нерезидентами, не являющимися кредитными организациями или валютными биржами (ч. 5 ст. 22 Закона о валютном регулировании) [13].

Несмотря на выделение в Законе о валютном регулировании органов, осуществляющих валютный контроль,

в практике встречаются проблемы недопонимания субъектами предпринимательской деятельности и гражданами функций, которые вправе осуществлять органы и агенты валютного контроля.

Так, Постановлением федерального Арбитражного суда Московского округа, на основании части 6 статьи 15.25 КоАП Российской Федерации отклонен довод организации о превышении таможенным органом своих полномочий при проведении таможенного контроля по грузовой таможенной декларации, и применены положения частей 1 и 3 статьи 22 Закона о валютном регулировании, о том, что таможенные органы являются агентами валютного контроля, которые вправе проводить проверку соблюдения резидентами валютного законодательства Российской Федерации и, следовательно, составить протокол об административном правонарушении [14].

Вышеприведенный пример позволяет сделать вывод, что агенты валютного контроля наравне с органами валютного контроля осуществляют контрольные полномочия в виде проверки соблюдения резидентами валютного законодательства Российской Федерации.

В связи с рассмотренными в части полномочий Центрального банка Российской Федерации и Росфиннадзора приведенным примером, считаем необходимым обратить особое внимание на мнение Лисицына А. Ю. [15], который рассматривает валютный контроль как сбор информации о валютных операциях (требование представления документов валютного контроля); систематизацию информации о валютных операциях (учет и отчетность по валютным операциям, а также требование об идентификации валютных операций); предупреждение нарушений порядка осуществления валютных операций, базирующихся на следующих инструментах:

- обязанность агентов валютного контроля осуществлять валютный контроль;
- полномочие отказывать в проведении валютной операции при определенных обстоятельствах (непредставление уполномоченному банку документов, необходимых для осуществления функций агента валютного контроля);
- обязанность резидентов сообщать об открытии счета за рубежом;
- паспортизация сделок.

Выявлению и пресечению нарушений порядка осуществления валютных операций, основанных на следующих инструментах:

- фиксация информации о выявленных нарушениях (протоколы);
- сообщение о выявленном нарушении компетентному органу валютного контроля; все указанные инструменты (меры) валютного контроля не применяются по отдельности. Их использование становится эффективным только при наличии системы.

На наш взгляд, именно этот перечень действий систематизирует и упорядочивает информацию, которая закреплена в нормах статей о валютном контроле.осу-

ществлением и реализацией вышеуказанных полномочий занимаются органы и агенты валютного контроля.

На основании анализа Закона о валютном регулировании, рассмотренных научных мнений, с учетом материалов судебной практики можно, на наш взгляд, сформулировать следующее понятие валютного контроля, который представляет собой систему мероприятий, осуществляемых Правительством Российской Федерации, органами и агентами валютного контроля, направленных на сбор и систематизацию информации о валютных операциях, предупреждение нарушений порядка осуществления валютных операций, выявление и пресечение выявленных правонарушений.

Включение в текст Закона о валютном регулировании понятий валютного регулирования и валютного контроля, в предложенной авторами редакции, позволяет исключить их толкование в различном содержании, ссылаясь на разные научные взгляды.

Закон о валютном регулировании распространяется на всех участников валютных отношений, в число которых входят и физические лица, которые вправе самостоятельно защищать свои права и интересы. Поэтому, не следует соглашаться с мнениями авторов, которые считают возможным отсутствие отдельных понятий в федеральных законах.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993)//РГ. 1993. 25 декабря.
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994. // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон РФ от 30 декабря 2001. // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. О валютном регулировании и валютном контроле: Федеральный закон РФ от 10 декабря 2003. // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.
5. Богданович, С. П. Оценочные понятия в гражданском праве: постановка проблемы // Власть закона. 2010. № 2. с. 183-187.
6. Алексева, Д. Г., Антропова И. О., Бергер Е. В. и др. Комментарий к Федеральному закону от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»/СПС «Консультант Плюс».
7. Хаменушко, И. В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность: Учеб.-практ. пособие. М., 2013. с. 352.
8. Алексева, Д. Г., Пыхтин С. В. и др. Валютное право: Учеб. пособие. М., 2007. с. 174.
9. Смирникова, Ю. Л. Валютные правоотношения как элемент механизма финансово-правового регулирования/Международное публичное и частное право. М., 2006. с. 235.
10. Тютин, Ю. В. К вопросу о месте валютного права в системе российского права и законодательства // Финансовое право. 2008. № 7. с. 116-117.
11. Лисицын, А. Ю. Валютная политика. Валютный союз. Евро/Под ред. А. Н. Козырина. М., 2008. С 203.
12. Современный экономический словарь/Под ред. Райзберга Б. А., Лозовского Л. Ш., Стародубцевой Е. Б. М., 2009. с. 57.
13. О федеральной службе финансово-бюджетного надзора: Постановление Правительства РФ от 4.02.2014 № 77 // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 591.
14. Практика рассмотрения коммерческих споров: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации/О. В. Бойков, Л. Г. Ефимова, В. А. Корнеев и др./Под ред. Л. А. Новоселовой, М. А. Рожковой. М., 2008. с. 230.
15. Постановление ФАС Московского округа от 12.03. 2010. Дело № А40—502/10-152-4 // СПС «Консультант Плюс».
16. Лисицын, А. Ю. Валютное регулирование и валютный контроль в механизме государственного регулирования внешнеэкономической деятельности: Науч. статья. // Центр публично-правовых исследований. 2007. с. 113-115.

Соотношение понятий «война» и «вооруженный конфликт» в международном гуманитарном праве

Мишкуро Михаил Александрович, магистрант
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье анализируется содержание терминов «вооруженный конфликт» и «война». Показано, что термин «вооруженный конфликт» является родовым понятием, так как содержание его значительно шире.

Ключевые слова: война, вооруженный конфликт, международное гуманитарное право

Нормы международного гуманитарного права (далее — МГП), основной целью которых является защита жертв войны, а также ограничение применения жестоких средств и методов ведения вооруженной борьбы, вступают в действие в период вооруженных конфликтов. Любопытным является то обстоятельство, что в международно-правовых актах, как универсального характера, так и непосредственно кодифицирующих МГП, **не содержится** самого определения вооруженного конфликта или войны. А ведь такое определение, как справедливо отмечает Э. Давид, имеет ключевое значение — ведь право вооруженных конфликтов, начинает применяться только с момента, когда имеет место вооруженный конфликт. Следовательно, очень важно уточнить понятие, **обозначающее реалию**, наличие которой дает сигнал для выполнения норм соответствующего права [2, с. 113].

Представляется, что, в общих словах, «вооруженный конфликт» можно определить следующим образом: «вооруженный конфликт охватывает любую ситуацию, независимо от ее правовой квалификации, в которой две стороны противостоят друг другу с оружием в руках» [4, с. 240].

Для правильного понимания такого многогранного понятия, каким является «вооруженный конфликт», необходимо уяснить разницу в употреблении таких терминов как «вооруженный конфликт» и «война», которое исторически появилось ранее, нежели понятие «вооруженный конфликт», и до второй половины XX в. применение этого термина было преобладающим. **В основном содержанием войны является применение силы одним государством с целью навязать свою волю другому** [6, с. 137]. В соответствии с традиционным пониманием, МГП регламентировало допустимость или недопустимость действий, причиняющих вред, **лишь в случае** возникновения состояния войны между государствами. Таким образом, **понятие войны** в международном праве имело решающее значение не только в вопросе о запрещенной и недозволённой силе, но и в вопросе об определении сферы применения целой отрасли права [5, с. 873-874]. **Определение войны существует в двух измерениях: в субъективном и объективном.**

Субъективное измерение войны предполагает **намерение** вести войну. Так, из анализа ст. 1 III Гагской конвенции об открытии военных действий 1907 г. видно, что

для войны характерен такой признак, как формальный акт ее объявления [1]. После формального объявления войны наступает, как правило, разрыв дипломатических отношений между воюющими государствами и прекращают действовать большинство международных договоров. Однако история показала обратное, так как государства достаточно часто развязывали войны без их объявления. Это означает, что государства, **отрицая намерение вести войну**, могли сократить сферу действия норм МГП, что с точки зрения защиты жертв вооруженных конфликтов и других его целей, неприемлемо. **В целом можно сказать, что международно-правовое понятие войны, используемое при определении сферы действия норм МГП, оказалось слишком ограниченным** [5, с. 874].

С учетом указанного опыта в международных договорах, заключенных в области МГП по окончании Второй мировой войны, включая Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г., вместо понятия войны употребляется дефиниция «вооруженный конфликт», которая охватывает более широкий спектр ситуаций. Так, в соответствии со ст. 2, общей для всех четырех Женевских конвенций, говорится о том, что она «будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны» [3], что явно подтверждает тот факт, что понятие вооруженного конфликта шире понятия войны.

Таким образом, в контексте всего вышеизложенного, в качестве промежуточного итога можно привести выдержку из статьи С. Витэ: «в то время как понятие войны уже существовало и существует в самых старых договорах МГП, Конвенции 1949 г. ввели понятие вооруженного конфликта в этот правовой режим впервые. **Таким семантическим дополнением составители этих инструментов хотели показать, что применимость международного гуманитарного права не должна более зависеть от воли правительств. Она больше не основывалась исключительно на субъективности, которой характеризуется признание войны государством, но зависит от изменяющихся факторов в соответствии с объективными критериями**» [7]. Благодаря такой новации в 1949 г. была разработана и «принята на вооружение» концепция международного вооруженного конфликта, основу ко-

торой составляет **принцип фактического существования конфликта**. Соответствующие нормы применяются, когда соблюдены определенные фактические условия. В этой связи получила развитие новая теория об определении сферы применения норм о вооруженных конфликтах [5, с. 874]. Следовательно, субъективное определение ситуаций, в которых применяются эти договорные нормы, оказалось несовместимым с новым направлением развития.

Иначе обстоит дело с **объективным измерением**, в частности рассматривающим определенную интенсивность враждебных действий в качестве предпосылки для определения понятия войны. Многие специалисты, рассматривают понятие войны в том, что касается интенсивности военных действий, пишут, что последние, «согласно правилу *minimis*, должны превысить определенный порог, чтобы стать войной... Таким образом, войной является борьба, имеющая некоторую продолжительность во времени, ведущаяся посредством вооруженной силы и достигающая некоторой интенсивности, между группировками определенного размера, состоящими из индивидуумов, которые носят оружие, имеют отличительные знаки, подчинены военной дисциплине и находятся под ответственным командованием» [2, с. 111-112]. В данном случае, как справедливо отмечает Э. Давид, игнорируются ситуации, не достигающие порога состояния войны, — действия «*short of war*», так сказать, «на грани войны» [2, с. 111]. В соответствии с принципом фактического существования конфликта, соответствующие нормы МГП применяются,

когда соблюдены определенные фактические условия. Что же касается характера этих условий, то обычно признается, что он должен оцениваться свободно, поскольку уровень напряженности (интенсивности), требуемый для того, чтобы **конфликт регулировался правом международных вооруженных конфликтов, очень низок**. Ситуации, предусматриваемые соответствующими документами, просто должны существовать.

Таким образом, «как только вооруженные силы одного государства получают раненых или сдавшихся в плен лиц из состава вооруженных сил или гражданских лиц другого государства, как только они задерживают пленных или фактически начинают осуществлять контроль над частью территории государства противника, они должны соблюдать соответствующие конвенции» [7]. **Однако нет необходимости в том**, чтобы вооруженные действия достигли конкретно-определенной степени интенсивности или становились причиной определенного числа жертв, чтобы квалифицировать такие действия как вооруженный конфликт. Другими словами, как было отмечено в решении Международного трибунала по бывшей Югославии по делу «Тадич»: «вооруженный конфликт **имеет место, всякий раз, когда государства прибегают к силе...**» [7]. Таким образом, в результате всего вышеизложенного можно с уверенностью утверждать, что термин «вооруженный конфликт» имеет более широкое содержание, нежели термин «война» и является родовым понятием, т. е. война всего лишь является одной из форм вооруженного конфликта.

Литература:

1. Гагская конвенция от 18 октября 1907 года об открытии военных действий. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/20791161/19877157/>
2. Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов. Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета. Москва: издательство Международного Комитета Красного Креста, 2011. — 1144 с.
3. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. [Электронный ресурс]. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml
4. Кувырченкова, Т.В. К понятию вооруженных конфликтов: проблемы определения // Вестник ТвГУ. Серия «Право». Тверь, 2014. — № 4. с. 240-246.
5. Международное право: под ред. Витцтума В.Г. Москва — Берлин: Инфротопик Медиа, 2011. — 992 с.
6. Международное гуманитарное право. Коллектив авторов (Пикте Ж., Нахлик С., и др.). Москва: Институт проблем гуманизма и милосердия, 1993. — 424 с.
7. Сильван Витэ. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/vite.pdf>

К вопросу об основных понятиях инвестиционной деятельности

Никитина Екатерина Александровна, магистр

Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С. П. Королёва

Статья посвящена определению ключевых проблем и вопросов правового регулирования инвестиционной деятельности в Российской Федерации. Определяется законодательная проблема инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, инвестиционные процессы, государственное регулирование, фондовый рынок, международная организация комиссии по ценным бумагам.

В процессе рыночной трансформации российской экономики кардинальным образом изменился механизм макроэкономического воспроизводства, включая также инвестиционный процесс, являющийся важнейшим компонентом макроэкономики страны. В современной России инвестиционному процессу уделяется большое внимание. Причиной стала модернизация экономики, а без правильного организованного инвестиционного процесса никакая модернизация в стране невозможна. Объем инвестиций представляет собой важнейшее условие успешного осуществления воспроизводственного процесса и устойчивого развития национальной экономики. Однако без изменений и развития нормативно-правовой базы сложно не только регулировать, но и заниматься инвестиционной деятельностью. Правовое регулирование стремится к созданию системы организационно-правовых форм, направленных на защиту инвестиций, установлению гарантий их сохранности.

В Федеральном законе «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений» инвестиции определяются, как «денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта» [1].

По мнению авторов И. В. Сергеева и И. И. Веретенниковой «инвестиции в широком смысле необходимо понимать как денежные средства, имущественные и интеллектуальные ценности государства, физических лиц, направляемые на создание новых предприятий, расширение, реконструкцию и техническое перевооружение действующих, приобретение недвижимости, акций, облигаций и других ценных бумаг и активов с целью получения прибыли (и) или иного положительного эффекта» [2]. Дж. Кейнс считает, что инвестиции — это «...прирост ценности капитального имущества в результате производственной деятельности данного периода, ... та часть дохода за данный период, которая не была использована для потребления»; «...покупка отдельным лицом или корпорацией какого-либо имущества, старого или нового, дома или машины, ценных бумаг на фондовой бирже и т. д.» [3].

Можно сделать вывод, что инвестиции — это не только капиталовложения в производство, но и вложения в социальную сферу, в строительство и т. д., а также вложения сбережений населения в любых их формах. Они представ-

ляют собой поток расходов, предназначенных для производства благ, а не для непосредственного потребления. Инвестиции связаны с риском, потому что процесс достижения полезного эффекта довольно длительный, может тянуться годами; успех в процессе зависит от добросовестности и профессионализма его участников, а также от того, насколько благоприятные или неблагоприятные инвестиционные условия созданы государством.

На настоящем этапе инвестиционное право требует доработок, так как в отечественной юридической литературе научно-практической сфере до последнего момента остается не исследованным в полном объеме. В работе И. З. Фархутдинова и В. А. Трапезникова инвестиционное право впервые рассматривается как отрасль права, изучаются отдельные институты общей и особенной частей этой отрасли, авторы пытаются раскрыть проблему инвестиционных процессов в рамках государства.

В России на сегодняшний день уже сформировался комплекс инвестиционных отношений, что предопределило появление соответствующего механизма правового регулирования данной сферы.

Все правовые акты, регулирующие инвестиционные отношения, условно можно разделить на две большие группы. В первую группу входят законодательные и подзаконные акты, носящие универсальный характер и устанавливающие основные принципы и общие положения правового регулирования экономической деятельности на территории РФ либо комплексно регулирующие правоотношения в отдельных сферах экономики и составляющие отдельные отрасли или подотрасли российского законодательства.

В первой группе, прежде всего, необходимо отметить Конституцию РФ, которая гарантирует необходимые условия осуществления экономической деятельности, в том числе инвестиционной, на территории Российской Федерации (ст. 8, 34, 35). Положения, являющиеся правовой основой инвестирования как гражданско-правовых отношений, определяет ГК РФ. В качестве законодательных актов различной отраслевой принадлежности можно назвать, например, Федеральный закон «Об акционерных обществах», Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральный закон «О защите конкуренции», Федеральный закон «О рекламе» и другие, в том числе, подзаконные акты.

Вторую группу правовых актов, регулирующих инвестиционную деятельность, составляют предметные или ра-

мочные законодательные и подзаконные акты, специально ориентированные на регламентацию правового режима собственно инвестиционной деятельности или ее форм в Российской Федерации. В настоящее время действует Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ и Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в РФ» от 09.07.1999 № 160-ФЗ.

Контроль на внутригосударственном уровне плотно связанно с регулированием на внешнем уровне, именно поэтому при рассмотрении многих вопросов, связанных с инвестиционной деятельностью в учёт принимаются не только внутренние законы, но и международные. При этом международные правовые акты пользуются большим приоритетом на фоне внутренних (внутригосударственных) актов.

Объектами инвестиционной деятельности по законодательству РФ являются вновь создаваемые и модернизируемые основные фонды и оборотные средства во всех отраслях и сферах народного хозяйства, ценные бумаги, целевые денежные вклады, научно-техническая продукция, другие объекты собственности, а также имущественные права и права на интеллектуальную собственность. При этом законодательство специально запрещает инвестирование в объекты, создание и использование которых не отвечает требованиям экологических, санитарно-гигиенических и других норм или наносит ущерб охраняемым законом правам и интересам граждан, юридических лиц и государства.

Субъектами инвестиционной деятельности являются государство, инвесторы, заказчики, исполнители работ, пользователи объектов инвестиционной деятельности, а также поставщики, юридические лица (банковские, страховые и посреднические организации, инвестиционные биржи) и другие участники инвестиционного процесса. Среди субъектов инвестиционной деятельности могут быть как физические, так и юридические лица, в том числе иностранные, а также государства и международные организации.

Инвесторы являются основными субъектами инвестиционной деятельности (инвестор — это лицо или организация, совершающее вложения капитала с целью получения прибыли) [4]. Инвестор может появиться на любом рынке — от рынка строительства жилья до рынка образовательных услуг, от страхования и ценных бумаг до услуг общественного питания. Государственное регулирование процесса инвестирования имеет место быть там, где важно закрепить правовой статус участников, предупредить злоупотребления и сделать этот вид деятельности привлекательным для освоения [5].

Российское государство в долгосрочной перспективе ставит стратегические задачи для повышения эффективности и конкурентоспособности производства, а для этого необходим постоянный приток средств. Количественный рост инвестиций, их направление в различные сферы хозяйствования зависят от правильной инвестиционной политики. Вложение средств в наукоемкие, высокотехнологические, высокотехнологические программы влияет не только

на производство товаров, их потребительские свойства, но и на условия труда, что, в конечном счете, не может отражаться в развитии всего общества в целом [6].

В зарубежной практике наиболее значимым источником инвестиций традиционно является фондовый рынок. В России ситуация отличается коренным образом: на долю фондового рынка в структуре инвестиций в основные фонды нефинансовых организаций, по данным Росстата, по состоянию на 1 января 2015 г. приходится менее 1%. Однако перспективы развития фондового рынка в указанных целях есть, при этом коммерческие банки могли бы стать значимыми инвесторами на нем.

Одним из важнейших условий успешного функционирования фондового рынка как механизма аккумуляции ресурсов и перенаправления их в те отрасли экономики, где существует потребность в инвестициях, является эффективная система его регулирования. Для коммерческих банков регулирование имеет еще большее значение, так как именно этот фактор зачастую определяет возможность осуществления банками операций на фондовом рынке, а также масштабы и особенности таких операций [7].

Основные цели регулирования фондового рынка в целом были определены Международной организацией комиссий по ценным бумагам (ИОСКО) в своем программном документе «Цели и принципы регулирования фондового рынка» [8]. К ним относятся:

- защита инвесторов от всякого рода мошеннических и вводящих в заблуждение действий, включая инсайдерскую торговлю и т. д.;
- обеспечение прозрачности и эффективности рынка и честных правил торговли;
- снижение уровня систематического риска.

Данная постановка целей содержит как минимум два недостатка. Во-первых, цели, выделенные ИОСКО, направлены преимущественно на обеспечение защиты правомерных и законных интересов участников фондового рынка. При этом интересы государства и стратегические ориентиры развития национальной экономики не принимаются в расчет. Во-вторых, данная триада целей предполагает относительную стабильность и высокий уровень развития финансовых рынков. Ориентация на них уместна в случае отсутствия кризисных явлений, что совершенно неприменимо к существующей в настоящее время ситуации в России. Таким образом, на современном этапе развития необходимы иные ориентиры.

В России ведется работа по совершенствованию законодательства, регламентирующего инвестиционную деятельность. Так, 15 января 2015 г. в своем приветственном письме Российской Федерации участникам Четвертого российского инвестиционно-строительного форума Министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ М. А. Менделеев указал, что в настоящее время «Минстрой России последовательно проводит работу по совершенствованию действующего законодательства, прежде всего в сфере нормативно-технического регулирования, оптимизации административных процедур и созданию про-

зрачных условий для реализации инвестпроектов в регионах, развитию государственно-частного партнерства, повышению доступности ипотеки, тем самым внося вклад в создание благоприятных условий для привлечения в отрасль масштабных инвестиций» [9].

В последние годы на федеральном и региональном уровнях проделана существенная работа по развитию всей правовой базы контроля инвестиционной сферы. Но ряд тех направлений, которые создаются для привлечения оте-

чественных и иностранных инвестиций не контролируются законодательными актами, из-за чего необходимо увеличить работу органов законодательной и исполнительной власти по поводу подготовки и принятию эффективных нормативных актов. Таким образом, остается надеяться на то, что нормативно-правовая база, регламентирующая эффективное правовое регулирование инвестиционной деятельности позволит в дальнейшем успешно развивать ее в России.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений»;
2. Сергеев, И. В., Веретенникова И. И. Экономика организаций (предприятий) 3-е издание переработка и дополнение — М.: М 2005-560 с.;
3. Кейнс, Д. Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Тип. им. Жданова, 1948. — 399 с.;
4. Экономика предприятия: Учебник для вузов/Под ред. проф. В. Я. Горфинкеля, проф. В. А. Швандара. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. — 670 с.;
5. Белицкая, А. В. О месте и роли инвестиционного права в системе российского права // Предпринимательское право. — М.: Юрист, 2012, № 2. — с. 20-24;
6. Черкасов, М. Н. Инновационный потенциал российских производственных предприятий на пороге глобального экономического кризиса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 1. — с. 142–146;
7. Кобзарь-Фролова, М. Н. К вопросу о дальнейшем развитии инвестиционного законодательства Российской Федерации // Финансовое право. — М.: Юрист, 2013, № 3. — с. 11-16
8. Objectives and principles of securities regulation/International Organization of Securities Commissions (IOSCO). June 2010. P. 2. <http://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD323.pdf>;
9. Мень, М. А. Приветственное письмо Министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации участникам Четвертого российского инвестиционно-строительного форума. URL: <http://www.gibf.msk.ru/>.

Особенности разграничения юрисдикции в судебной системе США.

Доктрина политического вопроса

Поваро Марина Александровна, юрист, ведущий специалист
 ПАО «Московская объединённая электросетевая компания»

Конституция — это всего лишь обыкновенный воск в руках Судебной власти, из которого та может вылепить все, что пожелает.
 Томас Джефферсон

Судебная система Соединенных Штатов Америки (далее — Судебная система США) была и остается уникальным явлением, что проявляется как в организационном устройстве, так и в принципах ее функционирования.

Обращая внимание на федеральный характер устройства государства, исторические особенности и современные тенденции развития правовой системы США в работе будет рассмотрен один из дискуссионных принципов, относящийся к проблеме разграничения юрисдикций — «политический вопрос».

Задачи исследования:

- 1) раскрыть принципы политического вопроса в решениях Верховного суда США;
- 2) в разрезе рассматриваемых прецедентов и доктринальной позиции сформулировать правила, которыми руководствуются суды при определении подсудности дела.

Американские суды должны рассматривать исключительно правовые конфликты. В связи с этим при поступлении искового заявления проверяется, не подпадает ли оно под понятие «политического вопроса». Будет ли ре-

шение являться «политическим суждением», а не актом, разрешающим спор, по существу.

Развитие этой доктрины связано с тем, что суды, в отличие от других органов власти, не должны отвечать требованиям политического большинства, избранного для управления страной. Исходя из принципа разделения властей и принципов организации судебной власти, суды должны быть независимыми и изолированными от политической жизни, что делает их более беспристрастными арбитрами.

При этом, так или иначе, суды вовлечены в политическую жизнь общества. Во — первых, судьи федеральной юстиции назначаются Президентом с согласия Сената и представляют собой сторонников той или иной партии. Если проследить историческую закономерность — президенты назначали сторонников партии своей принадлежности.

Так же неясно, в какой мере вопросы, отклоненные Верховным судом США как политические, более политичны, чем другие вопросы, рассматриваемые им ежедневно. В чем заключается критерий, которым руководствуется суд при применении к делу принципа «политического вопроса».

Критерий «политичности» является слишком многогранным, как и само понятие политики, чтобы выступать в этом качестве. Один из судей Верховного суда Р. Джексон однажды сказал: «Любые толкования Конституции влекут за собой политические последствия» [1]. С этой точки зрения, деятельность судов с момента принятия первого акта стала носить политический характер.

Другие исследователи полагают, что суды США, выработав принцип политического вопроса, обеспечили изолированность судебной власти от политических процессов в обществе и государстве.

Чтобы раскрыть степень изолированности судов и механизм, обеспечивающий это, целесообразно проанализировать ряд решений Верховного суда США, которые раскрывают понятие «политического вопроса» и критерии его применения.

Верховный суд США в своих решениях выделил два случая, являющихся политическими и не подлежащими рассмотрению судами.

В решении по делу *Coleman v. Miller* 1939 года перед судом был поставлен следующий вопрос: «Надлежащим ли образом ратифицирована поправка к Конституции США, в которой установлен запрет на детский труд» [2].

Истец полагал, что штат Канзас ратифицировал поправку с опозданием. Однако Конгрессом США не был установлен срок, в отличие от случая со многими другими поправками. Суду предстояло определить: существует ли разумный срок для внесения поправки, в соответствие с которым тринадцать лет выходит за рамки разумного срока.

В этом деле суд пришел к выводу, что поставленные перед ним вопросы являются политическими, и отказался от рассмотрения дела. Суд сослался на отсутствие в праве США критериев для определения разумного срока, что лишает спор юридического характера. В случае раз-

решения этого спора, по мнению Верховного суда, пришлось бы подменить две другие ветви власти, поскольку в решение отсутствовало бы правовое основание.

Из решения следует, что если Конгресс США не указывает срок, в течение которого законодательные органы (легислатуры) штатов должны ратифицировать поправку, то она остается в состоянии ожидания. Другими словами, поправка может быть ратифицирована в любое время, что и происходило на протяжении всего периода принятия поправок.

Интересными являются формулировки последних внесенных поправок к Конституции США, но не ратифицированных штатами. Например, раздел 4 последней поправки: «Настоящая статья не будет иметь силы закона до тех пор, пока она не будет ратифицирована в качестве поправки к Конституции законодательными собраниями трех четвертей штатов в течение семи лет, считая со дня передачи поправки на рассмотрение». Ранее, до решения по делу *Coleman v. Miller*, не указывался срок для ратификации штатами. Таким образом, суд, не вынося решения по делу, установил правило, согласно которому срок ратификации должен содержаться в тексте поправки.

Очевидно огромное влияние решений Верховного суда даже в случае отказа от рассмотрения дела, в связи с тем, что принятие такого текста направлено на исключение последующих неразрешаемых конфликтов.

Еще одним заметным решением, связанным со становлением доктрины «политического вопроса», является *Luther v. Borden* 1849 года [3]. Мартин Лютер был обвинен по этому делу. Он выступал против Правительства Род-Айленда, полагая, что там не установлена республиканская форма правления согласно 4 разделу 4 статьи Конституции США. Он полагал, что ограничение активного избирательного права имущественным цензом не соответствует рассматриваемой конституционной гарантии.

Перед Верховным судом США был поставлен следующий вопрос: «Является ли рассматриваемая форма правления в штате «республиканской формой правления», установленной в соответствии с разделом 4 статьи 4 Конституции». Суд признал вопрос политическим и неподсудным.

В последующие годы после принятия 14 поправки, провозгласившей равную защиту со стороны закона, подобные дела, как *Luther v. Borden* стали рассматриваться судами. Например, в решении по делу *Baker v. Carr* 1962 года, предметом рассмотрения было пропорциональное разделение законодательных округов.

В этом деле, первоначально, суд должен был определить, можно ли подавать иск касательно неправильного разделения законодательных округов. Для ответа на этот вопрос суд установил, что необходимо проверить основания деления, и если они не носят политический характер, то иск подлежит рассмотрению. В итоге судом не была применена доктрина «политического вопроса» и дело было разрешено по существу.

Прецеденты, рассмотренные выше, иллюстрировали только один из случаев отнесения судами дела к «поли-

тическому вопросу», а именно отсутствие критериев, которые суд должен применить при разрешении вопроса [4]. Дело должно носить правовой, а не политический характер (проверяется наличие норм права, регулирующих подлежащие рассмотрению отношения). Иначе выводы суда в решении будут не более чем политическим суждением, что нарушит его организационные принципы.

Другой случай, подразумевающий наличие в деле «политического вопроса», имеет место, когда дело в силу Конституции должно быть разрешено одной из двух других ветвей власти (законодательной или исполнительной).

Иллюстративным является решение по делу **Nixon v. Borden** 1993 года [5] в котором рассматривались полномочия Сената. Сенат в соответствии со статьей 1 Конституции США обладает исключительным правом рассматривать все дела в порядке импичмента и разрабатывать соответствующую процедуру. Так, федеральный судья подал жалобу в Верховный суд США на действия Сената, который принял решение о проведении импичмента и назначил комитет из 12 сенаторов для рассмотрения доказательств, которые впоследствии представляются всему составу Сената.

Верховный суд США не рассматривал это дело, сославшись на наличие «политического вопроса», поскольку в разрешении описанной ситуации соответствующим полномочием наделена законодательная ветвь власти.

Разделом 5 статьи Конституции США установлено, что каждая палата Конгресса рассматривает вопросы, касающиеся результатов выборов, полномочий и квалификаций, предъявляемых к ее членам. Вместе с тем, в решении по делу **Powell v. McCormack** 1969 года этот вопрос был рассмотрен Верховным судом США, невзирая на тот факт, что оценке подлежали полномочия палат Конгресса.

Так было принято решение, согласно которому упомянутое положение Конституции не предоставило полномочие Палате представителей выносить решение о предоставлении или об отказе в предоставлении мандата избранному члену, удовлетворяющему цензам возраста, оседлости и гражданства, хотя это прямо установлено в Конституции. В этом деле суд не применил доктрину «политического вопроса».

Также к политическому вопросу Верховный суд относит споры между Конгрессом и Президентом по вопросам внешней политики и на этом основании не рассматривает дело.

В 1979 году Верховный суд США рассматривал дело **Goldwater v. Carter**. Сенаторы подали исковое заявление в суд против Президента. Они полагали, что Президент не обладает полномочиями на расторжение международного договора с Тайванем без согласия Конгресса.

В этом деле произошел раскол между мнениями суда в части применения доктрины «политического вопроса». Для анализа этого решения представляются интересными мнения судей, которые содержались в решении (особые мнения). Из них можно выявить критерии, по которым принято относить дело к политическому или правовому вопросу.

Некоторые судьи полагали, что нельзя разрешать конфликт между двумя ветвями власти пока они не исчерпали иных средств его разрешения. Другие напротив, что в Конституции отсутствует положение о порядке расторжения международного договора, что лишает спор правового характера и вовсе не подлежит рассмотрению судом.

Вместе с тем, суд пришел к выводу, что спор составляет конституционное разделение полномочий власти между Конгрессом и Президентом, следовательно, спор может быть рассмотрен. Одним из доводов суда являлся тот факт, что отказ от рассмотрения дела мог бы повлечь серьезные негативные последствия для страны в целом как внутри, так и за ее пределами, поэтому принятие решения является долгом суда.

Еще одним знаковым делом в применении этой доктрины является — **Буш против Гора 2000 года**, рассмотренное судом штата Флорида [6]. Дело касалось избирательной компании по выборам Президента, а именно подсчетов голосов в штате Флорида, которые в дальнейшем и решили исход выборов.

Конфликт возник в связи с тем, что при подведении итогов голосования, выяснилось, что перевес в пользу Джорджа Буша-младшего составил незначительное число голосов от общей суммы проголосовавших. В связи с этим другой кандидат, Альберт Гор, потребовал ручного пересчета голосов. Верховный суд штата Флорида удовлетворил требование истца и издал приказ, согласно которому должен был быть произведен пересчет голосов.

Это обстоятельство, безусловно, ставило под сомнение победу Джорджа Буша-младшего, который подал ходатайство в Верховный суд США о прекращении исполнения судебного приказа и пересчете голосов.

Верховный суд США, путем издания приказа сертиорари истребовал это дело для дальнейшего рассмотрения и разрешения.

Это дело интересно по двум причинам.

Во-первых, в этом деле суд не применил доктрину политического вопроса, хотя в этом деле есть признаки, позволяющие его отнести к категории дел, подпадающих под действие доктрины «политического вопроса», а именно ситуация, когда отсутствуют правовые критерии (основания), которые суд применяет при разрешении спора.

Во-вторых, в этом деле Верховный суд США издал приказ об истребовании дела (сертиорари) из Верховного суда штата Флорида, тем самым вторгся в юрисдикцию суда штата. Это особенность в некоторой степени указывает на условность в разграничении юрисдикции между двумя «как бы параллельными» системами судов. Верховный суд США имеет право изъять подобным образом дело в случае, если обнаружит «федеральный интерес» в рассматриваемой ситуации (принцип «федерального интереса и «верховенства федерального права»).

Из вышеизложенного материала, касающегося толкования и применения доктрины «политического вопроса», следует, что:

— принцип политического вопроса — это эфемерная категория, точных критериев не имеющая. Суды ею не связаны, т. к. ее неприменение или наоборот применение не влечет никаких правовых последствий в том смысле, что применение принципа не является основанием для отмены решения. Также это не вызывает в обществе недоверия к судебной власти в связи с отсутствием единообразия в применении каких-либо других принципов, конституционных норм и других правил. Американскому обществу это представляется обычной практикой.

Литература:

1. Robert Jackson, *The Supreme Court in the American System*, 1991, P. 56
2. *Coleman, v. Miller* 307 U. S. 433 (1939)
3. *Luther, v. Borden* 48 U. S. 1 (1849)//www.casebriefs.com
4. Laurence, H. Tribe «*American Constitutional Law*», New York: Foundation Press 2000, P. 365-375
5. *Nixon, v. Borden*, 506 U. S. 224 (1993)
6. В. В. Маклаков «Конституционный контроль в зарубежных странах», Инфра — М 2010 год, с. 106–118.

Очевидно, что этот механизм создан судами для избежания рассмотрения дел в неурегулированных правом политических отношениях, которые могли бы повлиять на соотношение политических сил в стране, иным образом «подменить» полномочие других ветвей власти.

С другой стороны, суды применяют этот принцип, если спорная ситуация вызовет в обществе большой конфликт, нежели принятие судом не правового решения, а решения, являющегося политическим суждением.

Проблемы самообороны в Российской Федерации

Рамазанов Рауф Юрьевич, студент

Научный руководитель: Слепцов Василий Алексеевич, доцент

Новосибирский государственный технический университет

Одной из актуальных проблем защиты и охраны личной жизни, здоровья и собственности в современной России является проблема законодательного регламентирования условий самообороны. Эта проблема в отечественной истории неоднократно обсуждалась в средствах массовой информации и научных публикациях, но до настоящего времени так и не решена.

В правовой системе абсолютно всех государств закреплено право для защиты себя, семьи и государства от неправомерного посягательства на них. Одним из главных и важных прав человека и гражданина относится право на жизнь. Обладают таким правом и российские граждане, однако не редки случаи, когда человек опасается ее применить, чтобы не выйти за рамки правовой дозволенности. Но, как и всякое право, право человека на жизнь толкуется различными вариантами. Существуют разные ситуации, когда это право не является неограниченным. Одним из таких обстоятельств и является право на необходимую оборону, когда граждане вынуждены сами защищать свою жизнь, здоровье, собственность и т. д., а также жизнь, здоровье и т. д. других людей.

По этой причине на сегодняшний день остро стоит проблема о рамках правовой самообороны, допустимая законодательством РФ. Какими являются мотивы и свойства необходимой обороны как правовой категории?

Так как человеческая жизнь все-таки считается одной из наибольших ценностей, то, в соответствии с этим, ли-

шение ее обязано рассматриваться как нечто необыкновенное, рассматриваемое по определенным правилам.

Сама дефиниция «самооборона» не раскрывает сущности самообороны, а дает только ознакомительное представление о ней. Необходимо законодательно и четко регламентировать структуру этой дефиниции и защитные действия частого или юридического лица, или государства, предпринимаемые для обеспечения своих прав и законных интересов, которые должны быть законодательно определены.

Судьи, прокуроры и следователи, определяющие условия и пределы необходимой самообороны, в большинстве случаев, анализируя такие ситуации, ставят элементы категории, субъективно сопоставляя части такой ситуации, но, как общеизвестно, сопоставление и выявление превышения пределов самообороны достаточно субъективная категория и требуется законодательное установление всех элементов действий и нападавшего, и обороняющегося.

В ходе предварительного следствия и судебного разбирательства уполномоченные лица субъективно выявляют и причины, повлекшие за собой происхождение таковой ситуации. Помимо всего этого, определяют и аспекты превышения самообороны.

Традиционно правомерность акта самообороны суд разделяет на имеющие отношение к посягательству и обороне. В случае если это посягательство, оно должно быть совершено в действительности и иметь опасность для че-

ловека либо общества. В случае обороны либо защиты, необходимо чтобы было зафиксировано посягательство на оберегаемые правом интересы. Как правило, оборона — это защита от незаконного (уголовно-наказуемого) действия или небезопасного для общества правонарушения.

Не редки случаи, когда результатом является причинение смерти нападавшему. Это вовсе не означает, что любая попытка встать на защиту себя или же других обязательно должна кончаться убийством; однако так бывает часто.

Еще с УК РСФСР 1926 года это право являлось смягчающим обстоятельством. «Признаются смягчающими обстоятельствами, при определении той или иной меры социальной защиты, если преступление совершено: а) хотя и с превышением мер необходимой обороны, но для защиты от посягательства на Советскую власть, революционный порядок или личность и права обороняющегося или другого лица...»

В УК РСФСР 1960 года правомерным являлась «защита личности, прав и законных интересов обороняющегося, другого лица, общества и государства путем причинения любого вреда посягающему, если нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия».

В ныне действующем УК РФ ст. 37 «Необходимая самооборона» определяет понятие превышения пределов необходимой самообороны «как умышленные действия, явно несоответствующие общественной опасности посягательства», а не само понятие необходимой обороны.

Анализируя эти статьи уголовных кодексов РСФСР и РФ нельзя не заметить, что за такое длительное время термин превышение необходимой самообороны не раскрыт и не дает нам полного представления об этом явлении.

При этом следует делать также поправку и на то, что в состоянии переживания, стимулированного посягательством, обороняющийся порой не имеет возможность точно взвесить характер угрозы и выбрать соразмерные средства обороны. Тем более, кажется разумным не определять характер обороны, допустим, при изнасиловании или групповом нападении, когда потерпевший в силу психологических, эмоциональных, и иных причин не может оценить ситуацию.

Проблема самообороны породила значительное количество судебных разбирательств и ошибок. Исходя из отечественной судебной практики, следует отметить, что только около 10% дел по этой статье являются оправдательными. Вот некоторые из них:

В сентябре 2014-го в городе Новосибирске пьяный незнакомец пытался зайти в квартиру, где в это время находилась семья — два несовершеннолетних ребёнка и их отец. Дверь открыла 13-летняя дочь. Мужчина попытался войти, схватил её за руку. Девочка позвала папу на помощь. Глава семьи встал на защиту родных и жилища. В результате завязавшейся потасовки, в подъезде, сам по-

лучил ушибы и ссадины, но один из его ударов оказался смертельным для нежданного гостя — у того произошел разрыв печени.

В. Ганчара обвинили по статье умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

Суд назначил Ганчару наказание — 7 лет в колонии строгого режима, а также выплату ущерба.

В июле 2014 года в городе Тула Елена Орлова поругалась со своим мужем из-за того, что он часто позволял себе выпить лишнего. Мужчина и в момент ссоры был нетрезв. Он несколько раз ударил жену по лицу и попытался задушить. В ответ на это женщина схватила кухонный нож и несколько раз нанесла проникающие ранения мужу в живот.

Медики спасли жизнь нерадивого супруга, но, однако, Орловой суд назначил наказание в виде ограничения свободы на 10 месяцев за превышение допустимых мер самообороны.

Следует также отметить, что эти дела, а, точнее, эти судебные решения вызвали огромный общественный резонанс. Ведь граждане, которые были обвинены в превышении мер необходимой самообороны, опирались на ситуацию и здравый смысл, а не букву закона.

По данным, прозвучавшим на одном из общественных слушаний в Совете Федерации, выборочный анализ уголовных дел показал: только в 55% случаев причинение смерти либо тягостного ущерба здоровью при охране от социально небезопасного посягательства признавалось правомерным. В 28% случаев эти действия квалифицировались как превышение пределов необходимой обороны, а в 17% — оценивались как общеуголовные посягательства на жизнь и здоровье личности.

В зарубежных государствах дела обстоят иначе. Так, например, в ст. 35 действующего уголовного кодекса ФРГ установлено, что если лицо, совершающее деяние, превышает пределы вынужденной обороны из-за замешательства, страха или испуга, то оно не наказывается.

Обороняющийся, который совершает защитные деяния ввиду наличной и неотвратимой иным способом опасности для своей жизни, здоровья, свободы, чести, собственности или другого правового блага, или чтобы предотвратить опасность для другого лица, то он действует не противоправно, и при следственной и судебной оценке противостоящих интересов, защищаемый интерес должен превосходить интересы нападающего.

Автор статьи предлагает ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона» изложить в следующей редакции:

Статья 37. Необходимая оборона:

1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, имущества, общественного порядка, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни

обороняющегося или для другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

2. Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

3. Положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их служебного положения, профессиональной или иной специальной подготовки, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обращения за помощью к другим лицам или органам власти.

4. Для самообороны разрешается применение любых мер, средств и действий: если число нападавших превышает число обороняющихся, или действия нападавших уже привели к смерти какого-либо обороняющегося, или действия нападающего по отношению к обороняющемуся были совершены неоднократно.

Примечание:

Не считаются превышением пределов нужной защиты деяния обороняющегося лица, в случае если данное лицо вследствие неожиданности для него посягательства не

имело возможности беспристрастно расценить степень и характер опасности нападения. К ним относятся:

1. характер и степень общественной опасности преступного посягательства;

2. при задержании нападавшего, когда заранее известна степень его общественной опасности, когда задерживаемый вооружен, агрессивен, склонен к оказанию насильственного сопротивления и т. д.;

3. задерживаемый пытается скрыться, и оказывает активное сопротивление.

К превышению мер необходимой самообороны относится:

1. Продолжение действий самообороны, если действия нападавшего в силу условия места и времени уже не несет какой-либо опасности;

2. Причинение вреда нападавшему, когда он уже прекратил преступное деяние;

3. Действия посягающего не являлись неожиданными и стремительными настолько, что обороняющийся не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения.

Таким образом, институт необходимой самообороны является важным средством повышения активности населения в борьбе с преступностью.

Литература:

1. Как теперь обороняться // Газета. URL: <http://www.gazeta.ru/2002/01/16/kakteperjobo.shtml> (дата обращения: 30.03.2016).
2. Оплетин, А. Приемы самообороны как компонент личной безопасности в системе самореализации и саморазвития личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2012. — № 2. — с. 47-50.
3. Уголовный кодекс 1960 г. // СПС «Консультант плюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=8627> (дата обращения: 30.03.2016).
4. Уголовный кодекс 1926 г. // Википедия. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926 (дата обращения: 30.03.2016).

Феномен статусного дуализма государственного служащего на региональном уровне (на примере Республики Татарстан)

Сарсембаев Айдар Серикович, студент
Омская юридическая академия

Рассматривается исключительное явление в служебной практике — одновременное замещение одним лицом должности федеральной государственной службы и государственной должности субъекта РФ — на предмет его правомерности и возможности возникновения негативных системных последствий. Высказываются предложения по внесению изменений в действующее законодательство по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: государственная служба, государственная должность, должность государственной службы, государственный служащий, статусный дуализм, служебный статус, Республика Татарстан.

Республика в составе РФ как особая форма субъекта федерации имеет определенные особенности, в том

числе в правовом регулировании государственной службы на ее территории.

Учитывая особую конституционно-правовую природу республики в составе РФ, федеральный центр прибегает к нетипичным способам решения вопросов, связанных с ее самостоятельным статусом, соблюдая баланс между организационным единством системы федеральных органов исполнительной власти и конституционно гарантированным правом субъекта РФ иметь собственную и полноценную систему органов государственной власти.

Часть 6 ст. 1 ФЗ № 184 [1] предоставляет федерации и её субъектам право делегировать друг другу по взаимному соглашению отдельные государственные полномочия, если это не противоречит нормам федерального законодательства. Так в 2011 г. между МЧС России и Кабинетом Министров (Правительством) Республики Татарстан (далее — Кабмин РТ) было заключено соглашение о взаимной передаче осуществления части своих полномочий в сфере гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций (далее — Соглашение), которым было обозначено, что начальник Главного управления МЧС России по РТ (далее — ГУ МЧС России по РТ) по должности является Министром по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям РТ (далее — Министр ГО и ЧС РТ) и входит в состав Кабмина РТ [2,3,12].

В системе органов исполнительной власти РТ [4] предусмотрен такой орган отраслевого управления как Министерство по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям РТ (далее — Министерство ГО и ЧС РТ), руководитель которого (Министр ГО и ЧС РТ) назначается на должность и освобождается от должности «в установленном законодательством порядке» [5]. На основании п. 14 Положения о территориальном органе МЧС России [6] начальник ГУ МЧС России по РТ осуществляет непосредственное руководство деятельностью ГУ МЧС России по РТ. Следовательно, лицо, замещающее должность начальника ГУ МЧС России по РТ, по должности являющееся Министром ГО и ЧС РТ, одновременно возглавляет два совершенно разных по статусу и уровню органа: территориальный орган федерального органа исполнительной власти и орган исполнительной власти субъекта РФ.

Согласно указу Президента РТ от 30.06.10 г. № 415 [7] должность министра РТ относится к категории государственных должностей РТ. Особенность должности Министра ГО и ЧС РТ заключается в том, что он входит в Кабмин РТ на основании Соглашения, в то время, когда для включения в состав Кабмина РТ иных министров РТ предусмотрен более упрощенный порядок — издание соответствующего указа Президента РТ. Процедура освобождения Министра ГО и ЧС РТ от должности и степень участия Президента РТ в ней не отличаются прозрачностью, т. к. абстрактность формулировки «в установленном законодательством порядке» не дает однозначного ответа и заставляет правоприменителя обращаться к самым различным уголкам обширного российского законодательства.

Интеграция должности начальника ГУ МЧС России по РТ (должности федеральной государственной службы)

и должности Министра ГО и ЧС РТ (государственной должности субъекта РФ) в одном лице предопределяет не только появление неясности статуса служащего, занимающего «гибридную» должность начальника ГУ МЧС России по РТ — Министра ГО и ЧС РТ, но и способствует сращиванию системы федеральных органов исполнительной власти с системой органов исполнительной власти РТ, что не рассматривается допустимым в федеративном правовом государстве. В соответствии с Соглашением материальное и социальное обеспечение лица, занимающего данную должность, производится исходя из статуса федерального государственного служащего, а регламентация его служебного положения осуществляется на основании норм федерального законодательства. Исходя из приведенного, это должностное лицо практически полностью относимо к категории федеральных государственных служащих даже в условиях одновременного профессионального осуществления им функций Министра ГО и ЧС РТ по остаточному принципу — на общественных началах.

Пункт 1.6 Положения о Министерстве ГО и ЧС РТ [5, п. 1.6] определяет, что Министерство ГО и ЧС РТ осуществляет свои функции во взаимодействии с ГУ МЧС России по РТ и иными органами и организациями, подчеркивая организационное неединство данных ведомств, несмотря на то, что их возглавляет одно и то же лицо. Совмещение функций руководителя двух разных органов в одном лице ставит под сомнение самостоятельность и независимость руководимого им республиканского органа (Министерства ГО и ЧС РТ) от федерального органа исполнительной власти (МЧС России) и чревато фактической потерей контроля над деятельностью республиканского министерства со стороны Кабмина РТ и Президента РТ ввиду особенностей правового положения начальника ГУ МЧС России по РТ как руководителя территориального органа МЧС России. Показателен и тот момент, что на начальника ГУ МЧС России по РТ — Министра ГО и ЧС РТ возлагается обязанность *содействовать* (курсив наш — А. С.) Премьер-министру РТ в осуществлении его полномочий по руководству гражданской обороной на территории РТ, мерами по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями и эпидемиями, ликвидацией их последствий, а также координации деятельности органов государственной власти, организаций и должностных лиц в указанных сферах [5, п. 5.3].

Тем временем положениями ФЗ № 58 [8], определяющего правовые и организационные основы системы государственной службы в РФ, не предусмотрен прямой запрет на замещение одним лицом двух разносистемных должностей, однако это еще не говорит о его полном отсутствии. Пункты 9-10 [9] Положения о федеральной противопожарной службе государственной противопожарной службы (ФПС ГПС) предусматривают регулирование порядка прохождения службы в ФПС ГПС МЧС России нормами, содержащимися в ФЗ № 342 [10]. Из этого следует, что лицо, имеющее специальное звание и

замещающее должность руководителя территориального органа МЧС России по субъекту РФ, попадает под действие норм ч. 2 ст. 14 ФЗ № 342, предписывающих распространение на него ограничений и запретов, установленных ст. ст. 17, 18 и 20 ФЗ № 79 [11]. Подп. «а» п. 2 ч. 1 ст. 17 ФЗ № 79, в свою очередь, устанавливает запрет замещать государственному служащему должность государственной службы в случае его избрания или назначения на государственную должность.

В конечном итоге, нормы заключенного Соглашения, установившие практику одновременного замещения государственной должности субъекта РФ федеральным государственным служащим, возглавляющим территориальный орган федерального органа исполнительной власти, невольно вступают в противоречие с нормами федерального законодательства и приводят к несоблюдению равновесия между установленными ч. 1 ст. 1 ФЗ № 184 принципами единства системы государственной власти и самостоятельности осуществления органами государ-

ственной власти субъектов РФ принадлежащих им полномочий.

Гарантируя недопущение вмешательства федерального органа исполнительной власти в деятельность органа исполнительной власти субъекта РФ и соблюдение вышеупомянутых принципов функционирования органов публичной власти, федеральному законодателю надлежит установить прямой запрет на подобное одновременное замещение одним лицом государственной должности субъекта РФ и должности федеральной государственной службы посредством внесения соответствующих изменений в рамочный ФЗ № 58, восполнив тем самым имеющийся пробел. Необходимо также принять меры по признанию заключенного Соглашения утратившим силу и внесению соответствующих изменений в связанные с ним нормативные правовые акты в целях предотвращения и дальнейшего исключения практической возможности одновременного со-вмещения одним лицом двух должностных статусов и недопущения наращивания этого негативного опыта.

Литература:

1. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон от 6.10.1999 г. № 184-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
2. Об утверждении Соглашения между МЧС России и Правительством Республики Татарстан о передаче друг другу осуществления части своих полномочий в решении вопросов защиты населения и территории Республики Татарстан от чрезвычайных ситуаций...: распор. Правительства РФ от 11.03.2011 г. № 390-р // СПС «Консультант Плюс».
3. О мерах по совершенствованию системы государственного управления Республики Татарстан в области гражданской обороны, организации тушения пожаров, предупреждения чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера и ликвидации их последствий: пост. Кабинета Министров Респ. Татарстан от 30.12.2004 г. № 614 // СПС «Консультант Плюс».
4. О структуре исполнительных органов государственной власти Республики Татарстан»: указ Президента Респ. Татарстан от 22.04.2010 г. № УП-254 // СПС «Консультант Плюс».
5. Положение о Министерстве по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Республики Татарстан: пост. Кабинета Министров Респ. Татарстан от 30.12.2004 г. № 614 // СПС «Консультант Плюс».
6. Положение о территориальном органе МЧС России: приказ МЧС России от 6.08.2004 г. № 372 // СПС «Консультант Плюс».
7. О Сводном перечне государственных должностей Республики Татарстан: указ Президента Респ. Татарстан от 30.06.2010 г. № УП-415 // СПС «Консультант Плюс».
8. О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
9. О федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы: пост. Правительства РФ от 20 июня 2005 г. № 385 // СПС «Консультант Плюс».
10. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
11. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
12. О перечне должностных лиц, входящих в состав Кабинета Министров Республики Татарстан — Правительства Республики Татарстан: указ Президента Респ. Татарстан от 22 апр. 2010 г. № УП-255 // СПС «Консультант Плюс».

Проблемы цензуры в начале XX столетия в Российской империи

Сосновских Александр Валерьевич, аспирант
Уральский финансово-юридический институт

К началу XX века в России наблюдалось увеличение числа выпускаемых периодических изданий. Революция, начавшаяся в империи в 1905 году, породила неразбериху в сфере цензуры. Попытки «замалчивания» происходящего провалились, контроль над прессой был утерян. Более трёхсот изданий были закрыты, деятельность ещё большего числа — приостановлена. Однако наиболее интересно «поведение» власти относительно способов воздействия на население по отношению к сопротивлению к представителям власти, что выражается, в первую очередь, в уголовно-правовом воздействии. В этой сфере были изданы многие нормативные акты, которые были направлены на ужесточение правового регулирования, с целью ослабить оппозицию власти. «Политически активных» граждан подвергали аресту, были ужесточены меры за участие в забастовках, начали работать военно-полевые суды, происходило усиление роли полиции. Именно изменение законодательства в этой сфере в первую очередь говорит о желании государства, в лице наделенных властью субъектов, изменить обстановку внутри страны. Возможно, эти меры сыграли роковую ошибку для императора.

Ключевые слова: *политический кризис, цензура, оппозиция, профсоюз, забастовка, военно-полевые суды, «политически активное» население, уголовная ответственность.*

Политический кризис в практически любом государстве, думается, можно проанализировать на примере изменения правового регулирования (и иных форм влияния) цензуры. В частности, в Российской империи начала XX века также можно наблюдать подобные аналогии. На территории Российской империи цензура появилась задолго до первых законов или предписаний, официально регламентирующих её характер и полномочия — и, что немаловажно, задолго до самого появления империи как таковой.

«Кровавое» воскресенье и последующая за ним революция повлекли изменения цензуры в государстве. Трансформация регулирования цензуры могла развиваться в двух плоскостях: её ужесточение или смягчение. Думается, третьего варианта развития событий для России не существовало. Смягчение правового регулирования средств массовой информации (далее по тексту — СМИ) и иных организации, составляющих ядро распространения общественного мнения было маловероятно в условиях революционных волнений, а ужесточение было бы логичным проявлением «силы» государства, направленной на ослабление настроенных антиправительственных структур, что, собственно, происходило в первые десятилетия XX века.

Важность правового регулирования цензуры для государства нельзя оспорить и преуменьшить. СМИ и иные организации и структуры формируют фон внутри государства, который либо смягчает политический произвол (кризис и иные политические проблемы), либо наоборот усугубляет ситуацию [3, с. 22]. Печатные средства, телеграф и иные источники информации и связи являются важными для существования государства, поэтому при смене политической власти именно они в первую очередь являются целью для захвата власти и переворота. Контроль СМИ, а, значит, и цензуры может усилить власть,

но в тоже время усилить оппозиционно-настроенные взгляды в обществе.

В настоящей работе мы будем трактовать понятие «цензуры» широко, включая в него не только контроль государственных органов за способами распространения информации внутри и вне страны, но способы воздействия на население по отношению к сопротивлению к представителям власти, что выражается, в первую очередь, в уголовно-правовом воздействии.

Революция, начавшаяся в империи в 1905 году, породила неразбериху в сфере цензуры [4, с. 49]. В ходе революции 1905 года правительство Российской империи неоднократно обращалось к пересмотру уголовно-правового и судебного законодательства, что свидетельствует об изменении цензуры в политической сфере. Именно изменение законодательства в этой сфере в первую очередь говорит о желании государства, в лице наделенных властью субъектов, изменить обстановку внутри страны, ужесточив санкции или введя новые составы преступления, которые будут способствовать аресту «политически активных» граждан.

В июне 1905 г. издано Мнение Государственного совета о некоторых изменениях и дополнениях Закона 7 июня 1904 г. «О порядке производства по делам о преступных деяниях государственных», а в марте 1906 г. Указ «О мерах к сокращению времени производства наиболее важных уголовных дел», предусматривавшие усиление санкций за сопротивление представителям власти.

В декабре 1905 г. был принят Указ «О временных правилах о наказуемости участия в забастовках на предприятиях, имеющих общественное или государственное значение». Виновные (активные участники забастовок) наказывались лишением свободы на срок от восьми месяцев до полутора лет. Аналогичному наказанию подвер-

гались участники «преступных сообществ», а в некоторых случаях и до четырех лет. Более того, заработная плата за период забастовки не выплачивалась.

Особенно важным для цензуры и влияния на граждан явился изданный в августе 1906 г. Советом министров Положение об учреждении военно-полевых судов. Они вводились в местностях, объявленных на военном положении или положении чрезвычайной охраны. Судебный процесс проходил при закрытых дверях и в срок не более двух суток. Приговор был окончательным и приводился в исполнение не позже следующих суток. [5, с. 64]. Причем под судебное следствие попадали и гражданские лица.

В феврале 1906 г. было издано Мнение Государственного совета об установлении уголовной ответственности за распространение ложных сведений о деятельности правительственных установлений и должностных лиц. Объективная сторона этих преступлений заключалась в распространении сведений, «возбуждающих в населении враждебное к ним (правовым установлениям и должностным лицам) отношение»; «возбуждающих общественную тревогу слухами о правительственных распоряжениях, общественных бедствиях»; «возбуждающих вражду между классами населения, между сословиями, хозяевами и рабочими». [6, с. 69].

Тенденция к усилению роли полиции неоднократно проявлялась на практике. [1, с. 19]. Министерству внутренних дел предоставлялось право закрывать общества, если «их деятельность представляется ему угрожающей общественному спокойствию и безопасности». Запрещалась деятельность обществ, «управляемых из-за границы, если они носят политический характер». Государственные служащие могли образовывать только благотворительные и культурные, но не политические общества.

Профсоюзы, говорилось в Указе, «имеют целью выяснение и согласование экономических интересов, улучшение условий труда и поднятие производительности». Объединение профсоюзов запрещалось. Заявка о реги-

страции профсоюза подавалась фабричному инспектору, а их деятельность контролировалась Министерством торговли и промышленности.

Одновременно был принят Указ «О временных правилах о собраниях». Непубличные собрания можно было проводить без разрешения правительственных властей, в учебных заведениях — только учебные собрания. Собрания разрешалось проводить с разрешения полиции или губернатора, причем место их проведения должно было быть удалено от места пребывания императора, Государственного совета и Государственной думы на полверсты (в закрытых помещениях), на две версты (если собрания проходят под открытым небом). Нельзя устраивать общественные собрания в местах общественного питания. Об открытии собрания необходимо предупредить полицию за трое суток (о месте, времени и теме собрания).

В марте 1906 г. издан Указ «О временных правилах об обществах и союзах». Запрещались антиобщественные собрания, на собрание не допускались вооруженные лица. Поводами к закрытию собрания могли служить отклонение от темы, возбуждение вражды между частями населения, проведение неразрешенных денежных сборов, участие лиц, которым запрещено участвовать в собрании, мятежные возгласы, воззвания к насилию, неповиновению. Такие собрания полиция закрывала, а в случае неповиновения разгоняла. [2, с. 107]. К участникам и организаторам незаконных собраний применялась уголовная ответственность.

Таким образом, ужесточение уголовной ответственности, а, значит, цензуры в широком его толкований в первом десятилетии XX века свидетельствует о тенденции отечественного правотворца к формированию стабильности в обществе путем подавления «политически активного» населения, а не путем диалога с ним. Возможно, данные меры предвещают судьбу империи в дальнейшем, однако, думается, что в то время политическая верхушка не могла идти на такие меры, но это всего лишь предположение.

Литература:

1. Батулин, Ю. М. Цензура против гласности: от Ивана Грозного до 1917 г. // Советское государство и право. Наука. Вып. 3. 1989.
2. Блюм Арлен. От неолита до Главлита. СПб. Искусство России, 2009.
3. Горев, Б. Победоносцев и цензура // Литературное наследство. М. 1935.
4. Жирков, Г. В. История цензуры в России XIX-XX века. Аспект-Пресс, 2001.
5. Рейфман, П. С. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. 2001-2003.
6. Тэкс Чолдин. Империя за забором. История цензуры в царской России/пер. с англ. М. Галушкиной. Рудомино, 2002.

Совершенствование Правил землепользования и застройки в Санкт-Петербурге

Судаков Павел Александрович, студент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Статья посвящена разработке предложений по совершенствованию Правил землепользования и застройки в Санкт-Петербурге. Разработка предложений по совершенствованию Правил выполнена на базе анализа реализации Правил. Кроме того, в статье выделены неконкретизированные аспекты Правил, а также методы совершенствования Правил землепользования и застройки в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: Правила землепользования и застройки Санкт-Петербурга; методы совершенствования; анализ реализации Правил землепользования и застройки Санкт-Петербурга; правовой анализ; статистическая информация; неконкретизированные аспекты Правил.

Совершенствование законодательства, в настоящее время, получило новый импульс. Его обуславливает принятие новой Конституции РФ, а также приведение в соответствие с ней законодательства, разработка новых законодательных актов и отраслей права.

В России жилищная политика является одной из наиболее значимых отраслей публичной политики, одной из наиболее острых и постоянных тем общественных дискуссий, которая нуждается в существенной доработке.

Главные задачи градостроительной политики заключаются в том, чтоб обеспечить [2]:

— развитие Санкт-Петербурга в качестве крупного центра постиндустриальной экономике, которая основана на широком культурном и информационном обмене, концентрации образовательной и инновационной деятельности;

— направление большей части инвестиций, вкладываемых в строительство, в обновление и последующее развитие сложившейся инженерной и транспортной инфраструктуры;

— строительство жилья, объектов коммунального хозяйства и социального назначения, отвечающих современным требованиям;

— оптимизацию имеющейся системы транспортных коммуникаций, улучшение условий передвижения, которые не связаны с использованием индивидуального автотранспорта. В рамках развития кольцевых направлений необходимо практически исключить транзит, прежде всего, грузовой, через центр Санкт-Петербурга. Также на всех уровнях градостроительных решений необходимо проводить политику приоритетного развития используемого общественного транспорта и, конечно же, условий для беспрепятственного его передвижения. При помощи богатого международного опыта, следует всесторонне рассмотреть возможную эффективность различных моделей ограничения в центральных районах Санкт-Петербурга автомобильного движения, а также различные варианты мер, сопутствующих этому процессу — как финансовых, так и запретительных. Кроме того, необходимо улучшить условия для пешеходного и велосипедного движения, также движения по воде;

— обеспечение территорий под застройку должной инженерной подготовкой;

— повышение продуктивного разнообразия городской среды и рентного потенциала территорий путем их зонирования. Принятие и последующее улучшение Правил землепользования и застройки Санкт-Петербурга, которые основаны на Генеральном плане Санкт-Петербурга;

— совершенствование практики проведения различных конкурсов проектов;

— сохранение и развитие исторического центра города Санкт-Петербург.

В Санкт-Петербурге градостроительная деятельность осуществляется на основе двух основных документов, это Генеральный план и Правила землепользования и застройки [1].

Для выдвижения предложений по совершенствованию Правил землепользования и застройки Санкт-Петербурга был выполнен анализ реализации Правил на основе статистической информации, а также правовой анализ реализации Правил.

Проведенный анализ Правил землепользования и застройки Санкт-Петербурга дал возможность сделать такие выводы:

— статистические данные говорят о том, что Правила землепользования и застройки выполняются. В то же время застройщики сталкиваются с проблемами, связанными с некоторыми аспектами, не конкретизированными в Правилах землепользования и застройки;

— анализ реализации Правил землепользования и застройки показал, что некоторые аспекты данных правил нуждаются в доработке.

Выделенные не конкретизированные аспекты Правил землепользования и застройки:

— сложность застройки земель условно-разрешенного вида;

— сложность застройки в соответствии с измененной высотой зданий;

— сложность застройки в соответствии с измененными коэффициентами использования территории.

Отдельно следует отметить, что деление на зоны (в рамках Правил землепользования и застройки) не дает ожидаемого результата.

Кроме того, у застройщиков возникают сложности в процессе застройки земельных участков, отмеченных

звездочками на схеме. Это означает, что данные объекты могут быть размещены лишь при условии, что земельные участки, где они будут располагаться, будут примыкать к красным линиям проездов или улиц дорог. Иначе говоря, для размещения данных объектов нужно разработать документацию по планировке рассматриваемой территории. Это не совсем верно, ведь планировка территории не должна ложиться на плечи застройщика.

Проблема в том, что зачастую использование подобных участков предполагает создание плана участка с учетом всех требований Правил землепользования и застройки Санкт-Петербурга.

При выборе методов совершенствования Правил землепользования и застройки Санкт-Петербурга, следует взять во внимание такие их аспекты [3]:

- качество строительных материалов, используемых в работах;
- количество парковочных мест, планируемых в новых домах;
- соблюдение застройщиками уровня допустимого шума;
- соблюдение застройщиками высотности зданий, архитектуры;
- регламентирование ценовой политики.

Улучшения качества строительных материалов, которые используются застройщиками, можно добиться путем указания в Правилах землепользования и застройки Санкт-Петербурга конкретных минимальных требований к качеству строительных материалов.

Увеличение количества парковочных мест, планируемых в домах, которые строятся, можно достигнуть путем указания в Правилах землепользования и застройки Санкт-Петербурга конкретных минимальных требований к количеству парковочных мест относительно количества квартир в строящемся доме.

Кроме того, в Правилах землепользования и застройки следует указать конкретное значение допустимого уровня шума, который возможен при строительстве новых объектов в жилых кварталах.

Согласно санитарным нормам, допустимый уровень шума, не наносящий вред слуху даже при продолжительном воздействии, равен 55 дБ в дневное время суток и 40 дБ в ночное.

Параметры высотного регулирования на территории города Санкт-Петербурга регулируются Правилами землепользования и застройки Санкт-Петербурга. Высотное регулирование осуществляется в рамках градостроительной деятельности. В Правилах землепользования и застройки определили возможные зоны для выполнения высотного домостроения, при этом были учтены историко-культурные особенности города.

Если сравнивать со зданиями обычной высоты, то высотные здания имеют ряд существенных особенностей.

В частности, для высотных зданий необходимо более глубоко проработать вопросы устойчивости каркаса

создаваемого здания, его противодействия как природным, так и техногенным нагрузкам.

Стоит отметить, что у высотных зданий резко увеличиваются нагрузки на фундамент. Кроме того, они, как и каркас, требуют других усиленных конструктивных решений. Вдобавок, необходим мониторинг состояния здания в течение всего его жизненного цикла.

Таким образом, требования к высотности зданий подразумевают также грамотную реализацию требований к фундаментам зданий, учитывающих особенности петербургских грунтов.

Особое внимание в Правилах землепользования и застройки уделено теме безопасной эксплуатации и эвакуации людей из зданий.

Стоимость жилья в Санкт-Петербурге очень высока. Цена квадратного метра жилья, у разных застройщиков, разная. На сегодняшний день ценообразование на рынке недвижимости происходит под воздействием рыночных механизмов, хотя это совсем не гарантирует высокую экономическую эффективность деятельности. Несмотря на то, что в стране принят ряд законопроектов, осуществляемое государственное регулирование цен на рынке недвижимости является неэффективным. Это подтверждает тенденция роста стоимости жилья в крупных городах страны, а также рост аварийности всего жилищного фонда, низкая обеспеченность горожан жильем и неразвитость жилищного кредитования. Стоимость жилья остается высокой даже несмотря на мировой финансовый кризис. Из-за этого, с учетом низких доходов населения, данный актив является малодоступным для огромного количества граждан.

В Правилах землепользования и застройки Санкт-Петербурга может быть явно указан допустимый диапазон цен (например, в необлагаемых налогом минимумах) для конкретных видов квартир, расположенных в конкретных зонах или подзонах города. Такое регулирование положительно повлияет на развитие экономики, благосостояние населения, улучшит условия мобильности трудовых ресурсов.

Таким образом, методами совершенствования Правил землепользования и застройки Санкт-Петербурга могут быть таковые:

- выработка стратегии Санкт-Петербурга, а именно в части, которая касается предоставления земельных участков для конкретных целей строительства;
- должное организационно-правовое обеспечение форм взаимодействия между исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга и лицами, которые осуществляют капитальное строительство или же реконструкцию;
- должное обеспечение доступности жилья, жилищных прав граждан, эффективности и качества обслуживания жилищного фонда;
- принятие правовых актов, которые направлены на регулирование правовых отношений в сфере градостроительной деятельности.

Для совершенствования Правил землепользования и застройки Санкт-Петербурга мною предложено внести такие изменения:

— при расчете количества парковочных мест для новых домов уменьшить учитываемую общую проектную площадь квартир с 80 до 65 квадратных метров для одного парковочного места;

— добавить подраздел, содержащий конкретные требования к качеству материалов, используемых при строительстве объектов;

— явно указать допустимый уровень шума в рамках 55 дБ днем и 45 дБ ночью, предусмотреть штрафы для за-

стройщиков, при нарушении данной нормы и обязать застройщиков использовать различные средства (звукоизоляция, звукопоглощение и т. д.) для снижения уровня шума при строительстве объекта;

— кроме указания допустимой высотности зданий в конкретных районах и зонах, следует разработать требования к фундаменту высотных зданий;

— явно указать допустимый диапазон цен (например, в необлагаемых налогом минимумах) для конкретных видов квартир, расположенных в конкретных зонах или подзонах города.

Литература:

1. О правила землепользования и застройки Санкт-Петербурга: закон СПб: № 29-10 от 4 февраля 2009 г. (в ред. Закона Санкт-Петербурга от 28.06.2010 № 396-88).
2. Платонова, Н. А. Некоторые проблемы реализации Концепции жилищно-коммунальной реформы на современном этапе // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. — 2013. — № 8.
3. Румянцева, Е. Е. Приоритеты реформирования ЖКХ // Жилищное и коммунальное хозяйство. — 2013. — № 2. — с. 22-24.

Институт диффамации

Тимченко Ярослава Игоревна, студент;

Шанина Юлия Владимировна, студент

Научный руководитель: Гаврилов Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье приведены различные способы толкования понятия «диффамация», приведены примеры правоприменительной практики, принята попытка дать свое определение понятию «диффамация».

Ключевые слова: диффамация, клевета, сведения, честь, достоинство, деловая репутация.

The institute of defamation

Timchenko Yaroslava Igorevna, student;

Shanina Julia Vladimirovna, student;

Supervisor: Gavrilov Vladimir Nikolaevich, candidate of judicial sciences, associate Professor
Saratov State Academy of Law

This article is devoted to the problems of defence of honour, dignity and business reputation from defamation.

Key words: defamation, honour, dignity, business reputation.

Институт диффамации в науке российского гражданского права начал формироваться более ста лет назад еще во времена дореволюционной России. С момента его появления дискуссионным являлся вопрос о том, что необходимо понимать под данным термином. Долгое время диффамация приравнивалась к клевете и носила уголовно-правовой характер. В советское время этот институт попал под угрозу исчезновения, в виду его «буржуазного» происхождения, свое развитие он по-

лучил только на современном этапе, однако и по сей день он не разрешен.

Современные ученые рассматривают термин «диффамация» с различных точек зрения. Так С. В. Потапенко понимал под ним гражданско-правовой деликт, который направлен на умаление чести, достоинства и деловой репутации потерпевшего в глазах здравомыслящих людей в виду распространения о нем порочащих, *не соответствующих действительности* (выделено нами — Я. Т.

и Ю. Ш.) сведений фактического характера, которые являются злоупотреблением свободой слова и СМИ [1]. Противоположной точки зрения придерживаются такие ученые как, М. А. Ковалев, Г. М. Резник, которые полагают, что диффамация — это распространение только *правдивых* (выделено нами — Я. Т. и Ю. Ш.) нелюбимых или сомнительных для репутации, чести и достоинства сведений о физических и юридических лицах. А. М. Эрделевский и Д. А. Самородов, как и ранее в гражданском праве, относят к этому понятию распространение любых порочащих сведений о лицах, вне зависимости от степени их достоверности.

В Гражданском кодексе РФ (далее ГК РФ) [2] понятие «диффамация» не закреплено, оно является доктринальным. При анализе норм ГК можно сделать вывод о том, что, несмотря на отсутствие данного понятия как такового, именно оно раскрывается в ст. 150, ст. 152.

Ответственность за действия диффамационного характера предусмотрена нормами гражданского законодательства. Следует отметить, что такого вида ответственности как «извинение» в РФ не существует. Это обусловлено закреплением в ст. 29 Конституции РФ принципа свобода мысли и слова (п. 3 «никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них»). Несмотря на достаточную строгость норм, предусмотренных за диффамацию, п. 15 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 [3] было установлено, что взыскивание сумм с организаций, выпускающих СМИ не должно привести к их банкротству, («при этом подлежащая взысканию сумма компенсации морального вреда должна быть соразмерна причиненному вреду и не вести к ущемлению свободы массовой информации») [4].

К примеру, в 2000 году газета «Курский вестник» опубликовала статью «Двенадцать стульев из гарнитура губернатора, или как «испарился» из областного бюджета один миллион долларов», где, в частности, на конкретных примерах, подтвержденных документами, раскрываются механизмы «увода» крупными местными чиновниками бюджетных средств из областной казны, а также продемонстрировалась реакция самого губернатора на происходящее. Журналист на этот счет высказал свое мнение: «Нормальный губернатор в такой ситуации наверняка прогонит виноватых с работы, обратится в милицию, прокуратуры и суд, чтобы ущерб бюджету возместить... Но это логика поведения нормального губернатора. А наш (губернатор), получив письмо руководителя КРУ, написал резолюцию, рекомендующую чиновникам списать недостающий миллион на мифический ремонт Администрации области, Домжур, курские магазины...». Виктор Чמודуров закончил статью словами «Не знаю, как у кого, а у меня такое мнение-суждение: губернатор, дающий подобные советы, является ненормальным. Уточню сразу, на случай судебного иска: я говорю о поведении должностного лица, а не о личности Руцкого, до которой мне нет никакого дела». Руцкой решил, что сведения, изложенные

в статье, порочат его честь, достоинство и деловую репутацию, и оценил ущерб, причинный публикацией, в 250 тыс. рублей.

В суде журналисту удалось доказать, что опровергаемые истцом сведения соответствуют действительности. Однако иск Руцкого был частично удовлетворен, в виду того, что оценочное мнение журналиста было выражено *в грубой форме*.

Тем не менее, рассмотрев данное дело, Европейский суд, 31 июля 2007 года, принял решение, что критические оценочные суждения журналиста, высказанные в спорной статье, имеют серьезную *фактологическую основу*, факты, приведенные журналистом в публикации, *не были оспорены* самим Руцким. ЕС подчеркнул, что при рассмотрении дела российский суды, по сути, проигнорировали контекст публикации, ее общественную значимость и дали *неверное толкование слову* «ненормальный», тем самым необоснованно ограничив право журналиста на свободу выражения мнения. Сведения, в отличие от оценочных суждений, поддаются подтверждению или опровержению. Мнение журналиста субъективно и не может соответствовать или не соответствовать действительности. Не существует критериев, которые могли бы применяться для оценки степени правдивости мнения. Именно поэтому, право на выражение мнения охраняется Конституцией, как неотъемлемое и незабываемое право каждого [5].

Исходя из приведенного выше, можно сделать вывод о том, что в связи с недостаточной определенностью диффамации, в рамках гражданского судопроизводства, возникают проблемы в правоприменительной практике. Нельзя относить к диффамации достоверные сведения и оценочные суждения, носящие *общественно важный* характер.

Согласно УК РФ под клеветой понимается распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (ст. 129). Это относится и к сведениям, распространенным в сети Интернет. Так, указанным уже выше Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 было установлено, что судам следует иметь в виду, что в случае, если не соответствующее действительности порочащие сведения были размещены в сети Интернет на информационном ресурсе, зарегистрированном в установленном законом порядке в качестве СМИ, при рассмотрении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо руководствоваться нормами, относящимися к СМИ [6].

Так Арбитражный суд Свердловской области по иску ЗАО «ЭКОС» к обществу ООО «БГ» ссылаясь на ст. 152 ГК РФ, так же исходил из Постановления Пленума ВС РФ, разъясняющего, что под распространением сведений, порочащих честь, достоинство граждан и деловую репутацию юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других

СМИ, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, адресованных должностным лицам или сообщение в той или иной, в том числе устной форме хотя бы одному лицу. Рассмотрев дело по существу суд признал не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию ЗАО «Экос» сведения, распространенные ООО «БГ» и Неплюевой И. Ю. в информационной телекоммуникационной сети общего пользования «Интерне» на сайте электронного периодического издания «Правда» в статье от 23.12.2013 «Судьбу властей Нефтеюганска доверили прокуратуре». Суд постановил взыскать в пользу ЗАО «Экос» по 100т. р. с ООО «БГ» и Неплюевой И. Ю.) [7].

Диффамационным иском так же можно считать иск о защите деловой репутации реорганизованной фирмы, поданный ее правопреемником. Верховный суд РФ не согласен с тем, что деловая репутация общества не влияет на репутацию юридических лиц, созданных в результате его разделения, т. к. новые юридические лица ведут деятельность в той же экономической сфере, в которой работало реорганизованное общество. Они используют активы, полученные в порядке правопреемства [8].

В этой связи, мы считаем необходимым, на законодательном уровне, закрепить понятие «диффамация». Это не только упростит правоприменительную практику, но и позволит суду в дальнейшем избежать коллизий, связанных

с применением данного института. При этом, исходя из вышесказанного находим, что понятие «клевета» и «диффамация» не являются тождественными. Несмотря на то, что многие авторы относят клевету, как составляющую института диффамации, на наш взгляд нельзя относить к диффамации распространение сведений заведомо ложного характера. Мы определяем понятие «диффамация», как распространение не заведомо ложных, а также правдивых нелюбопытных или сомнительных сведений, порочащих честь, достоинство граждан и деловую репутацию юридических лиц.

Относя к этому понятию распространение любых порочащих сведений о лицах вне зависимости от степени их достоверности, мы исходим из того, что действия диффамационного характера не ограничиваются сферой конкретной отрасли права. Ответственность за действия диффамационного характера, предусмотрена как уголовным, так и гражданским законодательствами. Нельзя говорить об их отсутствии в виду не соответствия распространяемых сведений действительности, они в любом случае будут нарушать право как физических лиц на честь, достоинство и деловую репутацию, так юридических — на деловую репутацию. Посему не можем согласиться с мнением Г. М. Резника и М. А. Ковалёва. Не можем мы согласиться и с мнением С. В. Потапенко, так как находим, что распространение даже соответствующих действительности сведений может причинить значительный моральный и репутационный вред.

Литература:

1. Шабанов, В. В. Понятие диффамации [Электронный ресурс]//Вектор науки ТГУ. — 2010. — № 3(3). — URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media61819/78%20Sabanov.pdf (дата обращения: 14.04.2016).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.01.2016) // СЗ РФ. 1994, № 32. Ст. 3301; 2016. № 14. Ст. 1906.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // БВС РФ. 2005. № 4
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Информационно-правовой портал «ГАРАНТ. РУ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/71100882/свободный> — (дата обращения: 15.04.2016).
5. Постановление Европейского Суда по делу «Чемодуров против России» // Дело «Чемодуров против России». База данных Российской судебной практики по информационному праву. 31.07.2007. URL: http://phdru.com/a_spirants/dissertation/webresource/ (дата обращения: 14.04.2016).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24. февраля. 2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Информационно-правовой портал «ГАРАНТ. РУ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/12138961/>, свободный — (дата обращения: 15.04.2016).
7. Гражданское дело № А33—19382/05-Ф02—5935/09-С2 // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» — (дата обращения: 14.04.2016).
8. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г.). Информационно-правовой портал «ГАРАНТ. РУ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/703041/>, свободный — (дата обращения: 14.04.2016).

Модели регулирования лоббистской деятельности

Чечеткина Александра Евгеньевна, студент

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

Одна из основных целей управления — это координация и регулирование процессов, протекающих между субъектом и объектом управления. Когда в качестве субъекта управления выступает государство, а в качестве объекта общества, представленное различными интересами социальных групп, важно, чтобы государственные решения являлись результатом системного и сбалансированного участия всех заинтересованных лиц. Актуализация данного вопроса обусловлена активным участием различных групп интересов в формировании и реализации основных направлений государственной политики. Вопрос о взаимоотношениях государственных органов с группами интересов изучается в рамках проблематики лоббирования.

Выступая общественным институтом, обеспечивающим диалог государственных органов и различных социальных групп, лоббирование требует нормативной регламентации. На данный момент в современной зарубежной практике сложились две модели правового регулирования лоббистской деятельности — англосаксонская (США, Канада и др.) и континентальная (Франция, Германия и др.).

Англосаксонской модели регулирования лоббистской деятельности присуще наличие единого специального закона о лоббировании в стране. На сегодняшний день такие законы есть в США Канаде, Австралии.

Особенностью данной модели является то что она представляет собой развивается трехзвенная схему лоббирования интересов: группа интересов — посредник (профессиональный лоббист) — законодатель (см. схема 1). В такой модели группы давления не допускаются к рычагам власти и вынуждены действовать через посредников, деятельность которых в свою очередь жестко регулируется законодательством, которое определяет:

1. лиц, имеющих право осуществлять лоббистскую деятельность;
2. порядок регистрации лоббистов;
3. механизм взаимодействия лоббистов с органами власти;
4. санкции за нарушение порядка введения лоббистской деятельности.

Рис. 1. Трехзвенная модель лоббирования

Классическим примером осуществления трехзвенной модели регулирования лоббирования считаются Соединенные Штаты Америки. Американская модель регулирования лоббирования базируется на идее посредничества: группы интересов не могут напрямую участвовать в политической жизни, для этой цели им необходимо прибегать к услугам специальных посредников — профессиональных лоббистов, деятельность которых подвергается жесткому и многостороннему контролю со стороны государства.

Законодательное регулирование лоббирования в США имеет глубокие корни, которые формировались под влиянием ряда объективных факторов [1, с. 56]. Первый шаг к специальному правовому регулированию деятельности заинтересованных групп был сделан в 1876 года, когда Палата Представителей Конгресса США приняла специальную резолюцию, требующую регистрации лоббистов у клерка палаты. Резолюция гласила: «все лица и кор-

порации, нанимающие советников или агентов с целью представлять их интересы в связи с любым актом, в любое время рассматриваемым данной палатой или любым ее комитетом, должны называть клерку палаты фамилию и указывать полномочия такого советника или агента; и никакое лицо, фамилия и полномочия которого не доложены таким образом, не может появляться в качестве советника или агента в каком бы то ни было комитете этой палаты». В 1946 году Конгресс принял первый в мире федеральный закон «О регулировании лоббирования», в соответствии с которым все лица, занимающиеся лоббистской деятельностью, были обязаны официально заявить о себе и пройти регистрацию в нижней палате Парламента.

В настоящее время на федеральном уровне действует Закон о раскрытии лоббистской деятельности 1995 г., заменивший устаревший к тому времени Закон о регистрации лоббистов 1946 г. Особенностью данного закона

является то, что его действие распространилось на лоббирование не только в Конгрессе, но и исполнительных органов власти.

На федеральном уровне регистрацией лоббистов занимается Министерство юстиции, при этом лоббист обязан также встать на учет у секретаря Сената США и клерка Палаты представителей Конгресса США.

В Канаде регулирование лоббирования находится в совместном ведении федерации и провинций — законы приняты как на федеральном и региональном (провинциальном) уровне. Совокупность этих законов вместе с рекомендательными нормами кодексов поведения и этики лоббистов является лоббистским законодательством Канады. Основным нормативным актом, регулирующим лоббирование в Канаде, является федеральный Акт о лоббизме, который был принят в 1988 году]. Главная задача лоббистского законодательства в Канаде — обязать лоббистов регистрироваться, внося сведения в специальный реестр.

Закон 1989 года подробно описывает процедуру регистрации лоббистов, устанавливая порядок представления и объем сведений, необходимых лоббисту при регистрации, сроки регистрации и перерегистрации (в целях актуализации сведений), ответственность за нарушения требований Закона, а также общие правила организации и ведения федерального реестра лоббистов.

Для контроля за федеральной системой регистрации предусмотрена должность Уполномоченного по лоббированию. Это независимое от исполнительной власти должностное лицо назначается обеими палатами канадского парламента сроком на семь лет и обязано представлять ежегодные отчеты о своей деятельности в парламент.

Таким образом, главным достоинством канадской системы регулирования лоббирования можно назвать то, что регистрация лоббистов, предусматривает строгую ответственность и предоставляет удобную бесплатную систему регистрации и отчетности. Организация независимого от сильной в Канаде исполнительной власти контроля — должности Уполномоченного по лоббизму — также является положительным опытом.

Практика законодательного регулирования деятельности групп интересов в Австралии имеет многолетнюю историю, начиная с принятой в 1983 году «Программы регистрации лоббистов». На сегодняшний день действуют

два ключевых блока законов, которые регулируют деятельность лоббистов с двух сторон: во-первых, в области прав и обязанностей депутатов и чиновников и, во-вторых, с точки зрения порядка регистрации и основ законной деятельности лоббистов.

Многочисленные кодексы поведения и этики членов Парламента, министров и министерских служащих, которые приняты в каждом штате Австралии, регламентируют права и обязанности парламентариев министров, государственных служащих и даже членов их семей. В частности, им запрещается использовать служебное положение в личных целях, не рекомендуется иметь по линии государственной службы пересечения со сферой деятельности ближайших родственников. Вновь избранных парламентариев обязуют заявить об области своих интересов в определенный срок у клерка каждой из палат парламента, в противном случае штраф может достигать 10 тысяч долларов. Такая информация фиксируется в регистре интересов, который ведется отдельно в каждом штате.

Второй блок законов, принятых в каждом штате Австралии — это «Правила поведения и порядок регистрации лоббистов». Здесь речь идет о регулировании деятельности субъектов лоббирования. Лоббистами могут быть физические лицо, компания или организация, которые в предусмотренном законом порядке должны сообщить свои регистрационные данные, своего клиента, текущие лоббистские контакты и область интересов, в которой они взаимодействуют с представителями власти. В июле 2008 года в Австралии запущен Реестр лоббистов. По состоянию на 23 сентября 2015 г. в нем содержится информация о 253 лоббистских организациях, 588 индивидуальных лоббистах и 1663 клиентах [2].

Таким образом, англосаксонская модель регулирования лоббирования направлена на контроль за деятельностью лоббистских групп, отделяя их от власти и трансформируя в социально-политический институт.

В отличие от англосаксонской основа континентальной модели заключается в том, что законодатель предпочитает регулировать не деятельность групп интересов, а работу политиков и государственных служащих, представляя собой двухзвенную модель. В данном случае группы интересов имеют возможность на прямую влиять на представителей власти.

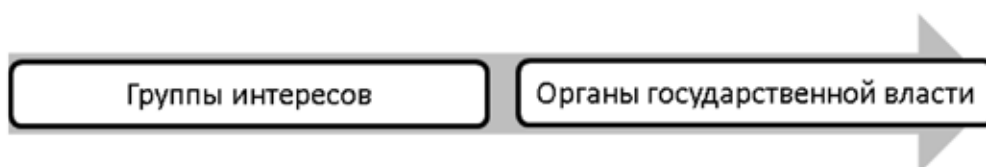

Рис. 2. Двухзвенная модель лоббирования

Такая модель применяется в Великобритании, которая является государством с одним из самых либеральных

подходов к вопросу регулирования лоббирования, так как оно считается столь же естественным институтом, как и

парламент. Этому способствует устоявшаяся практика проведения слушаний в Парламенте. Доступ в лобби и на галереи Парламента во время заседания палат за редким исключением открыт для всех заинтересованных лиц. В Палате общин и Палате лордов ведется подробный финансовый реестр членов Парламента, в котором фиксируются сведения обо всех договорных отношениях между парламентариями и консультантами, представителями консалтинговых компаний и юридических фирм.

Непосредственным регулированием отношений государственных служащих, депутатов и лоббистов занимается созданный в 1994 году при премьер-министре Дж. Мейджоре Комитет по стандартам публичной сферы. В первом отчете Комитета 1995 года был определен ряд принципов, обязательных для соблюдения членами парламента и государственными служащими:

1. парламентариям разрешается заниматься работой, не связанной с их парламентскими должностными обязанностями;
2. член парламента не имеет права получать вознаграждение от заинтересованных лиц за свою профильную работу;
3. парламентарий не должен выносить на обсуждение вопросы, затрагивающие задекларированный им интерес;
4. член парламента может давать платные консультации;
5. приоритетом для парламентария служит общественный интерес;
6. член парламента обязан сообщать о своих интересах путем их внесения в ежегодно публикуемый Register of Interests, при этом все вознаграждения, полученные от представительства таких интересов, он должен декларировать и т. п.

Также по рекомендации Комитета был разработан и принят в 1996 г. Кодекс поведения и комментарий к правилам поведения членов Парламента, содержащий семь принципов публичного поведения парламентариев, которые пересматриваются с формированием каждого нового депутатского корпуса.

Таким образом, законодательство Великобритании не запрещает парламентариям выступать в качестве консультантов-лоббистов и дает четкий механизм разрешенного взаимодействия с группами интересов, главный принцип которого — открытость и этичность поведения.

Во Франции лоббистская деятельность долгое время была вне закона, поскольку считалось, что правительство должно отстаивать только общенациональные интересы. Вопрос о регулировании лоббирования встал только в начале 1980-х годов. Все больше французских предприятий пытается организовать свои собственные лобби, путем создания собственных отделов связей с общественностью.

Первым шагом к правовому регулированию лоббирования во Франции стало принятие в 1884 году Закона о свободе союзов, который способствовал защите «цеховых интересов» лоббистов. В 1991 году была создана Ассо-

циация советов, на практике осуществляющая лоббирование по интересам, целью которого стало регулирование системы отношений государства и представителей заинтересованных групп [1, с. 70].

В настоящее время процесс регулирования лоббистской деятельности во Франции все еще развит крайне слабо. В частности:

1. нет никакого отрегулированного доступа к французским государственным учреждениям, также как и регистра;
2. члены парламента при голосовании, политических дискуссиях и пр. не должны объявлять свои интересы;
3. список помощников членов парламента не является общественным;
4. нет никакого правила регулирующего консультации заинтересованных групп с Парламентом и Правительством;

Вполне правомерно сделать вывод о том, что на сегодняшний день во Франции легализация лоббистской деятельности представляется не актуальной и во многом уступает качественному уровню продвижения интересов в США, Великобритании и ФРГ.

В Германии конституционные основы лоббистской деятельности закреплены в статье 17 Основного закона Федеративной Республики Германия: «Каждый имеет право, как отдельно, так и вместе с другими лицами, обращаться письменно с просьбами или жалобами в компетентные инстанции и в народные представительства» [1, с. 67]. При этом немцы предпочитают рассуждать не о лоббировании, а о «группах по интересам, «заинтересованных группах» или «группах, представляющих интересы».

В Германии нет единого федерального закона о лоббистской деятельности, однако имеется целый ряд документов, регулирующих лоббистскую деятельность. К таким документам в первую очередь следует отнести:

1. «Единое положение о федеральных министерствах». Согласно данному положению участие экспертов из заинтересованных профессиональных союзов и ассоциаций разрешено в работе по разработке законопроектов в федеральных министерствах. Таким образом, в ФРГ также предусмотрен лоббизм на уровне исполнительной власти;
2. «Регламент деятельности Бундестага». Согласно регламенту участие экспертов из заинтересованных профессиональных союзов и ассоциаций разрешено в деятельности германского парламента;
3. «Кодекс поведения члена Бундестага». Он был принят в 1972 году. Он предоставляет право депутатам заниматься за вознаграждение проблемами, выносимыми на обсуждение комитетов парламента. Перед началом слушаний в комитете они обязаны «объявить о своей заинтересованности». Кодекс также обязывает каждого депутата обнародовать в установленном порядке информацию о том, с какими лоббистскими организациями данный депутат в настоящее время взаимодействует.;
4. «Положение о регистрации союзов и их представителей при Бундестаге» было принято в 1972 году. Поло-

жение предусматривает открытую публикацию лоббистского списка, где указываются все союзы, ассоциации и объединения, получившие официальный доступ к ведомствам федерального правительства и комитетам парламента.

Согласно данным положениям лоббист обязан зарегистрироваться, чтобы иметь возможность принять участие в работе профильных комитетов Бундестага. Общедоступность информации о лоббисте и наличие его в

перечне, является своеобразной рекламой, говорящей об открытости и добросовестности организации, а также позволяющей получить определенные конкурентные преимущества по сравнению с другими претендентами.

В целом континентальная модель регулирования лоббистской деятельности основывается на контроле за деятельностью членов парламента и государственных служащих.

Литература:

1. Любимов, А.П. История лоббизма в России. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. — 2008 с.
2. К вопросу о регулировании лоббирования в Австралии // Электронные журналы. URL: (дата обращения: 12.04.2016).

Проблемы проведения процедуры финансово-экономической экспертизы нормативно-правовых актов Контрольно-счетной палатой

Чумакова Юлия Александровна, магистрант
Тюменский государственный университет

В статье исследуются проблемы исполнения контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации положений Федерального закона от 07.02.2011 г. № 6-ФЗ касательно проведения финансово-экономической экспертизы нормативно-правовых актов. В соответствии с законом, контрольно-счетный орган является постоянно действующим органом государственного финансового контроля, в основные полномочия которого входят:

1. контроль за исполнением бюджета субъекта;
2. экспертиза проектов законов;
3. проверка годового отчета об исполнении бюджета субъекта;
4. осуществление контроля за, результативностью (эффективностью и экономностью) использования средств бюджета субъекта Российской Федерации;
5. финансово-экономическая экспертиза проектов законов субъекта Российской Федерации и нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации;
6. подготовка информации о ходе исполнения бюджета субъекта Российской Федерации);
7. участие в мероприятиях, направленных на противодействие коррупции [1, 2].

В настоящее время, в ситуации обострения коррупционных действий, несомненно следует уделять огромное внимание экспертизе правовых актов на предмет соответствия действующему законодательству и возможного возникновения коррупциогенных факторов. Таковыми факторами являются положения проектов нормативных актов которые устанавливают необоснованно широкие возможности личного вмешательства, использование ис-

ключений, а также условия, которые содержат трудновыполнимые требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции. Финансовая экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов, сравнительно молодое направление, призванное исключить рост коррупции, привести в порядок действующее законодательство и создаваемые проекты нормативных актов. Появление финансовой экспертизы, поясняется особым акцентом на профилактике именно коррупционных правонарушений. При проведении подобных экспертиз следует учитывать значимость исследуемых правовых актов и уже существующие прецеденты [6, 8].

Согласно положению статьи 9 Федерального закона от 07.02.2011 г. № 6-ФЗ, контрольно-счетная палата уполномочена проводить финансово-экономическую экспертизу финансово-экономическая экспертиза проектов законов субъекта Российской Федерации и нормативно-правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации [1, 3].

Финансовая экспертиза — это изучение, анализ и оценка проекта муниципального правового акта на предмет его соответствия нормам действующего законодательства, результатом которой является выработка предложений и рекомендаций [2].

Целью экспертизы законов и иных нормативно-правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, является оценка с финансово-экономической точки зрения целей, задач, способов регулирования, исполнимости обязательств и возможных

последствий в процессе исполнения принятого нормативно-правового акта [12, 14].

При проведении **проверки** проекта нормативно-правового акта задача усложняется и возникают определенные проблемы. Необходимо тщательно проанализировать финансовые инструменты, используемые для решения поставленной задачи, сделать вывод о возможности достижения значимого экономического, социального или иного эффекта.

Важнейшим моментом является применение верно составленных методик для проведения экспертиз нормативно-правовых актов. В таких методиках подробно излагаются инструменты, которыми должны пользоваться эксперты, по каким параметрам должна проводиться проверка нормативного акта, какими правовыми актами должны руководствоваться эксперты при проведении экспертизы. Необходимым моментом должно быть указание на ответственность за нарушение правил проведения экспертизы нормативно-правового акта [9, 10].

Показатели, используемые в методике должны иметь формулировку, которые исключают применение различных характеристик, источников данных применяемых в процессе расчетов и как следствие получение различных результатов расчетов. В противном случае в заключении следует указать на недостатки методики, приводящие к невозможности сделать финансово-экономическую экспертизу законопроекта [13, 12].

Результатом проверки должна стать оценка проекта нормативного правового акта, и обоснованности финансово-экономического обоснования принятия акта, выраженная в заключении контрольно-счетного органа. Наряду с такой оценкой заключение должно содержать вывод о возможности рассмотрения и принятия проекта нормативного правового акта, а также предложения по устранению выявленных недостатков [4].

Для проведения финансово-экономической экспертизы требуется не только текст исследуемого проекта нормативно-правового акта, но и необходимо иметь четкое представление о целях его разработки и принятия, о задачах, обеспечивающих достижение целей, потенциальных результатах его принятия и исполнения, а также ресурсах, необходимых для достижения запланированного результата [12].

Поскольку проекты нормативно-правовых актов должны поступать на экспертизу вместе с финансово-экономическими обоснованиями, то технологически финансово-экономическая экспертиза должна состоять из 2 частей:

1. экспертиза самого проекта нормативно-правового акта;
2. экспертиза финансово-экономического обоснования проекта [6].

При анализе стандартов проведения финансово-экономических экспертиз контрольно-счетных палат субъектов РФ, удалось выявить следующие параметры исследования нормативно-правовых актов:

1. цели принятия правового акта;

2. определение проблемы, решение которой обеспечивается в связи с принятием и реализацией нормативного правового акта, актуальность этой проблемы;

3. способ решения проблемы, возможность ее решения предлагаемым способом, наличие альтернативных, менее затратных для бюджета или более результативных способов решения;

4. ожидаемый экономический, социальный эффект от реализации нормативно-правового акта;

5. риски не получения запланированного результата, возможные негативные последствия принятия нормативно-правового акта [2, 3].

Несомненно, на различных стадиях проведения финансово-экономической экспертизы, препятствуют качественному проведению определенные проблемы. Одной из первых и наиболее самых важных является отсутствие общих законодательно закрепленных задач, функций и принципов экспертной деятельности, четкого разграничения от смежных видов деятельности, что привело к смешению экспертной и управленческой деятельности, пробелам нормативного регулирования процесса экспертной деятельности [11].

Существенной проблемой можно считать определение и законодательное закрепление параметров, закрепляющих статус эксперта, проводящего проверку нормативно-правового акта. Эксперт, находящийся в материальной, служебной, родственной или какой-либо иной зависимости от заказчика или другого участника экспертной деятельности, — заинтересованная сторона, что несомненно исключает объективность проводимой экспертизы нормативного правового акта. Имеет место проблема персональной ответственности за предоставление заведомо ложного заключения по результатам проведенной экспертизы нормативных правовых актов. Необходимо увеличить персональную ответственность лица, производящего экспертизу [7, 10].

Деятельность по экспертизе нормативных достаточно специфична, поэтому появляется проблема обеспечения контрольного органа компетентными кадрами. Следует осуществлять подготовку специалистов рамках существующих образовательных программ, с уклоном к экспертной деятельности, а также проводить курсы повышения квалификации в виде семинаров по проблемам юридической техники.

Предлагаемые пути решения проблем в области экспертизы нормативных правовых актов будут способствовать повышению эффективности экспертной деятельности, а это, в свою очередь, позволит принимать качественные нормативные правовые акты [14].

Перед контрольно-счетным органом стоит ряд задач, который необходимо решить, чтобы исполнить установленные полномочия по проведению финансово-экономической экспертизы. К числу основных задач относятся:

- 1) выработку системы поступления проектов законов в контрольно-счетный орган. Следовательно, необходимо проявить инициативу по включению этой процедуры

в регламенты соответствующих органов государственной власти субъекта Российской Федерации, в региональные правовые акты о бюджетном процессе, о программном и стратегическом планировании, о правовых актах и т. д.;

2) формирование в контрольно-счетном органе специального подразделения, укомплектованного квалифицированными кадрами, способными проводить финансово-экономическую экспертизу поступивших проектов

самостоятельно либо организовать ее проведение с привлечением экспертных организаций. Для качественного проведения экспертизы квалификация этих специалистов должна быть выше, чем у тех, кто эти проекты составляет;

3) формирование и поддержание в актуальном состоянии необходимого методического инструментария — стандартов, методик, регламентов проведения финансово-экономической экспертизы [12].

Литература:

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 № 6-ФЗ (ред. от 04.03.2014) «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 903; Справочно-правовая система Консультант плюс.
2. Федеральный закон от 5 апреля 2013 № 41-ФЗ (ред. от 27.10.2015) «О Счетной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1649; Справочно-правовая система Консультант плюс.
3. Федеральный закон от 6 октября 2003 № 131-ФЗ (ред. от 15.05.2016) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822. Справочно-правовая система Консультант плюс.
4. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 09.03.2016) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. с. 776; Справочно-правовая система Консультант плюс.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Справочно-правовая система Консультант плюс.
6. Приказ Минюста Российской Федерации от 4 октября 2013 г. № 187 «Об утверждении Порядка организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, проектов нормативных правовых актов и иных документов структурными подразделениями Министерства юстиции Российской Федерации» // (Зарегистрировано в Минюсте РФ 11 октября 2013 № 30156) // Справочно-правовая система Консультант плюс.
7. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195 — ФЗ (ред. от 03.05.2012) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. с. 1; Справочно-правовая система Консультант плюс.
8. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (ред. от 21.10.2013) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609; Справочно-правовая система Консультант плюс.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 (ред. 18.07.2015) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 10. с. 1084; Справочно-правовая система Консультант плюс.
10. Приказ Минюста Российской Федерации от 1 апреля 2010 № 77 «Об организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и уставов муниципальных образований» // (Зарегистрировано в Минюсте РФ 12 апреля 2010 № 16868); Справочно-правовая система Консультант плюс.
11. Двуреченских, В. А. Основы государственного аудита. — М.: Патриот, 2011. — 352 с.
12. Егоров, И. И., Бармин А. А. Оценка эффективности работы контрольно-счетных органов муниципальных образований // Вестник АКСОР. — 2009. — № 3. — с. 22-27.
13. Клюковская, И. Н., Р.К. Мелекаев. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов // Следователь. — 2014. — № 5. — с. 22-34.
14. Соколов, А. Ф. Правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Следователь. — 2014. — № 6. — с. 36-37.

Правотворческая деятельность Центрального банка Российской Федерации

Швачко Кристина Сергеевна, магистрант

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье анализируется правотворческая деятельность Банка России, выделяются признаки нормативных актов Банка России, обосновывается необходимость внесения изменений в подзаконный акт Центрального банка Российской Федерации в целях приведения его в соответствие с законодательными положениями.

Ключевые слова: правотворческая деятельность, Банк России, нормативный правовой акт, вступление в законную силу.

Правотворческая деятельность Центрального банка Российской Федерации осуществляется по нескольким направлениям. Прежде всего, в соответствии со статьей 7 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» Банк России полномочен издавать нормативные правовые акты, которые:

- принимаются по вопросам, отнесенным к его компетенции в соответствии с нормами федеральных законов; соответственно, не могут противоречить Конституции Российской Федерации, федеральным законам;

- содержат нормы права;
- рассчитаны на неоднократное применение;
- имеют форму указаний, положений и инструкций;
- обязательны для всех органов публичной власти, физических и юридических лиц;
- в законодательно определенных случаях подлежат государственной регистрации [1].

Не признаются нормативными правовыми актами Банка России акты, имеющие распорядительный характер (например, о назначении или освобождении от занимаемой должности); акты толкования права (если толкование правовых предписаний отнесено к компетенции Банка России); акты, содержащие технические нормы.

Порядок подготовки и опубликования нормативных актов Банка России определены соответствующими Правилами, утвержденными самим Центральным банком Российской Федерации [2].

Указание представляет собой нормативный акт Банка России, в котором содержатся:

- отдельные правила по вопросам, отнесенным к компетенции Центрального банка Российской Федерации;
- правовые предписания об изменении или дополнении действующего нормативного правового акта;
- указания об отмене нормативного акта Банка России как в целом, так и в части отдельных правил.

Положение Банка России представляет собой нормативный акт, в котором содержится система правил поведения по вопросам, отнесенным федеральными законами к компетенции ЦБ РФ.

Инструкция Банка России отличается тем, что, в отличие от указаний и положений, содержит правовые предписания, определяющие порядок применения феде-

ральных законов, актов Банка России, то есть норм процессуального права.

Правилами Банка России четко определен круг лиц, имеющих право внести предложения о подготовке нормативного акта Банка России. Это могут быть члены Совета директоров Банка России, заместители Председателя Банка России, руководители территориальных учреждений Банка России; руководители структурных подразделений центрального аппарата Банка России (по согласованию с курирующим заместителем Председателя Банка России).

Интересно, что Председатель Банка России и члены Совета директоров Банка России могут вносить предложения, как в устной, так и в письменной форме. Все остальные субъекты обязаны представлять служебные записки, обосновывающие, в частности, необходимость принятия нового акта; последствия его вступления в силу; содержащую информацию о предполагаемом структурном подразделении, ответственном за подготовку нормативного акта.

Подготовка нормативного акта Банка России производится на основании Приказа или поручения Председателя Банка России; лица, его замещающего; решения Совета директоров Банка России. После согласования в установленном порядке подготовленного проекта он поступает на подпись Председателю Банка России или рассмотрение Совета директоров Банка России.

Интересно, что подзаконным актом Банка России предусмотрена возможность направления проекта акта Банка России на обсуждение и дачу экспертизы в научно-исследовательские и иные организации. Реализация данного положения, несомненно, позволяет повысить качество правотворческой деятельности Банка России; а также роль науки в механизме правового регулирования финансовых отношений.

Проекты нормативных актов Банка России делятся на две категории: проекты, подлежащие обязательному и не обязательному рассмотрению на заседании Совета директоров Банка России. Последние рассматриваются Председателем Банка России, который вправе:

- подписать нормативный акт Банка России;
- вернуть его на доработку;
- отклонить;
- направить на рассмотрение в Совет директоров.

Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» установлен перечень проектов нормативных актов, принятие которых отнесено к исключительной компетенции Совета директоров Банка России. В него входят, в частности, проекты нормативных актов, вводящие прямые количественные ограничения; устанавливающие порядок формирования резервов кредитных организаций; определяющие порядок выпуска банкнот и монет Банка России нового образца.

Совет директоров Банка России по итогам обсуждения проекта нормативного акта вправе принять одно из следующих решений:

- принять нормативный акт Банка России без замечаний и передать его на подпись Председателю Банка России;
- принять нормативный акт Банка России с замечаниями редакционного характера;
- одобрить в целом подготовленный проект, направить его на доработку;
- отклонить в целом проект.

Принятый Советом директоров нормативный акт Банка России подписывается Председателем Банка России и ответственным секретарем Совета директоров.

Принятые нормативные акты Банка России подразделяются на две категории:

- подлежащие обязательной государственной регистрации в порядке, установленном для государственной регистрации нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти;
- не подлежащие обязательной государственной регистрации.

Перечень последних четко определен нормами Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». К ним, в частности, относятся нормативные акты, определяющие курсы иностранных валют по отношению к рублю; нормы обязательных резервов кредитных организаций; нормы обязательных резервов некредитных финансовых организаций. По общему правилу не подлежат государственной регистрации нормативные акты Банка России, которые не затрагивают права и свободы человека и гражданина; не имеют межведомственного характера; не определяют правовой статус организаций.

Государственная регистрация нормативных актов Банка России, как и нормативных актов органов исполни-

тельной власти, осуществляется Министерством юстиции. Она включает в себя правовую и антикоррупционную экспертизу, а также проведение иных необходимых действий [3].

Нормативные акты Банка России подлежат официальному опубликованию в официальном издании Банка России — журнале «Вестник Банка России» или на официальном сайте Банка России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (www.cbr.ru).

В соответствии со статьей 7 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» нормативные акты Банка России вступают в силу по истечении 10 дней после дня их официального опубликования, за исключением случаев, установленных Советом директоров. В то же время Правилами подготовки нормативных актов Банка России определен иной срок — подзаконным актом установлено, что нормативные акты Банка России начинают действовать с момента их официального опубликования.

Данное положение противоречит правовым предписаниям, содержащимся в статье 7 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», создает реальную угрозу понимания финансового права как высшей социальной ценности [4]. Поэтому необходимо внести изменения и привести в соответствие с законодательными требованиями. Предлагается пункт 6.1. Положения Банка России «О порядке подготовки и вступления в силу нормативных актов Банка России» изложить в следующей редакции:

«6.1. Нормативные акты Банка России вступают в силу по истечении 10 дней после дня их официального опубликования в официальном издании Банка России («Вестнике Банка России»), за исключением случаев, предусмотренных подпунктами 6.1.1 и 6.1.2 настоящего Положения».

Деятельность Банка России как субъекта правотворческой деятельности не ограничивается только правомочиями по принятию подзаконных нормативных актов. К его компетенции так же относится дача заключений по всем проектам федеральных законов, а также нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, касающихся выполнения Центральным банком РФ своих функций. В связи с чем важным представляется разработка критериев эффективной формы выражения правовых предписаний Центрального банка Российской Федерации [5].

Литература:

1. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СПС «Консультант Плюс».
2. Положение Банка России «О порядке подготовки и вступления в силу нормативных актов Банка России»: утв. Приказом Банка России от 15.09.1997 № 02-395 (ред. от 24.06.1998, с изм. от 18.04.2002) // СПС «Консультант Плюс».
3. См.: Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 27.08.2015) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной

регистрации»// Собрание законодательства РФ. 1997. № 33. Ст. 3895; Собрание законодательства РФ. 2015. № 6. Ст. 965.

4. См.: Мирошник С. В. Право в современном понимании// Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2.
5. См.: Мирошник С. В. Источник права и форма права: соотношение понятий// Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5.

О соотношении банковского контроля и надзора в деятельности Банка России

Швачко Кристина Сергеевна, магистрант

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье анализируется деятельность Банка России как органа банковского надзора. Автор приходит к выводу о том, что банковский надзор шире банковского контроля. Надзорная деятельность ЦБ РФ, в отличие от контрольной, имеет стратегический характер, поскольку направлена на обеспечение стабильного функционирования и развития банковской системы Российской Федерации.

Ключевые слова: банковская система, банковский надзор, банковский контроль, кредитные организации.

С 2013 года финансово-правовой статус Банка России существенно изменился, он стал мегарегулятором [1]. Сегодня к компетенции главного банка страны отнесены вопросы правового регулирования финансового рынка, контроля и надзора кредитных и некредитных финансовых организаций.

Контрольно-надзорная деятельность Банка России представляет собой его активные и пассивные действия, направленные на обеспечение режима законности во всех сферах финансового рынка. Для ее осуществления Банк России наделен широким кругом государственно-властных полномочий.

Контрольно-надзорная деятельность Банка России относится к числу его основных функций. При этом в соответствии с Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» ЦБ РФ осуществляет надзор работы кредитных и некредитных финансовых организаций [2].

Надзорные полномочия Банка России в отношении кредитных организаций выполняет Комитет банковского надзора [3]. Возглавляет данное подразделение ЦБ РФ председатель Комитета, который назначается Председателем Центрального банка Российской Федерации из числа членов Совета директоров Банка России.

В Комитет банковского надзора входят руководители структурных подразделений ЦБ РФ, к функциям которых отнесено банковское регулирование и банковский надзор. Персональный состав утверждается Приказом Банка России.

К компетенции Комитета банковского надзора отнесены вопросы совершенствования методологии банковского надзора, мониторинга кредитных организаций. Именно Комитет банковского надзора принимает ре-

шения о государственной регистрации кредитных организаций; выдаче генеральных лицензий; аннулировании и отзыве банковских лицензий; применении мер воздействия в случае выявления нарушений банковского законодательства, нормативных актов Банка России.

На заседании Комитета банковского надзора, которые проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в месяц, обсуждаются проекты нормативных актов Банка России, принятие которых может повлиять на механизм правового обеспечения банковской деятельности и банковского надзора. Решения принимаются большинством голосов. При этом член Комитета, который не согласен с принятым решением, имеет право изложить особое мнение в письменном виде, в дальнейшем оно приобщается к принятому решению. По общему правилу решения Комитета банковского надзора должны быть выполнены в течение одного месяца.

Банковский надзор осуществляется в трех формах: предварительной, текущей и последующей, что позволяет обеспечить непрерывность и эффективность контрольно-надзорной деятельности Банка России.

Предварительный банковский надзор осуществляется ЦБ РФ на этапе государственной регистрации кредитной организации и выдаче ей лицензии на осуществление банковских операций. На данном этапе основной задачей банковского надзора является правовая оценка финансового и репутационного положения учредителей банка, а также представленных документов.

Банк России проверяет финансовое положение учредителей кредитной организации (оно должно быть признано удовлетворительным) [4] и соответствие их требованиям деловой репутации [5]; анализирует представленные сведения и документы, перечень которых определен Федеральным законом от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от

29.12.2015) «О банках и банковской деятельности», в том числе выполнение требований, предъявляемых к органам управления кредитной организации [6].

Если учредители кредитной организации имеют удовлетворительное финансовое положение, деловую репутацию; представленные документы, соответствуют нормативным положениям, Банк России, принимает решение, на основании которого налоговые органы вносят запись в единый государственный реестр юридических лиц и сообщают об этом в Центральный банк Российской Федерации.

Контрольная деятельность Банка России на этапе предварительного банковского надзора завершается после 100% оплаты учредителями уставного капитала и выдачи кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций.

Текущий банковский надзор осуществляется в процессе функционирования кредитной организации. Его основными направлениями можно признать:

— проведение контроля соблюдения кредитными организациями банковского законодательства, нормативных актов Банка России (Центральный банк Российской Федерации проверяет соблюдение кредитными организациями банковского и антимонопольного законодательства; законодательства о защите прав потребителей банковских услуг; законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма; нормативных актов Банка России);

— пруденциальный контроль, в процессе которого Банк России анализирует работу кредитной организации через призму выполнения ею устанавливаемых ЦБ РФ экономических нормативов деятельности; своевременности, полноты и достоверности предоставления отчетной информации и ее опубликования в средствах массовой информации в случаях, предусмотренных действующим законодательством; своевременности предоставления аудиторского заключения по итогам работы за год.

Последующий банковский надзор проводится в отношении финансово неустойчивых кредитных организаций, а также субъектов, у которых были отозваны Банком России лицензии на осуществление банковских операций. Кроме того, последующий банковский надзор выражается также в анализе и обобщении Центральным банком Российской Федерации отчетности кредитных организаций [7].

При рассмотрении вопроса о соотношении банковского надзора и контроля мы опираемся на учение о соотношении финансового контроля и надзора, разработанное в работах С. В. Мирошник [8]. По ее мнению, которое мы разделяем, финансовый надзор шире финансового контроля. Центральный банк Российской Федерации является особым субъектом финансового права, выполняющим функции государственной власти, но не имеющим статуса органа государственной власти. Банковский надзор как функция Банка России включает в себя банковский контроль и собственно банковский надзор.

Объектом банковского контроля выступает финансовая деятельность кредитных организаций в части соблюдения ими банковского законодательства, нормативных актов Банка России. Контрольная деятельность ЦБ РФ нацелена на установление законности и достоверности осуществляемых кредитными организациями банковских операций, иных сделок. Она является первым объективно необходимым этапом банковского надзора, поскольку позволяет обеспечить получение объективной информации о работе каждой кредитной организации. Анализ полученных сведений дает возможность составить целостное представление о состоянии банковской системы Российской Федерации, тенденциях развития банковских отношений.

Поэтому цель надзорной деятельности Банка России — обеспечение стабильного поступательного развития всей банковской системы путем анализа сведений, полученных в результате проведения контрольных мероприятий, и разработки на этой основе предложений по совершенствованию государственного регулирования банковской деятельности. Банковский надзор характеризуется системным подходом, он имеет стратегический характер. В то время как банковский контроль — тактический, он нацелен на проверку соблюдения банковского законодательства, выявления финансовых нарушений и своевременное привлечение кредитных организаций к ответственности [9].

Банковский контроль и надзор объективно необходимы, поскольку специфика банковской деятельности, особенности взаимоотношений физических, юридических лиц с кредитными организациями порождают необходимость значительного публичного вмешательства в деятельность кредитных организаций.

Зарубежный и отечественный опыт государственного регулирования банковской деятельности убедительно свидетельствует о том, что единственным способом поддержания стабильности на денежно-кредитном рынке страны является активная позиция Центрального банка как представителя государственной власти [10]. Поэтому в соответствии с Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» банковский надзор нацелен на поддержание стабильности банковской системы Российской Федерации, защиту интересов вкладчиков и кредиторов.

Надзор Банка России выполняет две основные функции:

— превентивную, заключающуюся в том, чтобы не допустить банкротства кредитных организаций;

— защитную, выражающуюся в своевременном принятии мер по нейтрализации негативных последствий принудительной ликвидации кредитной организации; оказании помощи вкладчикам и кредиторам при помощи создания различных гарантийных институтов.

Литература:

1. Федеральный закон от 23.07.2013 № 251-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (Часть I). Ст. 4084.
2. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СПС «Гарант».
3. Положение о Комитете банковского надзора Банка России: утв. Советом директоров Банка России от 24.01.2014, протокол № 2 (ред. от 13.07.2015) // Вестник Банка России. 2014. № 18.
4. Положение о порядке и критериях оценки финансового положения физических лиц — учредителей (участников) кредитной организации и физических лиц, совершающих сделки, направленные на приобретение акций (долей) кредитной организации и (или) на установление контроля в отношении акционеров (участников) кредитной организации: утв. Банком России 18.02.2014 № 416-П // Вестник Банка России. 2014. № 56; Положение о порядке и критериях оценки финансового положения юридических лиц — учредителей (участников) кредитной организации и юридических лиц, совершающих сделки, направленные на приобретение акций (долей) кредитной организации и (или) на установление контроля в отношении акционеров (участников) кредитной организации: утв. Банком России 18.02.2014 N 415-П // Вестник Банка России. 2014. № 56.
5. Положение о порядке оценки соответствия квалификационным требованиям и требованиям к деловой репутации лиц, указанных в статье 11.1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и статье 60 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», и порядке ведения базы данных, предусмотренной статьей 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): утв. Банком России 25.10.2013 № 408-П // Вестник Банка России. 2014. № 5-6.
6. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 29.12.2015) «О банках и банковской деятельности» // СПС «Консультант Плюс».
7. Указание Банка России от 12.11.2009 № 2332-У (ред. от 03.12.2015) «О перечне, формах и порядке составления и представления форм отчетности кредитных организаций в Центральный банк Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 16.12.2009 № 15615) // Вестник Банка России. 2009. № 75-76.
8. Мирошник, С. В. О соотношении контроля и надзора в деятельности федеральных органов исполнительной власти // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4.
9. Мирошник, С. В. О соотношении контроля и надзора в деятельности федеральных органов исполнительной власти // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4.
10. Мирошник, С. В. Финансовая система России и мегарегулятор: осмысление новой финансово-правовой реальности // Банковское право. 2015. № 3.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Политическая история отношений государственной власти и Русской православной церкви

Новиков Андрей Вадимович, лаборант
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

В статье рассматриваются проблемы взаимоотношений российского государства и Русской православной церкви от принятия христианства на Руси до начала XXI века. Автор анализирует становление системы государственного влияния на институт церкви в контексте политической истории.

Ключевые слова: политическая история, государственная власть, Русская православная церковь, Россия.

На протяжении русской истории радикальные изменения структуры власти болезненно отражались на положении церкви. Для того, чтобы понять процесс становления взаимоотношений государства и русской православной церкви, недостаточно ограничиться анализом послереволюционной отечественной истории. Необходимо взглянуть на причины кризисов отношений православной церкви и государства с точки зрения политической истории.

Приняв православие от Византии, Русь унаследовала и недостатки церковно-государственных отношений. В то же время, русская церковь оказалась более независимой, от княжеской власти. Божественная концепция власти и становление официальной религиозной идеологии накладывалась на сильную патриархальную традицию. В отношении к власти великого князя в России (по крайней мере до конца XV века) Русская православная церковь была значительно более свободной от государственного влияния, чем Византийская церковь в отношении с императорской властью [4]. Церковь в данный исторический период определяет процесс формирования русской государственности. В Киевской Руси князь, являлся фактически соправителем Церкви, которая носила признаки экстерриториальности. Этот факт позволял Церкви скреплять русскую государственность, обеспечивать целостность культурного и политического пространства. Сама модель устройства Древнерусского государства наследовалась от Церкви, в основе которой лежала соборность и строгая иерархия ступеней управления. Особую роль в институциональном дизайне православной церкви играли два фактора: неопитство, которое было связано с преклонением князей перед авторитетом Церкви, а также некая экстерриториальность церковной структуре.

В период раздробленности Церковь была неотделима от государства, а благодаря веротерпимости Орды играла роль буфера-посредника между Русью и татарами. Так, церковь была поставлена татарами-монголами в привилегированное положение по отношению к политической системе русских княжеств. Таким образом, только в нетронутых татарами монастырях сохранилась непосредственная культурная преемственность от наследия Киевской Руси. Более того, только титул и статус митрополита Киевского был свидетельством исторической Руси, как единого общественно-политического пространства, в то время как само российское государство переживало период раздробленности. Православная церковь оставалась единым социальным институтом, а месторасположение кафедры митрополита играло решающую роль в последующей политической интеграции. В XIV в. церковные деятели становятся наставниками государей, а политический порядок строится на идеократии, легитимизации Московского государства как политического центра.

В XV в. наступает период самостоятельного существования Русской православной церкви. В XV в. победа иосифлян над нестяжателями крепко спаяла Церковь и государство. Митрополиты стали более зависимы от воли царя и уже не могли контролировать действия светской власти. И при попытке Ивана IV перейти к деспотии стало возможным вмешательство царской власти в дела Церкви, и, как следствие, произошел подрыв ее духовной независимости.

В период после Смуты Церковь, опираясь на возрастание своего нравственного авторитета и политическое влияние на Михаила Романова, фактически легитимизировала действия светской власти [3, с. 115-117]. Однако в ходе реформ Никона, внутреннего раскола, одновременного противоборства со старообрядцами и государ-

ством, силы Церкви истощились настолько, что успех Петровской модернизации и отмены патриаршества был предрешен. В XVIII в. подчинение Церкви государственному аппарату и секуляризация имуществ, превратили ее в зависимую идеологическую опору крепостничества и абсолютизма.

Весь Синодальный период являлся следствием налогообложения протестантских доктрин на российскую политическую жизнь. В XIX в. православие постепенно возвращается к традициям, но одновременно все еще является институтом подавления народной воли, что предопределило отчуждение от общества в 1905-1917 гг. Так, если бы существовало более определенное разделение между царской властью и собственно институтом церкви, престиж Церкви не упал в XIX столетии настолько низко, а ее роль как основного духовного и нравственного руководителя сохранилась бы соответствующей. Вред особо тесной связи Церкви с государством (правительством) сказывается также том, что, в отличие от большинства католических стран, где, как правило, смена власти слабо отражается на институциональном дизайне и инфраструктуре Церкви. То радикальное изменение структуры государственной власти в православных государствах сразу же критически отражается на структуре, положении и самоопределении Церкви. Каждый раз, как Церковь отождествлялась с предыдущей политической системой, ей снова приходилось реформироваться в соответствии с целями новой власти, постоянно подтверждая свою лояльность. И все начинается сначала. Пассивность Церкви в революционный период была связана с внутренней разъединенностью и быстрым крушением самодержавия. В ходе Февральской революции Церковь вернулась к соборности, но утратила покровительство власти.

После Октябрьской революции 1917 года, большевики, придя к власти, тут же развернули политическую борьбу против Церкви. Основным мотивом для гонений объявлялась контрреволюционность церковной структуры, однако с начала установления советской власти и до конца гражданской войны, государственная власть так и не смогла указать ни одного факта контрреволюционной деятельности Русской православной Церкви в России. Новое государство, несмотря на лояльность Церкви советской власти, не могло мириться с существованием двух центров общественной жизни. Это определило прекращение симбиоза светской и духовной власти, государство сделало ставку на политическое подавление церковной власти. Этап поиска новой модели отношений, связанный с НЭПом, с ужесточением политического режима сменился в 30-е годы решительным наступлением государства на религию и Церковь.

В связи с расширением границ советского государства, начиная с сентября 1939 г., благодаря включению в состав СССР территорий Западной Украины, Западной Белоруссии и стран Прибалтики, возникла необходимость ассимилировать и политически нейтрализовать протестные настроения миллионов новых граждан. Советское госу-

дарство осознавало, что данной цели невозможно достигнуть при сохранении политического курса на открытую конфронтацию с церковью и антицерковной кампанией. Используя национальные чувства западных белорусов и украинцев, воссоединявшихся с восточными, русских, живущих в Прибалтике, православных эстонцев, карелов и латышей, близких к русскому народу по культуре, и, в меньшей степени, молдаван, необходимо было сначала «подчинить» эти территории Московской патриархии.

С началом Великой Отечественной войны с Германией, положение церкви коренным образом изменилось. Глава Русской православной церкви знал гораздо лучше, как реагировать на нападение врага, чем Сталин, который до этого нигде не появлялся, не делал официальных заявлений и только через десять дней после начала немецкого нападения решился выступить по радио. Сам И. Сталин обратился к народу со словами: «Дорогие соотечественники! Братья и сестры!», и слова эти были подсказаны отнюдь не марксистско-ленинской идеологией [1, с. 140].

Впоследствии, с 1943 г. Церкви дается относительная свобода и самостоятельность, т. к. религиозность народа растет, а власти требуется поддержание благоприятного внешнеполитического имиджа и отношений с зарубежными церквями. Так, после завершения Второй мировой войны за границей наблюдалось проявление определенной лояльности по отношению как к Московскому патриархату, так и к советскому строю. Великая победа (а также использование в советской армии элементов дореволюционной формы и введение офицерских званий) казалась проявлением русского национального возрождения и зачастую покоряла даже правых консерваторов, у которых воинские традиции романтического патриотизма возобладали над политической оценкой советской системы. Решающим было и появление делегаций епископов из России [2, с. 140]. Тысячи русских эмигрантов во Франции, Китае, Маньчжурии и других странах вступали в «Общество советских патриотов», получили советские паспорта и добивались возвращения на историческую родину. Однако, было разрешено вернуться лишь небольшому числу, поскольку они были полезнее для Москвы на Западе, где вели просоветскую работу среди русских эмигрантов и способствовали поддержанию дальнейшего раскола и церковным разногласиям, укрепляя и умножая приходы Московского патриархата.

Хрущевское форсированное наступление на Церковь связано с критикой сталинизма и новой Программой КПСС, ставившей задачу построения безрелигиозного общества. С отставкой Н. Хрущева началась стабилизация отношений, которые носили инерционный характер. Церковь наделялась некоторой самостоятельностью, но не могла вести общественную деятельность. Политика перестройки, потребность режима А. Горбачева в поддержке народа и интеллигенции заставила смягчить религиозные ограничения. Демократизация отношений с Церковью была фактором в приобретении доверия западной общественности.

С 90-х г. в Церкви, испытывающей последствия внутренней конфликтности, шли процессы восстановления единства. Укрепление государственности потребовало поиска новой парадигмы в отношениях власти и Церкви, так происходит возвращение к концепции «симфонии» с обоснованием «патриотического служения» светскому государству. Установку на то, что Церковь не должна вмешиваться в государственную политику, но в тоже время имеет право высказывать нравственное суждение о ней — включается в традиционные представления о роли Русской православной церкви в жизни российского государства и народе, его исторических судьбах, которые реализуются в

многократных публичных заявлениях высшего духовенства.

Сегодня во внутренней жизни Церкви, также, как и в большинстве остальных аспектах общественной жизни современной России, разумеется, остается, еще много неразрешенных проблем (особенно в области нравственного оздоровления института русской церкви). Однако, несомненно, что существующая государственная власть в России пытается выстраивать политические отношения с Русской православной церковью с на основе сотрудничества и конструктивного взаимодействия по решению острых социально-политических проблем.

Литература:

1. Поспеловский, Д. В. Русская православная церковь в XX веке. — М.: Республика. 1995. — 511 с.
2. Якунин, В. Н. Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. автореферат диссертации 2002. URL: <http://www.dissercat.com/content/pravovoi-status-polozhenie-deyatelnost-vneshnie-svyazi-russkoi-pravoslavnoi-tserkvi-v-gody-v> (дата обращения 07.04.2016).
3. Черданцев, В. В. Переяславская Рада и остров Тузла: взгляд сквозь века // Известия Уральского государственного экономического университета. 2004. — № 9. — с. 114-120.
4. Карташев, А. Церковь и национальность // Путь, 1934. Июль — сентябрь. № 44.

Молодой ученый

Международный научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 8 (112) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешнев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 10.05.2016. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25